

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук**

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»**

ООО «Омега-Пресс»

ГУМАНИТАРИЙ ЮГА РОССИИ

Научно-образовательный журнал

**Том 14. № 1 (71)
2025**

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences**

Southern Federal University

Omega-Press

HUMANITIES OF THE SOUTH OF RUSSIA

Scientific-educational journal

**Vol. 14. No. 1 (71)
2025**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. В. Атанесян – д. полит. н., проф. (Ереван, Армения); **Н. С. Бондарь** – д. ю. н., проф. (Санкт-Петербург); **М. А. Боровская** – д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); **Ш. А. Гапуров** – д. ист. н., проф. (Грозный); **М. К. Горшков** – академик РАН (Москва); **Р. С. Гринберг** – член-корреспондент РАН (Москва); **И. А. Гуськов** – д. социол. н., проф. (Ростов-на-Дону); **А. Т. Гыязов** – к. э. н., проф. (Бишкек, Киргизия); **В. И. Колесников** – академик РАН (Ростов-на-Дону); **С. А. Кравченко** – д. социол. н., проф. (Москва); **Н. Г. Кузнецов** – д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); **Ван Лэй** – д. ист. н., доц. (Чанчунь, Китай); **А. Л. Маршак** – д. филос. н., проф. (Москва); **Г. Г. Матишов** – академик РАН (Ростов-на-Дону); **А. В. Миронов** – д. социол. н., проф. (Москва); **А. Е. Мкртчян** – д. филос. н., проф. (Ереван, Армения); **Н. Г. Скворцов** – д. социол. н., проф. (Санкт-Петербург); **Г. Сросляк** – д. э. н., проф. (Краков, Польша); **Л. Г. Титаренко** – д. социол. н., проф. (Минск, Беларусь); **В. А. Тишков** – академик РАН (Москва); **Ж. Т. Тощенко** – член-корреспондент РАН (Москва); **Лю Цзайци** – д. полит. н., проф. (Ухань, Китай); **Е. М. Харитонов** – академик РАН (Краснодар); **Р. Д. Хунагов** – д. социол. н., проф. (Майкоп)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. Х. Акаев – д. филос. н., проф. (Грозный); **В. Н. Бадмаев** – д. филос. н., проф. (Элиста); **Т. И. Барсукова** – д. социол. н., проф. (Ставрополь); **А. В. Бедрик** – к. социол. н. (Ростов-на-Дону); **М. И. Биалалов** – д. филос. н., проф. (Махачкала); **А. В. Верецагина** – д. социол. н., проф. (Ростов-на-Дону); **К. В. Воденко** – д. филос. н., проф., зам гл. редактора (Новочеркасск); **В. В. Касьянов** – д. социол. н., д. ист. н., проф. (Краснодар); **И. В. Ковтуненко** – д. филолог. н., доц. (Ростов-на-Дону); **Ю. С. Колесников** – д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); **А. М. Кумыков** – д. филос. н., проф. (Нальчик); **Е. Г. Попкова** – д. э. н., проф. (Волгоград); **И. М. Сампиев** – д. полит. н., проф. (Магас)

РЕДАКЦИЯ

А. А. Беспалова – к. социол. н., редактор-переводчик; **В. П. Войтенко** – к. филос. н., перв. зам гл. редактора; **А. Н. Дьяченко** – к. филос. н., ответственный секретарь

Адрес редакции: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.
Тел. (863) 219-97-25. E-mail: gursfedu@rambler.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Volkov Yury Grigor'evich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Honored worker of Science of Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

A. V. Atanesyan – Dr. Sci. (Polit.), Prof. (Yerevan, Armenia); **N. S. Bondar'** – Dr. Sci. (Jur.), Prof. (Saint Petersburg); **M. A. Borovskaya** – Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Rostov-on-Don); **Sh. A. Gapurov** – Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Grozny); **M. K. Gorshkov** – Academician, Russian Academy of Science (Moscow); **R. S. Grinberg** – Corresponding Member, Russian Academy of Science (Moscow); **I. A. Gus'kov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Rostov-on-Don); **A. T. Giyasov** – Cand. Sci. (Econ.), Prof. (Bishkek, Kyrgyzstan); **V. I. Kolesnikov** – Academician, Russian Academy of Science (Rostov-on-Don); **S. A. Kravchenko** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **N. G. Kuznetsov** – Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Rostov-on-Don); **Wang Lei** – Dr. Sci. (Hist.), Associate Prof. (Changchun, China); **A. L. Marshak** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **G. G. Matishov** – Academician, Russian Academy of Science (Rostov-on-Don); **A. V. Mironov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **A. E. Mkrtchyan** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Yerevan, Armenia); **N. G. Scvorcov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Saint Petersburg); **G. Sroslak** – Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Cracow, Poland); **L. G. Titarenko** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Minsk, Republic of Belarus); **V. A. Tishkov** – Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **J. T. Toshchenko** – Corresponding Member, Russian Academy of Science (Moscow); **Liu Tszaytsi** – D. Sci. (Polit.), Prof. (Wuhan, China); **E. M. Kharitonov** – Academician, Russian Academy of Science (Krasnodar); **R. D. Hunagov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Maikop)

EDITORIAL BOARD

V. H. Akaev – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **V. N. Badmaev** – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **T. I. Barsukova** – Dr. Sci. (Soc.), Prof.; **A. V. Bedrik** – Cand. Sci. (Soc.) (Rostov-on-Don); **M. I. Bilalov** – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **A. V. Vereshchagina** – Dr. Sci. (Soc.), Prof.; **K. V. Vodenko** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Deputy of Editor-in-Chief; **V. V. Kas'janov** – Dr. Sci. (Soc.), Dr. Sci. (Hist.), Prof.; **I. V. Kovtunen** – Dr. Sci. (Philolog.), Ass. Prof. (Rostov-on-Don); **U. S. Kolesnikov** – Dr. Sci. (Econ.), Prof.; **A. M. Kumykov** – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **E. G. Popkova** – Dr. Sci. (Econ.), Prof.; **I. M. Sampiev** – Dr. Sc. (Polit.), Prof.

EDITORIAL STAFF

A. A. Bespalova – Cand. Sci. (Soc.), Editor and Interpreter; **V. P. Voytenko** – Cand. Sci. (Philos.), First Deputy of Editor-in-Chief; **A. N. D'jachenko** – Cand. Sci. (Philos.)

The address of edition: Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006.
Ph. (863) 219-97-25. E-mail: gursfedu@rambler.ru

ISSN 2227-8656 (print)
ISSN 2500-2155 (online)
DOI 10.18522 2227-8656.2025.1

Журнал издается с 2012 г.
С 2016 г. выходит 6 раз в год

**Свидетельство
о регистрации СМИ**

ПИ № ФС 77-44772
(от 25 апреля 2011 г.)
Журнал зарегистрирован
Роскомнадзором

**Подписной
индекс издания**

«Пресса России» – 40560

РИНЦ

Зарегистрирован в РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования)

Перечень ВАК РФ

Включен в сформированный ВАК РФ
Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора
и кандидата наук (философские науки,
социологические науки)

elibrary.ru

OLRVOJ

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	9

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Газзаева В. И. Диаспоральность осетинской общности в условиях северокавказской диаспоры Турции	17
Магранов А. С., Гаврилов П. С. Миграционные установки иностранных студентов после окончания российских вузов (на примере Юга России)	34
Петросян Д. С. Формирование социально-групповых общностей в цифровой среде	57
Салогуб А. М., Бессонов Н. А. Глобальные тренды, локальные решения: как ИИ меняет управленческую культуру крупной промышленной компании	74

ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

Баталин Р. А. Футурологические аспекты просвещенного патриотизма	88
Бурмистров Н. Н. Эволюция насилия в эпоху технологической революции: от физического принуждения к цифровым формам контроля	101
Сампиев И. М. Трансформация государства и общества в условиях глобализации и становления многополярности	110

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Аскеров А. С. О связи математической культуры с разновидностями познавательной культуры	124
Гречко М. В., Плешивцева А. А. О роли феномена культуры в контексте перехода к (пост)индустриальной экономике	132
Иванова Д. Н., Поленова А. Ю. Исторические уроки реализации языковой политики в национально-ситуативном контексте	148
Ковтуненко И. В., Кудряшов И. А., Бондаренко Ю. Б. Проблема многомерной идентичности личности в обществе эпохи постмодерна	158
Попов А. В., Щекотин Д. А. Типология потребительской культуры в сфере гастрономии жителей города-миллионника (на примере г. Ростова-на-Дону)	175

РЕЦЕНЗИИ

Силласте Г. Г., Арутюнян А. С. На перекрестке культур: размышления о книге коллег «На переломе веков: социодинамика российской культуры»: [монография] / М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров, О. И. Карпухин; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 703 с. 188

Золотухина-Аболина Е. В., Пендюрина Л. П.

Культурно-ценностный поиск – задача современного философа (Рефлексия на книгу Дмитрия Музы «О метафизике русской судьбы: исторические, культурологические и философские опыты постижения» / Центр стратегической конъюнктуры. – М.: Издатель Воробьев А. В., 2023. – 152 с.) 201

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ

Пилипенко А. Э. К вопросу об актуальных проблемах жизненной самореализации современной молодежи российских регионов (О некоторых результатах XVII ВНК «Молодежь российских регионов: исследовательские практики и актуальные проблемы жизненной самореализации»).....208

Правила для авторов.....214

TABLE OF CONTENTS

To the readers	9

SOCIAL STRUCTURE AND SOCIAL INSTITUTIONS IN MODERN SOCIETY

Gazzaeva V. I. Diasporality of the Ossetian community in terms of the North Caucasian diaspora in Turkey.....	17
Magranov A. S., Gavrilov P. S. Migration attitudes of foreign students after graduation from Russian universities (the case of the South of Russia)	34
Petrosyan D. S. Development of socio-group communities in digital environment	57
Salogub A. M., Bessonov N. A. Global trends, local solutions: how does artificial intelligence change the management culture in a large industrial company	74

PHILOSOPHY AND SOCIETY

Batalin R. A. Futurological aspects of enlightened patriotism	88
Burmistrov N. N. The evolution of violence in the age of the technological revolution: from physical coercion to digital forms of control.....	101
Sampiev I. M. Transformation of the state and society in terms of globalization and the emergence of multipolarity	110

CULTURE AND GLOBALIZATION

Askerov A. S. The connection of mathematical culture with the varieties of cognitive culture.....	124
Grechko M. V., Pleshivtseva A. A. The role of cultural phenomenon in terms of transition to (post)industrial economy.....	132
Ivanova D. N., Polenova A. Yu. Historical lessons of the implementation of language policy in a national situational context.....	148
Kovtunen I. V., Kudryashov I. A., Bondarenko Yu. B. The problem of multidimensional personality identity in postmodern society.....	158
Popov A. V., Shchekotin D. A. The typology of consumer culture in the gastronomic field among the residents of a millionaire city (the case of Rostov-on-Don).....	175

REVIEWS

- Sillaste G. G., Harutyunyan A. S.** At the crossroads of cultures: reflections on colleagues' book "At the turn of the Century: sociodynamics of Russian culture": [monograph] / M. K. Gorshkov, S. N. Komissarov, O. I. Karpukhin; FCTAS RAS. – Moscow: FCTAS RAS, 2022. – 703 p. 188
- Zolotukhina-Abolina E. V., Pendyurina L. P.** Cultural and value search is the task of a modern philosopher (Reflections on Dmitry Musa's book "On the Metaphysics of Russian destiny: historical, cultural and philosophical experiences of comprehension" / Center for Strategic Conjunction. – Moscow: Vorobyov A. V. Publisher, 2023. – 152 p.) 201

SCIENTIFIC LIFE OF THE SOUTH OF RUSSIA

- Pilipenko A. E.** The issue of urgent problems of vital self-realization of modern youth in Russian regions (Some results of the XVII All-Russian scientific and practical conference "Youth in Russian regions: research practices and urgent problems of vital self-realization")..... 208
- Rules for authors**..... 214

EDN GOOJES

Уважаемые читатели, коллеги!

Представляем Вашему вниманию первый выпуск журнала «Гуманитарий Юга России» в 2025 году, в календаре которого немало памятных и знаменательных дат для академического сообщества. Во-первых, 2025 год объявлен Президентом Российской Федерации Годом защитника Отечества и 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.¹, что как никогда актуализирует роль социально-гуманитарного образования и общественных наук в сохранении исторической памяти и формировании чувства патриотизма и гражданской ответственности у молодого поколения.

Во-вторых, продолжается Десятилетие науки и технологий, объявленное Президентом Российской Федерации² с целью «привлечения талантливой молодежи в научную сферу, вовлечение исследователей и разработчиков в решение важнейших задач развития общества и страны, повышение доступности информации о достижениях и перспективах отечественной науки для граждан России»³.

В-третьих, в 2025 году ведущие ученые страны и по совместительству члены редакционной коллегии и редакционного совета журнала «Гуманитарий Юга России» отмечают юбилеи. Так, 29 декабря 2025 года – 75-летие главного российского социолога, академика РАН, члена Президиума РАН, доктора философских наук, научного руководителя Федерального научно-исследовательского центра РАН, директора Института социологии ФНИСЦ РАН, лауреата Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, члена редакционного совета журнала «Гуманитарий Юга России» – Михаила Константиновича Горшкова.

26 августа 2025 года юбилей по случаю 70-летия празднует доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Федерального научно-исследовательского центра РАН Михаил Федорович Черныш.

1 января 2025 года отметил 80-летие академик РАН, доктор географических наук, профессор, заместитель Президента РАН, научный руководитель и руководитель отдела океанологии и географии Южного научного центра

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51589> (дата обращения: 05.02.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий». – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/WiWS6wA3UWh0h5dWnOndvYMgdY7pJIkA.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).

³ 2022–2031 годы в России объявлены Десятилетием науки и технологий. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/68278> (дата обращения: 05.02.2025).

РАН, член редакционного совета нашего журнала Геннадий Григорьевич Матишов.

3 января 2025 года юбилейную эстафету принял член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор Института социологии РАН, главный научный сотрудник Группы исследования социокультурной динамики Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, член редакционного совета журнала «Гуманитарий Юга России» Жан Терентьевич Тощенко.

11 февраля 2025 года – 75-летний юбилей доктора биологических наук, профессора, академика отраслевой академии наук, заведующего кафедрой психофизиологии и клинической психологии Южного федерального университета Павла Николаевича Ермакова.

4 марта 2025 года 90 лет со дня рождения отмечает академик РАН, доктор химических наук, профессор, научный руководитель Южного федерального университета Владимир Исаакович Минкин.

30 августа 2025 года доктор социологических наук, профессор, профессор факультета инноватики и организации производства Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова, специалист в области социологии управления, интеллектуальный партнер и хороший друг Института социологии и регионоведения Южного федерального университета Лидия Ильинична Щербакова отмечает 75-летний юбилей.

В октябре 2025 года поздравления по случаю 75-летия будут принимать доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного суда Российской Федерации (2000–2020 гг.), член нашего редакционного совета Николай Семенович Бондарь и доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, декан факультета журналистики, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета, член редакционной коллегии журнала «Гуманитарий Юга России» Валерий Васильевич Касьянов.

70-летний юбилей 4 октября 2025 года будет праздновать доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, член нашего редсовета Николай Генрихович Скворцов.

8 декабря 2025 года 70-летний юбилей доктора философских наук, профессора, директора Северо-Кавказского научного центра высшей школы Южного федерального университета Михаила Дмитриевича Розина.

По случаю череды торжественных мероприятий редакция будет публиковать на страницах журнала поздравления и научные статьи именинников.

Важно отметить, что в текущем году исполняется 270 лет со дня основания старейшего и ведущего вуза страны – Московского государственного

университета имени М. В. Ломоносова – флагмана классического университетского образования в России. Также в 2025 году празднует 110-летний юбилей Южный федеральный университет, научно-исследовательский потенциал которого постоянно растет и позволяет решать задачу обеспечения технологического суверенитета не только Юга России, но и всей страны в целом.

С учетом современной геополитической повестки и комплекса социально-экономических и социокультурных трансформаций, с которыми столкнулось современное российское общество, а также проведения в России Десятилетия науки и технологий и Года защитника Отечества, редакция журнала «Гуманитарий Юга России» ждет от авторов интересных статей и новых научных идей. Мы всегда открыты для авторов.

Первый номер в текущем году открывает раздел *«Социальная структура и социальные институты в современном обществе»* и статья В. И. Газзаевой *«Диапоральность осетинской общности в условиях северокавказской диаспоры Турции»*. Диаспора осетинской общности в Турции представляет собой уникальное явление, отражающее сложное взаимодействие сохранения этнокультурной идентичности и адаптации к иноэтнической среде. Этническая идентичность осетин основывается на таких ключевых элементах, как язык, традиции, коллективная память и организационная активность, что обеспечивает ее устойчивость даже в условиях значительного ассимиляционного давления. Несмотря на вызовы, связанные с ассимиляционными процессами, осетинская диаспора в Турции демонстрирует высокий уровень социальной сплоченности и способность сохранять основные элементы своей этнокультурной самобытности. Диапоральная идентичность осетин, основанная на взаимодействии исторической памяти, институциональной активности и семейных ценностей, остается устойчивым механизмом сохранения этнической уникальности.

В работе А. С. Магранова и П. С. Гаврилова анализируются основные установки иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, относительно выбора дальнейшего места жительства и трудоустройства после окончания университета. Эмпирическую базу исследования составили данные прикладного социологического исследования, проведенного в высших учебных заведениях Южного федерального округа методом анкетирования. Рассмотрены миграционные установки молодых иностранцев в зависимости от представляемого ими государства. Определены направления подготовки, представители которых в наибольшей степени ориентированы как на отъезд из страны, так и на интеграцию в российское общество. Выявлены основные мотивы, определяющие у иностранных студентов стремление остаться жить и работать в России. Также проанализировано влияние социального окружения на формирование миграционных установок. Согласно проведенному

анализу, одними из факторов, оказывающих влияние на желание остаться в России, выступают наличие прочных дружеских связей, а также создание своей семьи.

Целью исследования Д. С. Петросяна выступает разработка первичного определения понятия «социально-групповые общности» на основе анализа научных теорий в областях коммуникации, исследования медиа, общества будущего, группообразования и Интернета как фундамента цифровой среды. Социально-групповая общность – это аффективная форма объединения людей в условиях новой реальности цифрового общества, которая может послужить предварительным этапом для образования более устойчивых социальных групп, благодаря опоре на симуляцию как определяющей характеристике коммуникативного пространства цифровой среды. Особенности цифровой среды связаны с тем, что ее коммуникативное пространство косвенно воздействует на акторов коммуникативных процессов, что приводит к обострению ощущения их самости из-за создания симуляции свободы личного выбора по выработке собственной идентичности.

А. М. Салогуб и Н. А. Бессонов представляют материал, посвященный характеристике факторного влияния глобальных и локальных трендов в сфере искусственного интеллекта на особенности социокультурной и социально-экономической изменчивости управленческой культуры. В рамках составных терминологических образований категорий «управленческая культура» и «искусственный интеллект» представлены условия видоизменения управленческой культуры в контексте глобализации и локализации искусственного интеллекта. Анализ состояния глобализации и локализации ИИ-образований внутри нефтегазовой отрасли позволил выделить следующее качество: в нефтегазовой отрасли фиксируются положительные тенденции в рамках совместного использования локализованных и интегрированных решений в сфере искусственного интеллекта на отраслевом и межотраслевом уровнях.

Продолжает текущий номер раздел «Философия и общество» и статья Р. А. Баталина «Футурологические аспекты просвещенного патриотизма». Просвещенный патриотизм в большей мере, чем другие виды патриотизма, способствует не только лишь защите и безопасности государства, но и его дальнейшему развитию. Проявляя себя в духовно-нравственной и социальной сферах жизнедеятельности как общества в целом, так и отдельных людей в частности, побуждая человека к активным конкретным действиям в рамках трех ценностно-смысловых полей – любовь к Родине, к Отечеству и к народу – просвещенный патриотизм является действенной социальной силой. Просвещенный патриотизм является не только идеалом, к которому следует стремиться, но и практическим руководством к действию для каждого человека. Он способствует формированию гражданина нового типа – сознательного, активного и ответственного. В этом контексте просвещенный

патриотизм может рассматриваться как главное условие для достижения целостного и устойчивого развития, отражая способности нации справляться с вызовами современности и формировать достойное будущее для всех.

Результаты исследования Н. Н. Бурмистрова «Эволюция насилия в эпоху технологической революции: от физического принуждения к цифровым формам контроля» демонстрируют, что в условиях технологической революции насилие претерпевает существенные изменения, становясь виртуализованным, дематериализованным и распределенным. Автором выявлено, что алгоритмическое насилие, реализуемое через когнитивное управление и структурное угнетение, является новой модальностью власти, маскирующей принудительную природу проецированием объективности и нейтралитета. Показано, что цифровая экспансия создает вызовы для классических концепций свободы, автономии и ответственности.

Публикация И. М. Сампиева посвящена исследованию трансформации государства и общества в условиях глобализации и становления многополярного мира. В работе анализируются ключевые аспекты изменений, происходящих в государственном управлении и общественных отношениях, включая цифровизацию, процессы регионализации, а также актуализацию национального суверенитета. Рассматриваются модели глобального порядка, такие как однополярность, биполярность, полицентричность и регионализация, их влияние на международные отношения и национальные стратегии. Также затрагивается влияние глобализации на национальную идентичность, которая подвергается изменениям под воздействием транснационализма. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу многослойных процессов трансформации, сочетающем историко-логический, компаративный и системный методы. Автором также представлены рекомендации для государств по укреплению регионального сотрудничества, модернизации государственного управления и разработке стратегий устойчивого развития. Сделан вывод о необходимости гибкости и проактивного подхода в условиях глобальных изменений.

Продолжает номер рубрика «*Культура и глобализация*» и статья А. С. Аскерова о влиянии разновидностей познавательной культуры на математическую культуру. Как этнические ценности формируют идентичность этноса и служат основой для постепенного развития национальной, религиозной и цивилизационной идентичности, так и категориальные ценности математической культуры эволюционируют от этноматематики до универсальных идей современной академической математики. Автор показывает мировую эволюцию математической культуры и связывает с этой эволюцией вектор изменений в математической культуре дагестанцев. Важность этой проблемы особенно заметна в практике преподавания математики в условиях билингвизма в образовательных организациях Дагестана. В будущем

концепции этноматематики могут быть реализованы в российских школах посредством внедрения принципов народности и развития практико-ориентированных и личностно-ориентированных методов обучения.

Публикация М. В. Гречко и А. А. Плешивцевой посвящена исследованию качественного содержания, роли и значения культурного фактора при переходе к (пост)индустриальной модели развития экономики в контексте эволюционной динамики и трансформации макросистем, находящихся в различных фазных состояниях. При движении к (пост)индустриальной экономике культура является важным элементом в системе производственных отношений, для перехода от репродуктивного к творческому труду, который создает культурный феномен и преодолевает отчуждение. Для прогресса культуры необходимо снятие отношений отчуждения; лишь в этом случае будет происходить качественное развитие креатосферы, служащей базисом (пост)индустрии. В тексте представлены качественные характеристики творческого труда, как основного элемента воспроизводства соответствующей культуры. Одним из институтов воспроизводства субъекта-носителя созидательного потенциала (пост)индустриальных изменений являются креативные индустрии.

В коллективном материале Д. Н. Ивановой и А. Ю. Поленовой представлен анализ особенностей реализации языковой политики в СССР и постсоветском пространстве. В статье рассмотрены следующие этапы в проведении языковой политики: алфавитная революция, языковая ассимиляция, реализуемая в основном через русификацию, трансформация русского языка во второй родной и, наконец, ориентация на этническое возрождение через развитие миноритарных языков. В нестабильные периоды истории в общественных устроениях доминирующими становились призывы к возрождению этнической идентичности. В такие эпохи символическая роль миноритарных языков, безусловно, повышалась с точки зрения разграничения «свой – чужой». Авторы приходят к выводу, что суть языковой политики на всех исторических этапах заключалась не в решении языковых вопросов, а главным образом, в идеологизации через язык и культуру.

Группа ученых – И. В. Ковтуненко, И. А. Кудряшов и Ю. Б. Бондаренко – предлагают исследовать проблему идентичности личности в постмодернистском обществе на материале романа «Бойцовский клуб» Ч. Паланика, в котором исчерпывающе выявляется вся психологическая палитра кризисного состояния идентичности рассказчика, являющегося ярким представителем социума постмодерна. На материале данного текста в исследовании анализируются культурно-философские паттерны, которые проявляются в повествовании рассказчика о своем экзистенциальном кризисе, обостряющемся по мере того, как у него развивается чувство социальной неполноценности, растет неудовлетворенность своей нынешней идентичностью. Установлено,

что эта неудовлетворенность приводит к тому, что рассказчик: 1) присоединяется к контркультурному движению, чтобы принять гиперболизированную форму своей социально предписанной гендерной роли, что приводит к ложному ощущению искусственной зрелости своей личности; 2) прибегает к коммуникативному взаимодействию с персонажами женского пола не для формирования романтической привязанности, а в силу скрытых психологически деструктивных мотивов; 3) принимает на себя, по крайней мере, частичную ответственность за смерть индивида, который воспринимается как обладающий «целостной», но противоречивой идентичностью.

Авторы А. В. Попов и Д. А. Щекотин знакомят нас с темой «Типология потребительской культуры в сфере гастрономии жителей города-миллионника (на примере г. Ростова-на-Дону)», в которой отмечают, что потребительская культура жителей Ростова-на-Дону в сфере гастрономии сохраняет функцию маркировки социальных различий для определенной части потребителей. Как правило, это носители высокого типа потребительской культуры, для которых посещение кафе/ресторанов остается способом идентификации, поддержки социальных связей. Носители среднего типа потребительской культуры – это люди, для которых еда является не способом подчеркивания социальных различий, а отражает их стиль жизни. Носители низкого типа потребительской культуры не стремятся разнообразить свою жизнь с помощью еды вне дома или сделать ее способом идентификации. Они в большей степени испытывают на себе влияние тенденций унификации потребления в сфере гастрономии.

Далее следует рубрика «Рецензии» и материал, подготовленный Г. Г. Силласте и А. С. Арутюняном о фундаментальной работе российских социологов – М. К. Горшкова, С. Н. Комиссарова и О. И. Карпухина – в связи с изданием их фундаментальной монографической работы. Три года назад вышла коллективная монография «На переломе веков. Социодинамика российской культуры», ставшая заметным явлением в сфере социологии культуры. Дискуссионная, полемичная, фундаментальная – она вызвала большой интерес у научной общественности и множество откликов. Авторы старались избежать однозначных оценок чрезвычайно противоречивых изменений поля отечественной культуры, тем более сформулировать готовые рецепты решения многочисленных проблем социокультурного развития и, конечно же, не смогли дать ответы на все вопросы – да и не ставили перед собой такой цели. Но самый короткий путь найти правильный ответ в решении любой проблемы – правильно сформулировать вопрос. А самые главные и болевые проблемы современной отечественной культуры в монографии проанализированы системно и целостно.

Книга, вышедшая одновременно с началом Специальной военной операции, обозначила перелом нынешней эпохи, начавшейся после прямого столк-

новения цивилизаций на земле Малороссии. Взгляд социологов, скрупулезно собиравших социологические свидетельства социокультурных трансформаций российского общества с 1990-х годов, оказался точным индикатором подспудных изменений и социальных, геополитических, социально-экономических, духовно-нравственных, культурных потрясений, нараставших за 30 лет «демократической истории» России, которые в полной мере проявились в последние годы в «отмене» русской культуры, взрыве геополитического противостояния в форме развернутой коллективным Западом гибридной войны.

Не случайно резонанс представленного в монографии социокультурного анализа динамики российской культуры проявляется и ныне, отражая чрезвычайную актуальность и историческую значимость объективного исследования и политического решения затронутых в коллективной монографии проблем культурного суверенитета страны и перспектив ее социокультурного развития – а по большому счету – выживания в XXI веке.

Поэтому, публикуя материал Г. Г. Силласте и А. С. Арутюняна, редакция считает важным продолжить обсуждение поднятых авторами монографии животрепещущих проблем развития отечественной культуры, которая справедливо названа в книге «На переломе веков...» генотипом российской цивилизации.

В той же рубрике выходит еще одна рецензия. Мы предлагаем читателю ознакомиться с размышлениями Е. В. Золотухиной-Аболиной и Л. П. Пендюриной над книгой доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой мировой и отечественной культуры Донецкого государственного университета Дмитрия Евгеньевича Музы «О метафизике русской судьбы: исторические, культурологические и философские опыты постижения». Авторы рецензии вслед за Д. Е. Музой рассуждают о русской цивилизации сквозь призму ее культурно-политического кода, месте русской цивилизации в мирополитическом процессе, русской военно-политологии, уроках истории, а также проектировании русского будущего.

И завершает текущий номер рубрика «*Научная жизнь Юга России*» и материал А. Э. Пилипенко, посвященный результатам XVII Всероссийской научно-практической конференции «Молодежь российских регионов: исследовательские практики и актуальные проблемы жизненной самореализации» (30.09–01.10.2023, Кабардино-Балкарская Республика).

**Главный редактор
журнала «Гуманитарий Юга России»
Ю. Г. Волков**

УДК 314.12 + 304.5
DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.1
EDN GBQRFK

Научная статья

ДИАСПОРАЛЬНОСТЬ ОСЕТИНСКОЙ ОБЩНОСТИ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ ТУРЦИИ

DIASPORALITY OF THE OSSETIAN COMMUNITY IN TERMS OF THE NORTH CAUCASIAN DIASPORA IN TURKEY

В. И. Газзаева*

Victoria I. Gazzaeva*

** Юго-Осетинский государственный
университет им. А. А. Тибилова,
Цхинвал, Республика Южная Осетия*

** South Ossetian State University
named after A. A. Tibilov,
Tskhinval, Republic of South Ossetia*

Цель исследования – выявить характерные черты диаспоральности и особенности функционирования осетинской общности в Турции.

Objective of the study is to identify the characteristic features of diasporality and the peculiarities of the functioning of the Ossetian community in Turkey.

Методологическая база исследования включает в себя анализ существующих подходов к исследованию диаспор, теоретические положения отечественных и зарубежных ученых в сфере диаспоральности, а также методы качественного контент-анализа.

The methodological basis of the study includes the analysis of existing approaches to the study of diasporas, theoretical provisions of domestic and foreign scholars in the field of diasporality, as well as methods of qualitative content analysis.

Результаты исследования. В ходе исследования выявлено, что диаспора осетинской общности в Турции представляет собой уникальное явление, отражающее сложное взаимодействие сохранения этнокультурной идентичности и адаптации к иноэтнической среде. Этническая идентичность осетин основывается на таких ключевых элементах, как язык, традиции, коллективная память и организационная активность, что обеспечивает ее устойчивость даже в условиях значительного ассимиляционного давления. Однако наблюдаемые изменения, такие как

The results of the study. The diaspora of the Ossetian community in Turkey is a unique phenomenon reflecting the complex interaction between the preservation of ethno-cultural identity and adaptation to a non-ethnic environment. Ossetian ethnic identity is based on such key elements as language, traditions, collective memory and organisational activity, which ensures its sustainability even in conditions of significant assimilation pressure. However, observed changes, such as the increase in inter-ethnic marriages and the decline in the use of the Ossetian language

© Газзаева В. И., 2025

рост межэтнических браков и сокращение использования осетинского языка среди молодежи, подчеркивают необходимость усиления институциональной поддержки и образовательных программ.

Перспективы исследования. Представленные результаты имеют научную значимость для дальнейшего изучения диаспоральных сообществ и могут быть использованы при реализации программ, направленных на укрепление этнокультурного наследия в полиэтнической среде.

Ключевые слова: диаспора, диаспоральность, этническая идентичность, диаспоральная общность, осетинская диаспора, северокавказская диаспора в Турции

among young people, underscore the need for stronger institutional support and educational programmes.

Prospects of the study. The presented results have scientific significance for further study of diaspora communities and can be used in the implementation of programmes aimed at strengthening ethno-cultural heritage in multi-ethnic society.

Keywords: diaspora, diasporality, ethnic identity, diaspora community, Ossetian diaspora, North Caucasian diaspora in Turkey

Введение

Диаспора – сложное социальное явление. Существуют различные социологические подходы к анализу понятия «диаспора», а также исследуется его эволюция в научной мысли. Диаспора рассматривается как форма социальной организации, возникающая вследствие миграции и характеризующаяся сохранением этнической идентичности, коллективной памяти о родине и созданием институциональных структур для взаимодействия с принимающим обществом.

Особое внимание уделяется тому, как диаспоры адаптируются к новой среде, сохраняя при этом свои культурные традиции. Они формируют устойчивые связи с исторической родиной и становятся активными участниками транснациональных процессов. Диаспоры играют важную роль в социально-экономической, культурной и политической жизни как стран проживания, так и стран происхождения. Следовательно, диаспоры выступают значимыми участниками преобразований, влияя на процессы глобализации и межкультурного взаимодействия. Диаспоры требуют дальнейшего изучения как динамичного и универсального феномена, способного сохранять этническую идентичность и в то же время адаптироваться к меняющимся условиям современного мира (Аветян, 2022).

Диаспоры представляют собой сложный социальный феномен, объединяющий этническую идентичность и институциональную деятельность. Они играют важную роль в сохранении культурного наследия и поддержании межэтнического диалога. Через национально-культурные автономии и ассоциации диаспоры воспроизводят традиции, укрепляют этническую идентичность и способствуют формированию общегражданской принадлеж-

ности. Однако диаспоры сталкиваются с вызовами, такими как ассимиляция и трудности интеграции новых миграционных сообществ. Их институциональная и символическая роль требует дальнейшего изучения для понимания их влияния на социальные и культурные процессы. Диаспоры выступают посредниками между сохранением культурной самобытности и включением в общественные структуры, что делает их важным объектом социологического анализа и основой для разработки эффективной культурной политики (Бедрик и др., 2023).

Исследования феномена диаспор, а также попытки дефиниции данного явления привели к появлению нового научного термина – «диаспоральность».

А. С. Ким описывал данный феномен как специфичное состояние этничности, особую реальность, образ мыслей и поведения, формирующиеся на фоне адаптационных процессов. Особенностью этой формы этничности является формирование новых характеристик этничности, которые не были характерны для представителей материнского этноса, не проживающих на исторической родине. Особенностью же диаспоральности А. С. Ким в своих исследованиях выделяет этническую маргинальность (Ким, 2008).

В разнообразии подходов к пониманию и определению понятия «диаспора», что в свою очередь приводит к использованию данного термина в противоположных значениях, И. Д. Расолько видит исследовательский волюнтаризм и вероятность прекращения использования понятия «диаспора» в контексте научной терминологии. Таким образом, в научном поле актуализируется новое понятие «диаспоральность», которое позволяет выйти на более эвристичный и универсальный уровень в исследованиях диаспорных процессов и снять все противоречия (Расолько, 2012).

Г. Шеффер описывает диаспоральность как более экстремальную форму этничности, которая в своей структуре имеет дополнительные элементы, сформировавшиеся под влиянием иноэтнических процессов¹. Таким образом, диаспоральность основывается не только на этничности, но и на других культурных, общественных и иных явлениях.

В. И. Дятлов под диаспоральностью подразумевает совокупность признаков и характеристик, которые становятся характерными чертами тех меньшинств, которым удалось избежать ассимиляции (Дятлов, 2004). Диаспоральность отображает свойства и характерные признаки этнической общности, проживающей в инокультурной среде, и тем самым является теоретическим конструктом.

Н. С. Аветян рассматривает диаспоральность как теоретическую схему анализа, которая может быть наложена на объект исследования. Схема диаспоральности включает в себя ряд параметров, которые могут быть исполь-

¹ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике. – URL: https://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/3019-3.shtml (дата обращения: 14.10.2024).

зованы для исследований этнических сообществ в иноэтнической среде. В эти параметры входят:

1. Характер формирования диаспоры.
2. Количественно-демографические признаки диаспоры, к которым относятся такие критерии, как численность населения, половозрастные характеристики, плотность расселения на территории государства и т. д.
3. Особенности транснациональных связей, включая характер и частоту взаимодействия с исторической родиной. Ключевым аспектом анализа этого параметра выступает образ родины, который играет фундаментальную роль для членов диаспоры.
4. Характер взаимоотношений с принимающим обществом.
5. Деятельность диаспорных организаций. Анализ данного параметра подразумевает изучение деятельности организаций (Аветян, 2016).

Также в работах ряда исследователей, посвященных проблематике диаспор, можно выделить еще один значимый параметр диаспоральности. Таким параметром является этническая идентичность. Среди работ, затрагивающих вопросы этнической идентичности как параметра диаспоральности можно выделить исследования таких ученых как Курске В. С., Лебедева Н. М., Тучина О. Р. и др.

Этническая идентичность рассматривается как средство самоидентификации, особенно актуальное в полиэтнических условиях. Взаимодействие с другими этническими группами становится катализатором выделения своей уникальности через язык, традиции и культурные практики (Меренков и др., 2020). Этот процесс согласуется с теорией Фредрика Барта, согласно которой язык, история и культура являются ключевыми элементами этнической дифференциации (Barth, 1969).

А. В. Бедрик и В. П. Войтенко в своем исследовании, посвященном специфике диаспорных идентичностей на Юге России, предлагают методологическую модель изучения диаспор. Данный конструкт включает такие компоненты диаспорной идентичности, как «процессы внутридиаспорной интеграции и дезинтеграции, состояние миграционных установок и гражданской идентичности членов диаспоры, открытость к межкультурному диалогу» (Бедрик, Войтенко, 2023).

Несмотря на актуальность исследований диаспоральных общностей, включая северокавказскую диаспору в Турции, данное направление остается недостаточно разработанным. Следует подчеркнуть, что исследования северокавказской диаспоры в Турции требуют более углубленного и специализированного подхода, направленного на изучение ее структуры. Северокавказская диаспора представляет собой комплексную кавказскую общность, включающую в себя различные этнические группы с уникальными культурными, историческими и социальными особенностями.

В данном контексте важно отметить, что для более глубокого анализа северокавказской диаспоры в Турции необходимо исследовать каждую из этнических групп, которые составляют эту многосоставную общность. Исследования, посвященные осетинской общности в Турции, преимущественно сосредоточены на изучении истории ее формирования и культурных характеристик, которые были трансформированы в процессе длительной ассимиляции в иноэтничной среде. Однако социологический аспект этой общности остается крайне мало изученным, а имеющиеся исследования преимущественно относятся к более ранним периодам и требуют обновления в соответствии с современными реалиями.

Следует подчеркнуть, что актуальность данного исследования обусловлена необходимостью анализа современных социологических особенностей осетинской диаспоры, а также отображения ее актуального состояния. Представленное исследование вносит значительный вклад в изучение как осетинской общности в Турции, так и черкесского сообщества в целом. Полученные результаты могут быть использованы при реализации проектов, направленных на разработку стратегий сохранения этнической идентичности в условиях иноэтничной среды, что представляет важное практическое значение для поддержки и развития данных общностей.

Северокавказская диаспора в Турции

Возникновение северокавказской диаспоры в Турции является результатом масштабного миграционного процесса, произошедшего во второй половине XIX века. Главным катализатором этих событий стало завершение Кавказской войны (1817–1864), сопровождавшееся репрессивной политикой Российской империи, направленной на депортацию кавказских народов. Вынужденный исход был связан с разрушением традиционного уклада жизни горских обществ, утратой земель и угрозой культурной ассимиляции. Османская империя, будучи мусульманским государством, стала для переселенцев очевидным выбором, предлагая не только религиозную и культурную солидарность, но и возможность сохранения этнической идентичности в новых условиях.

Османское правительство рассматривало северокавказских мигрантов как стратегический ресурс, направляя их на освоение малонаселенных регионов, таких как Анатолия и Балканы. Переселенцам предоставлялись земельные участки, налоговые льготы и начальная материальная поддержка. Несмотря на нехватку продовольствия, эпидемии и конфликты с местным населением, мухаджире продемонстрировали высокую степень социальной стабильности, что способствовало формированию компактных общин с устойчивой системой самоорганизации. В то же время взаимодействие с другими народами Османской империи способствовало постепенной трансформации этнической идентичности, что привело к формированию более широкой диаспоральной общности.

История черкесской диаспоры в Турции демонстрирует сложный процесс вынужденной миграции, адаптации и сохранения этнокультурной идентичности. Северокавказская диаспора стала неотъемлемой частью турецкого общества, сохранив при этом значительные элементы своей культурной самобытности (Чочиев, 2022).

Черкесская общность характеризуется сложной этнической и социокультурной структурой, включающей множество этнических групп и подгрупп. Исходя из исследований, посвященных формированию и функционированию северокавказской диаспоры в Турции, численность черкесов за рубежом варьируется от 3 до 5 млн человек. При этом самая многочисленная черкесская община находится в Турции (Кушхабиев, 2018).

В современной Турции термин «черкес» употребляется в обобщенном значении (Jaimoukha, 2001). Данный термин (Çerkes, Çerkez), включает в себя не только черкесов, но также абхазов, осетин, чеченцев, ингушей, дагестанцев, ногайцев (Цибенко, 2019).

Ключевым фактором, способствующим консолидации черкесского сообщества, является коллективная травма, возникшая в результате депортации. Нарративы, связанные с этим историческим опытом, выполняют функцию социальной памяти, транслируясь из поколения в поколение. Эти истории служат механизмом культурной репродукции и поддержания групповой идентичности, оставаясь значимой частью коллективного сознания (Aksoy, 2018).

Согласно Козну (1996), основными чертами традиционных диаспор являются травматическое отделение от исторической родины и сохранение ее образа в коллективной памяти. Исходя из этого, черкесское сообщество соответствует критериям классической (традиционной) диаспоры (Cohen, 1996).

В Турции не существует единой согласованной терминологии для описания черкесского общества, его культуры и языка. Влияние таких факторов, как место проживания, возраст и гендер, обуславливает разнообразие диаспоральных практик среди черкесов. Эти различия способствуют формированию множественных этнических идентичностей, отражающих уникальность их диаспорального опыта (Besleney, 2016).

В 2000-х годах в Турции были сформированы значимые объединения черкесских организаций, которые играют ключевую роль в консолидировании и репрезентации черкесской диаспоры. Федерация кавказских обществ (KAFFED), основанная в 2003 году, стала крупнейшим объединением, включающим 52 ассоциации. Она активно занимается академической и культурной деятельностью, способствуя сохранению этнической идентичности и укреплению социальной памяти черкесской диаспоры. KAFFED представляет собой пример институционализации диаспорной активности, направленной на развитие коллективной идентичности и ее интеграцию в общественно-политический дискурс.

В 2013 году от KAFFED отделилась Федерация черкесских обществ (ÇerkesFed), заявившая о намерении развивать новый подход к диаспорной политике. Однако ее роль и влияние на диаспору остаются предметом обсуждений, что демонстрирует процесс дифференциации внутри диаспорной среды. В 2004 году была создана Объединенная федерация кавказских обществ (BIRKAFFED), базирующаяся на идее единой Кавказской Республики, что отражает политический компонент диаспорной идентичности. В 2010 году формирование Федерации абхазских обществ подчеркнуло существующий «черкесско-абхазский» разрыв, обусловленный разными приоритетами в культурной и политической повестке.

Помимо федераций, значительную роль в укреплении диаспорной идентичности играют медийные платформы, такие как журнал *Jineps*, Кавказский форум и *Cherkessia.net*. Эти ресурсы выступают как пространства символического обмена, способствуя формированию дискурсов, отражающих многообразие взглядов и субидентичностей внутри черкесского сообщества. Подобные институциональные и медийные структуры демонстрируют социокультурную динамику диаспоры, сочетая процессы консолидации и дифференциации (Okçuoğlu, 2019).

Формирование диаспорной идентичности кавказцев, депортированных после 1864 года, основано на взаимодействии этнической памяти и адаптации к новым социальным и географическим условиям. Диаспорная идентичность представляет собой гибридную форму, объединяющую этническую идентичность с привязанностью к принимающему обществу. Центральным элементом этой идентичности является травматический опыт изгнания, закреплённый в коллективной памяти через нарративы о депортации, наполненные символическими образами природы, ритуалов и традиций. Повторение этих историй выполняет функцию социальной памяти, обеспечивая преемственность идентичности и укрепление групповой солидарности.

Членство в диаспорных ассоциациях играет ключевую роль как механизм институционализации диаспоры, способствуя сохранению этнокультурного наследия и формированию чувства принадлежности. Одновременно адаптация к новой среде приводит к территориальной привязанности, что свидетельствует о процессе интеграции. Таким образом, диаспорная идентичность кавказцев формируется через сочетание коллективной памяти, институциональной активности и адаптационных процессов, отражая значимость нарративов травмы и культурного воспроизводства для поддержания этнической идентичности в условиях миграции (Uçar, 2022).

Цифровизация существенно изменила способы коммуникации и взаимодействия в черкесской диаспоре, предоставив новые возможности для сохранения культурной идентичности и укрепления связей (Bolat et al., 2024). Цифровая диаспора, основанная на использовании социальных сетей и дру-

гих интернет-платформ, позволяет черкесам преодолевать географические и политические барьеры, поддерживать связь с сообществами как в диаспоре, так и на исторической родине. Эти платформы способствуют распространению и укреплению культурных ценностей посредством обмена традициями, языком, музыкой и другими элементами культурного наследия.

Взаимодействие в цифровой среде демонстрирует высокую устойчивость, обеспечивая преемственность общения и культурных связей, зачастую превосходящую личные встречи. Однако цифровая диаспора еще не получила широкого распространения и остается доступной лишь для ограниченного сегмента черкесского сообщества. Тем не менее ее развитие через ассоциации и сетевые сообщества указывает на значительный потенциал для дальнейшей консолидации диаспоры.

Таким образом, цифровизация становится важным инструментом в укреплении диаспоральной идентичности черкесов, сохранении культурного капитала и адаптации к современным реалиям. Постепенное расширение цифровых платформ может способствовать усилению коммуникации и взаимодействия внутри диаспоры, а также поддержанию ее связи с исторической родиной.

Черкесская идентичность во многом формируется через акты коллективной памяти и символическую историю депортации, ключевым элементом которой является 21 мая 1864 года. Этот день, ставший местом памяти, приобретает статус важного символа, структурирующего черкесскую идентичность Северного Кавказа. Коллективные воспоминания о депортации воспринимаются как неотъемлемая часть этнической самобытности.

Черкесы Турции стремятся переосмыслить свою идентичность, подвергавшуюся стигматизации, через признание травматического опыта изгнания и его символическую реконструкцию. Память о депортации используется в рамках политики идентичности для легитимизации социальных и культурных требований.

Ностальгическое стремление к Кавказу, как к воображаемой родине, и разочарование от ее утраты становятся движущей силой сопротивления ассимиляции. Таким образом, символика депортации играет центральную роль в воспроизводстве черкесской идентичности, связывая ее с историческим опытом и коллективной памятью (Doğanay, 2015).

На основе вышеизложенной схемы параметров диаспоральности можно провести анализ диаспоральности осетинской общности в Турции.

Характер формирования осетинской диаспоры в Турции

Иммиграция осетин произошла в период между 1860 и 1865 гг. и осуществлялась в три этапа¹.

¹ Türkiye'deki Osetler. (2023). – URL: <https://jinepsgazetesi.com/2023/08/turkiyedeki-osetler> (дата обращения: 11.12.2024).

Осетины-мухаджиры, составившие около 5 тысяч человек, селились в основном в районе под названием Саракамыш. Далее миграция осетин продвигалась в сторону западных земель Османской империи. Потомками осетин-переселенцев тех времен сегодня могут быть около 60 тысяч человек, местом проживания которых является города Стамбул и Анкара.

Сегодня на фоне обширной ассимиляции потомков осетинских мухаджиров в турецком обществе в селах провинции Йозгат, таких как Пойразлы, Боялык и Карабаджак, все еще достаточно активно используется осетинский язык (Foltz, 2022).

Количественно-демографические характеристики осетинской диаспоры в Турции

Осетинская диаспора в Турции, в сравнении с другими северокавказскими общинами, является относительно малочисленной и составляет около 36 тысяч осетин. Это обусловлено как исторически ограниченными масштабами миграции осетин в Османскую империю, так и современными демографическими процессами. Диаспора сосредоточена преимущественно в крупных городах, таких как Стамбул и Анкара, что связано с процессами урбанизации и стремлением к социальной и экономической интеграции. Ее структура включает несколько поколений: старшее поколение сохраняет этнокультурные традиции и язык, в то время как молодежь демонстрирует более высокий уровень аккультурации и интеграции в турецкое общество.

Важно отметить, что смешанные браки, усиление ассимиляционных процессов и доминирование турецкого языка в повседневной жизни приводят к постепенному снижению численности этнически идентифицирующих себя осетин. Эти демографические изменения указывают на риск утраты этнической идентичности, что подчеркивает значимость институциональной активности и культурной репродукции для диаспоры.

Таким образом, количественно-демографические характеристики осетинской диаспоры демонстрируют ее уязвимость перед ассимиляционными вызовами. В этом контексте необходимо усиление образовательных инициатив, поддержка диаспорных организаций и укрепление транснациональных связей с исторической родиной как ключевых механизмов сохранения этнокультурного наследия и устойчивости диаспоры (Закаева, Кушоглу (Кусов), 2021).

Характеристика транснациональных связей или состояние «транснационального пространства»

Особого внимания заслуживает транснациональная связь диаспоры с исторической родиной. Осетины Турции активно участвуют в культурных обменах, переводят литературу с осетинского языка на турецкий, издают книги об Осетии и создают двуязычные словари. Эти практики не только укрепляют связи с исторической родиной, но и способствуют интеграции осетинской

культуры в турецкое общество, что соответствует концепции транснационализма (Закаева, Кушоглу (Кусов), 2021).

Характеристика связей с принимающим обществом

Удивительное сохранение осетинского языка и идентичности в Анатолии спустя более чем 160 лет после переселения можно объяснить, прежде всего, изоляционистскими тенденциями, характерными для первых поколений осетинских иммигрантов. Важно отметить, что в течение первого столетия после изгнания осетинские семьи активно поддерживали внутреннюю культурную автономию. Родители и старшие члены семей настойчиво поощряли детей говорить только на осетинском языке, а использование турецкого в их деревнях было крайне редким. Смешанные браки, особенно с представителями некавказских народов, почти не практиковались. Исключение составляли браки с другими кавказскими этносами, такими как кабардинцы, которые считались культурно близкими осетинам. Стоит отметить, что представителей других народов северокавказской диаспоры, то есть черкесов, осетины признают «своими», следовательно и брачные союзы осетин с представителями черкесской диаспоры не считаются нарушением обычаев и норм (Сокаева и др., 2015).

Особого внимания заслуживает деятельность начальных школ, где обучение проводилось на осетинском языке, а процесс обучения был доступен как девочкам, так и мальчикам. Это подчеркивает высокий уровень приверженности осетин к сохранению своего языка и культуры. Также примечательно, что осетинские женщины не носили чадру, что отличало их от соседних этнических сообществ, и многие конфликты внутри общин решались автономно, без привлечения государственных органов.

Следует подчеркнуть, что в Турции все северокавказские этносы традиционно объединялись под общим термином «черкесы». Осетины, как и балкарцы, нередко обозначались черкесским термином «Куша» (Къущхъ), что в переводе означает «горцы». Однако в последние десятилетия среди осетинской диаспоры в Турции усилилась тенденция идентифицировать себя именно как «осетин». Это явление может быть связано с осознанием собственной этнокультурной уникальности на фоне общего северокавказского единства.

Несмотря на историческую изменчивость взаимоотношений между народами Кавказа, в условиях Турции различные северокавказские этнические группы объединяет осознание общего происхождения и статуса меньшинства. Это способствует укреплению их межэтнического сотрудничества и взаимодействия, что особенно проявляется в культурной и общественной деятельности (Foltz, 2022).

Характер и направленность деятельности диаспоральных организаций

В 1980-е годы урбанизированная осетинская диаспора в Турции начала осознавать угрозу потери культурной идентичности. На этом фоне в 1989 году

в Стамбуле был создан Аланский фонд культуры и помощи, главной целью которого стало укрепление социальной солидарности среди осетин в Турции, а также сохранение и развитие их этнокультурных ценностей.

Фонд реализует важные проекты, такие как организация перелетов представителей молодежи на историческую родину, оказание финансовой помощи нуждающимся и популяризация осетинской культуры и языка. Так, было организовано около 15 выставок художников, концертные туры осетинских исполнителей и культурные фестивали, способствующие укреплению осетинской идентичности.

Во время пандемии фонд продемонстрировал свою значимость, став единственной организацией, отправившей из Турции в Осетию средства индивидуальной защиты и медикаменты. Это подчеркивает его роль в поддержании связей с исторической родиной и помощи диаспоре.

Таким образом, Аланский фонд культуры и помощи выполняет важную функцию по сохранению культурного наследия осетинской диаспоры, ее социальной консолидации и укреплению транснациональных связей с Осетией (Foltz, 2022).

Деятельность диаспорных организаций осетинской диаспоры в Турции играет ключевую роль в сохранении этнокультурной идентичности, языка и традиций. Основными центрами этой деятельности являются культурные объединения, такие как «Аланский клуб» в Стамбуле и другие региональные осетинские ассоциации, которые формируют институциональную основу диаспоры. Примечательно, что эти организации выполняют функции институциональной поддержки, способствуя консолидации общины и укреплению ее внутренних связей. Через культурные мероприятия, образовательные проекты и взаимодействие с исторической родиной они формируют условия для воспроизводства этнической идентичности и сохранения коллективной памяти.

Следует подчеркнуть, что основными направлениями их деятельности являются организация курсов осетинского языка, проведение традиционных праздников и культурных мероприятий, а также поддержание активной связи с Северной и Южной Осетией. Важным аспектом является реализация проектов, ориентированных на молодежь, что обеспечивает преемственность и адаптацию традиций к современным условиям. Так, создаются танцевальные коллективы, где все желающие могут освоить осетинские танцы. В частности, в Стамбуле на протяжении многих лет успешно действует ансамбль осетинского танца «Барс». Помимо танцевальных мероприятий, в рамках диаспоры организован класс осетинского языка, который способствует сохранению и передаче этнолингвистического наследия. Значимым культурным проектом стал перевод книги «Аланы» с французского на турецкий язык, а также издание в Стамбуле труда Хайри Ата (Кусова) «Сто вопросов по истории Осетии». Кроме того, в Турции опубликован ряд книг, посвященных истории и

культуре Осетии, что подчеркивает интерес к осетинскому наследию в контексте транснациональных культурных связей.

Особое внимание уделяется мемориальным проектам. В дигорском селении Пойразлы, одной из трех сохранившихся моноэтнических осетинских деревень Турции, был заложен мемориальный парк из 300 фруктовых деревьев в память о жертвах трагедии в школе № 1 города Беслан. Ежегодно в начале сентября Пойразлы становится местом проведения памятных мероприятий, на которые съезжаются люди разных национальностей и вероисповеданий со всей Турции, чтобы почтить память жертв трагедии.

Кроме того, осетинская диаспора проявила свою активность в период вооруженного конфликта в Южной Осетии в 2008 году, когда Грузия атаковала Цхинвал. В ответ на эти события осетины Турции организовали акции протеста возле грузинских консульств в Стамбуле, Анкаре и Измире, выразив свою солидарность с соотечественниками и поддержав стремление к защите национальных интересов.

Тем не менее нельзя игнорировать существующие вызовы, с которыми сталкиваются эти организации, включая ассимиляционные процессы, снижение интереса к этнической культуре среди молодежи и ограниченность ресурсов для реализации программ. Указанные трудности подчеркивают значимость активного взаимодействия с исторической родиной, разработки долгосрочных стратегий культурного воспроизводства и привлечения внешней поддержки.

Таким образом, деятельность осетинских диаспорных организаций в Турции представляет собой важный механизм сохранения этнокультурной идентичности. Однако для эффективного противодействия ассимиляционным вызовам необходимы дополнительные усилия, направленные на развитие образовательной и культурной сферы, что подчеркнуто в ряде современных социологических исследований (Закаева, Кушоглу (Кусов), 2021).

Этническая идентичность осетинской диаспоры в Турции

Этническая идентичность осетин основывается на сохранении языка, традиций и коллективной памяти, что подтверждает устойчивость ее основных параметров даже в условиях иноэтничного окружения. Одним из центральных элементов этнической идентичности является осетинский язык, который, несмотря на сокращение использования среди молодежи, сохраняется в быту и поддерживается через институциональные усилия диаспоры. При этом наблюдается частичная адаптация осетин к турецкому обществу, выраженная в билингвизме и постепенном переходе на доминирующий турецкий язык, что отражает процесс аккультурации. Однако элементы культурной самобытности продолжают сохраняться благодаря усилиям диаспорных организаций. Именно они играют важнейшую роль укреплении этнической идентичности. В частности, деятельность «Аланского клуба» направлена на консолидацию

осетинского сообщества и организацию образовательных и культурных мероприятий, таких как празднование Дня осетинской молодежи. Коллективная память и символические практики играют не менее важную роль в поддержании этнической идентичности. Примером может служить создание мемориального парка в селе Пойразлы в память о трагедии в Беслане и проведение ежегодных памятных мероприятий, что подчеркивает значимость исторической памяти для сплоченности сообщества (Закаева, Кушоглу (Кусов), 2021).

Этническая идентичность осетин в Турции характеризуется сложным взаимодействием традиционных норм и новых социокультурных условий. Жизнь в диаспоре формирует уникальное сочетание сохранения этнокультурных ценностей и адаптации к иноэтническому окружению. Согласно исследователям, ключевым механизмом воспроизводства этнической идентичности является семья, где первичная социализация способствует передаче языковых, культурных и поведенческих норм. Важно отметить, что значительная часть браков в осетинской диаспоре заключена внутри этнической группы, что свидетельствует о стремлении сохранить этническую и культурную самобытность. Однако данные исследований указывают на рост межэтнических браков, особенно среди молодого поколения, что отражает интеграцию диаспоры в принимающее общество (Гадиева, 2018). Так, семья остается ключевым элементом в сохранении этнической идентичности, однако наблюдаемые трансформации подчеркивают необходимость институциональной поддержки в сохранении языка, традиций и коллективной памяти в условиях диаспоральной реальности.

Таким образом, этническая идентичность осетинской диаспоры в Турции характеризуется устойчивостью, основанной на сохранении языка, культурных традиций, институциональной активности и транснациональных связей с исторической родиной. Несмотря на вызовы ассимиляции, диаспора демонстрирует высокую степень социальной сплоченности и способность адаптироваться к новым условиям, сохраняя при этом основные элементы своей этнокультурной самобытности.

Заключение

Диаспора осетинской общности в Турции представляет собой уникальное явление, отражающее сложное взаимодействие сохранения этнокультурной идентичности и адаптации к иноэтнической среде. Этническая идентичность осетин основывается на таких ключевых элементах, как язык, традиции, коллективная память и организационная активность, что обеспечивает ее устойчивость даже в условиях значительного ассимиляционного давления.

Роль диаспорных организаций, таких как Культурно-благотворительный фонд «Алан» («Alan Vakfı»), является критически важной. Они способствуют сохранению языка и культурных традиций, поддержанию транснациональных связей с исторической родиной и воспроизводству этнической идентич-

ности посредством образовательных и культурных мероприятий. Особое значение имеют мероприятия, направленные на консолидацию общины, такие как памятные акции и фестивали, которые укрепляют чувство принадлежности и формируют коллективную солидарность.

Важным элементом сохранения идентичности остается семья, в которой передаются языковые, культурные и социальные нормы. Однако наблюдаемые изменения, такие как рост межэтнических браков и сокращение использования осетинского языка среди молодежи, подчеркивают необходимость усиления институциональной поддержки и образовательных программ.

Несмотря на вызовы, связанные с ассимиляционными процессами, осетинская диаспора в Турции демонстрирует высокий уровень социальной сплоченности и способность сохранять основные элементы своей этнокультурной самобытности. Диаспоральная идентичность осетин, основанная на взаимодействии исторической памяти, институциональной активности и семейных ценностей, остается устойчивым механизмом сохранения этнической уникальности.

Таким образом, исследование осетинской диаспоры в Турции представляет значительный интерес для социологической науки, способствуя пониманию процессов сохранения этнической идентичности в условиях глобализации и межкультурного взаимодействия. Результаты данного исследования могут быть полезны для разработки стратегий поддержки и укрепления этнокультурного наследия в диаспоральных сообществах.

Список источников

Аветян Н. С. Диаспора как объект исследования социологии / Н. С. Аветян // Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития: Сборник научных статей. – Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2022. – С. 3–10. – EDN LGDCCR.

Аветян Н. С. Понятия «диаспора» и «диаспоральность» в современной социологии / Н. С. Аветян // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. – 2016. – Т. 6, № 1. – С. 95–102. – EDN VMNAIZ.

Бедрик А. В. Структура и факторы формирования диаспорных идентичностей на Юге России (опыт case-study исследования) /

References

Avetyan N. S. Diaspora as an object of sociological research. *Sotsial'nyye, kul'turnyye i kommunikativnyye praktiki v dinamike obshchestvennogo razvitiya: Sbornik nauchnykh statey*. Grodno: Grodnenskiy gosudarstvennyy universitet imeni Yanki Kupaly = Social, cultural and communicative practices in the dynamics of social development: Collection of scientific articles. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno. 2022; 3-10 (In Russ.).

Avetyan N. S. The concepts of “diaspora” and “diasporality” in modern sociology. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kqualy. Seriya 5. Ekonomika. Sotsiologiya. Biologiya = Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5. Economics. Sociology. Biology*. 2016; 6 (1): 95-102 (In Russ.).

А. В. Бедрик, В. П. Войтенко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2023. Вып. 4 (329). – С. 64–72. – DOI: 10.53598/2410-3691-2023-4-329-64-72.

Бедрик А. В. Диаспоры Юга России как объекты социологического исследования: к постановке проблемы / А. В. Бедрик, Ю. С. Панфилова, Г. И. Чикарова // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 6. – С. 147–158. – DOI 10.18522/2227-8656.2023.6.11. – EDN POONN.

Гадиева А. Н. Трансформационные процессы в брачно-семейной сфере: осетинская диаспора в Турции / А. Н. Гадиева // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 12(56). – С. 70–73. – DOI 10.24158/spp.2018.12.11. – EDN VQVUBE.

Дятлов В. И. Диаспоры: экспансия термина в общественную практику современной России / В. И. Дятлов // Диаспоры. – 2004. – № 3. – С. 126–139. – EDN UIYZED.

Закаева Б. К. Сохранение родного языка и национальной идентичности – основная цель диаспоры (на примере осетинской диаспоры Турции) / Б. К. Закаева, С. Кушоглу (Кусов) // Язык и культура как национальное достояние в поликультурной среде: сборник докладов Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 22–23 октября 2020 года / Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет). – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2021. – С. 814.

Ким А. С. Этномаргинальность диаспор: социологические и культурологические основания политического исследования / А. С. Ким // Вестник ТОГУ. – 2008. – № 3. – С. 151–162.

Кушхабиев А. В. История зарубежной черкесской диаспоры: учебное пособие / А. В. Кушхабиев. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2018. – 192 с.

Bedrik A. V., Voitenko V. P. The structure and factors of formation of diaspora identities in the South of Russia (case-study research experience). *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Regionovedeniye: filosoftiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya"* = *Bulletin of Adyghe State University. Series "Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies"*. 2023; 4 (329): 64-72. DOI: 10.53598/2410-3691-2023-4-329-64-72 (In Russ.).

Bedrik A. V. Diasporas of the South of Russia as objects of sociological research: towards the formulation of the problem. *Gumanitariy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2023; 12 (6): 147-158. DOI 10.18522/2227-8656.2023.6.11 (In Russ.).

Gadieva A. N. Transformational processes in the marriage and family sphere: the Ossetian diaspora in Turkey. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2018; 12(56): 70-73. DOI 10.24158/spp.2018.12.11 (In Russ.).

Dyatlov V. I. Diasporas: expansion of the term into the social practice of modern Russia. *Diaspory = Diasporas*. 2004; 3: 126-139 (In Russ.).

Zakaeva B. K., Kushoglu (Kusov) S. Preservation of the native language and national identity is the main goal of the diaspora (on the example of the Ossetian diaspora in Turkey). *Yazyk i kul'tura kak natsional'noye dostoyaniye v polikul'turnoy srede: sbornik dokladov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Vladikavkaz, 22-23 oktyabrya 2020 goda. Severo-Kavkazskiy gorno-metallurgicheskii institut (gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet). Vladikavkaz: Severo-Kavkazskiy gorno-metallurgicheskii institut (gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet) = Language and culture as a national treasure in a multicultural environment: collection of reports of the International scientific and practical conference, Vladikavkaz, October 22-23, 2020. North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University). Vladikavkaz: North Caucasus Mining and Metallurgical Institute*

Меренков А. В. Этническая идентичность: представления жителей крупного города о русском этносе / А. В. Меренков, К. Ю. Скрыбина, Н. Л. Антонова // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2020. – Т. 4. – № 1. – С. 20–25.

Расолько И. Д. Перспективы применения понятий «диаспора» и «диаспоральность» в социологическом анализе / И. Д. Расолько // Социология. – 2012. – № 2. – С. 122–129.

Сокаева Д. В. Отчет об экспедиции СОИГСИ в Турцию (этнография, фольклор, язык) в 2015 году / Д. В. Сокаева, З. В. Канукова, И. Т. Марзоев, Е. Б. Дзапарова, Д. М. Дзлиева // Известия СОИГСИ. – 2015. – № 18 (57). – С. 148.

Цибенко В. В. Политизация этнических меньшинств в Турции на примере черкесов / В. В. Цибенко // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26 / отв. ред. В. Я. Белокренитский, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко. – Москва: ИВ РАН, 2019. – С. 60.

Чочиев Г. В. Иммиграция, поселение и адаптация северокавказцев в османской империи во 2-й половине XIX – начале XX в. / Г. В. Чочиев // Известия СОИГСИ. – 2022. – № 46 (85). – С. 37–49.

Aksoy Z. Çerkes Sürgünü Hikayelerinde Kimliğin İnşası / Z. Aksoy. – Türkiye İletişim Araştırmaları Dergisi, 2018. – P. 62–76.

Barth F. Ethnic Groups Boundaries / F. Barth. – Bergen: Scandinavian University Books, 1969. – 153 p.

Besleney Z. A. Türkiye’de Çerkes diasporasının siyasi tarihi / Z. A. Besleney. – İstanbul: Bilgi Üniversitesi Yayınları, 2016. – 256 p.

Bolat N. A Study on Understanding the Changing Diaspora and Virtual Communities through Digitalization / N. Bolat, Ö. Çakın, E. Sirer // Quaestio Rossica. – 2024. – Vol. 12, No. 1. – P. 110–128. – DOI 10.15826/qv.2024.1.868.

Cohen R. Diasporas and the nation-state: From victims to challengers / R. Cohen // International Affairs. – 1996. – Vol. 72, No. 3. – P. 507–520.

(State Technological University). 2021; 814 (In Russ.).

Kim A. S. Ethnomarginality of diasporas: sociological and cultural foundations of political research. Vestnik TOGU = Bulletin of PSU. 2008; 3: 151–162 (In Russ.).

Kushkhabiev A. V. History of the foreign Circassian diaspora. Textbook. Nal’chik: KBNTS RAN = Nalchik: KBNC RAS. 2018; 192 p. (In Russ.).

Merenkov A. V., Skryabina K. Yu., Antonova N. L. Ethnic identity: ideas of residents of a large city about the Russian ethnos. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya = Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2020; 4(1): 20–25 (In Russ.).

Rasolko I. D. Prospects for applying the concepts of “diaspora” and “diasporaality” in sociological analysis. Sotsiologiya = Sociology. 2012; 2: 122–129 (In Russ.).

Sokaeva D. V., Kanukova Z. V., Marzoev I. T., Dzaparova E. B., Dзлиева D. M. Report on the SOIGSI expedition to Turkey (ethnography, folklore, language) in 2015. Izvestiya SOIGSI = News of North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research. 2015; 18 (57): 148 (In Russ.).

Tsibenko V. V. Politicization of ethnic minorities in Turkey on the example of Circassians. Transactions of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Issue 26. Ed. V. Ya. Belokrenitsky, N. M. Mamedova, N. Yu. Ulchenko. Moskva: IV RAN = Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2019; 60 (In Russ.).

Chochiev G. V. Immigration, settlement and adaptation of North Caucasians in the Ottoman Empire in the 2nd half of the 19th – early 20th centuries. Izvestiya SOIGSI = News of North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research. 2022; 46(85): 37–49 (In Russ.).

Aksoy Z. Çerkes Sürgünü Hikayelerinde Kimliğin İnşası. Türkiye İletişim Araştırmaları Dergisi. 2018: 62–76.

Barth F. Ethnic Groups Boundaries. Bergen: Scandinavian University Books. 1969; 153 p.

Doğanay G. Hatıralarla Kurulan bir Toplumsal Kimlik: 21 Mayıs 1864 Sürgünü ve Türkiyeli Çerkesler / G. Doğanay // *Journal of Turkish Studies*. – 2015. – Vol. 10, No. 10. – P. 361–380.

Foltz R. The Survival of Ossetians in Turkey / R. Foltz // *Iran and the Caucasus*. – 2022. – Vol. 26, No. 4. – P. 362–375.

Jaimoukha A. The Circassians: A Handbook / A. Jaimoukha. – Curzon Press, UK, 2001. – 384 p.

Okçuoğlu B. A. Türkiye’de Çerkes diasporası: kimlik inşası ve referansları / B. A. Okçuoğlu // *Sosyoloji Araştırmaları Dergisi*. – 2019. – Vol. 22, No. 1. – P. 122–156.

Uçar Ş. Diasporada Kafkas Kimliği ve Aidiyet Hissi Üzerine Bir Derleme Çalışması / Ş. Uçar // *USBAD Uluslararası Sosyal Bilimler Akademik Dergisi*. – 2022. – Vol. 4, No. 8. – P. 170–184.

Besleney Z. A. Türkiye’de Çerkes diasporasının siyasi tarihi. *İstanbul: Bilgi Üniversitesi Yayınları*. 2016; 256 p.

Bolat N., Çakın Ö., Sırer E. A Study on Understanding the Changing Diaspora and Virtual Communities through Digitalization. *Quaestio Rossica*. 2024; 12 (1): 110-128. DOI 10.15826/qr.2024.1.868.

Cohen R. Diasporas and the nation-state: From victims to challengers. *International Affairs*. 1996; 72(3): 507-520.

Doğanay G. Hatıralarla Kurulan bir Toplumsal Kimlik: 21 Mayıs 1864 Sürgünü ve Türkiyeli Çerkesler. *Journal of Turkish Studies*. 2015; 10 (10): 361-380.

Foltz R. The Survival of Ossetians in Turkey. *Iran and the Caucasus*. 2022; 26(4): 362-375.

Jaimoukha A. The Circassians: A Handbook. *Curzon Press, UK*. 2001; 384 p.

Okçuoğlu B. A. Türkiye’de Çerkes diasporası: kimlik inşası ve referansları. *Sosyoloji Araştırmaları Dergisi*. 2019; 22(1): 122-156.

Uçar Ş. Diasporada Kafkas Kimliği ve Aidiyet Hissi Üzerine Bir Derleme Çalışması. *USBAD Uluslararası Sosyal Bilimler Akademik Dergisi*. 2022; 4(8): 170-184.

Для цитирования: Газзаева В. И. Диаспоральность осетинской общности в условиях северокавказской диаспоры Турции // *Гуманитарий Юга России*. – 2025. – Т. 14. – № 1 (71). – С. 17–33.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.1
EDN GBQRFK

История статьи:

Поступила в редакцию – 13.01.2025

Одобрена после рецензирования –
06.01.2025

Принята к публикации – 07.02.2025

Сведения об авторе

Газзаева Виктория Ивановна
Преподаватель кафедры политологии
и социологии Юго-Осетинского
государственного университета
им. А. А. Тибилова
gazzaty@list.ru

Information about author

Victoria I. Gazzaeva
Lecturer, Department of Political Science
and Sociology,
South Ossetian State University
named after A. A. Tibilov
gazzaty@list.ru

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ (НА ПРИМЕРЕ ЮГА РОССИИ)

MIGRATION ATTITUDES OF FOREIGN STUDENTS AFTER GRADUATION FROM RUSSIAN UNIVERSITIES (THE CASE OF THE SOUTH OF RUSSIA)

А. С. Магранов*,**

ORCID: 0000-0002-5138-0950

П. С. Гаврилов*

ORCID: 0000-0001-9694-593

Alexey S. Magranov*, **

Pavel S. Gavrilov*

* Южный федеральный университет,

** Южно-Российский филиал Федерального
научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук,
Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University,

** South Russian Branch of the Federal
Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования. Проанализировать основные установки иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, относительно выбора дальнейшего места жительства и трудоустройства после окончания университета.

Objective of the study. To analyze the main attitudes of foreign students studying at Russian universities regarding the choice of further residence and employment after graduation.

Методологическая база исследования. Эмпирическую базу исследования составили данные прикладного социологического исследования, проведенного в высших учебных заведениях Южного федерального округа. Метод – анкетирование. Выборочную совокупность составили 1095 иностранных студентов, представляющих 65 стран мира.

The methodological basis of the research. The basis of this article is the data of an applied sociological study conducted in higher educational institutions of the Southern Federal District. The method is a questionnaire. The sample consisted of 1,095 international students representing 65 countries of the world.

Результаты исследования. Рассмотрены миграционные установки молодых иностранцев в зависимости от представляемого ими государства. Определены направления подготовки, представители которых в наибольшей степени ориентированы как на отъезд из страны, так и на интеграцию в рос-

The results of the study. Migration attitudes of young foreigners depending on the state they represent are considered. The areas of training whose representatives are most focused both on leaving the country and on integration into Russian society have been identified. Thus, representatives of the technical sciences show

сийское общество. Так, наибольший интерес к налаживанию жизни в России проявляют представители технических наук, а уехать обратно стремятся, в основном, молодые люди, изучающие естественные и медицинские науки. Выявлены основные мотивы, определяющие у иностранных студентов стремление остаться жить и работать в России. Также проанализировано влияние социального окружения на формирование миграционных установок. Согласно проведенному анализу, одними из факторов, оказывающих влияние на желание остаться в России, выступают наличие прочных дружеских связей, а также создание своей семьи.

Перспективы исследования. Результаты исследования могут быть использованы при разработке мер государственной молодежной политики, а также в процессе воспитательной работы с иностранными студентами высших учебных заведений.

Ключевые слова: учебная миграция, рынок труда, иностранные студенты, вуз, адаптация, миграционные установки, интеграция

the greatest interest in establishing life in Russia, and mostly young people studying natural and medical sciences seek to leave. The main motives determining the desire of foreign students to stay and work in Russia are determined. Also, the influence of the social environment on the formation of migration attitudes is analyzed. According to the analysis, one of the factors influencing the desire to stay in Russia is the presence of strong friendships, as well as the creation of their own family.

Prospects of the study. Results of the study can be used in the development of measures of state youth policy, as well as in the process of educational work with foreign students in universities.

Keywords: educational migration, labor market, foreign students, university, adaptation, migration attitudes, integration

Введение

Одна из главных отличительных особенностей современной системы высшего образования – возрастание роли учебной миграции. Реализация образовательных программ для иностранных студентов и сотрудничество с высшими учебными заведениями из других государств (в виде как совместных научных проектов, так и программ обмена и стажировок для учащихся и преподавателей) является необходимым условием укрепления позиций вуза на международной арене и попадания в престижные мировые образовательные рейтинги. Более того, в соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474, в качестве одной из приоритетных национальных целей развития нашей страны обозначено вхождение Российской Федерации в десятку ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в том числе за счет создания эффективной системы высшего образования¹.

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации № 30 от 27 июля 2020 г., ст. 4884. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 10.11.2024).

Как отмечает Е. Е. Письменная, учебная миграция обладает рядом положительных свойств: пополнение численности трудоспособного населения (прежде всего, высококвалифицированных кадров) на рынке труда, стимулирование культурного обмена, развитие системы высшего образования (Письменная, 2009. С. 3). Кроме того, среди современных исследователей становится популярным подход к изучению учебной миграции в качестве инструмента «мягкой силы» (Суворова, Бронников, 2019; Скоробогатова, 2020). Н. Л. Антонова, А. Д. Сущенко и Н. Г. Попова отмечают, что использование потенциала высшего образования как инструмента «мягкой силы» представляет собой действенный механизм реализации интересов национальной экономики России в долгосрочной перспективе. Основными катализаторами «мягкой силы» образования авторы считают рейтинги университетов, так как они не только формируют представления о статусе вуза в глазах мирового сообщества, но и влияют на государственную образовательную политику (Антонова и др., 2020. С. 39–52).

Высокая значимость учебной миграции для различных сфер жизни общества обусловила закрепление необходимости ее развития в стратегических нормативных актах, принятых в Российской Федерации. В 2018 г. Указом Президента Российской Федерации была утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. В соответствии с данной Концепцией одной из задач государственной миграционной политики, реализуемой в России, выступает создание благоприятного режима для свободного перемещения обучающихся, научных и педагогических работников. Решение обозначенной задачи необходимо в целях развития науки, профессионального образования, повышения уровня подготовки научных кадров и специалистов и подразумевает повышение доступности образовательных услуг для иностранных граждан, обеспечение открытости России для обучающихся, научных и педагогических работников, а также совершенствование механизмов отбора талантливой иностранной молодежи для поступления в российские вузы¹. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 одной из стратегических задач развития Российской Федерации является двукратное увеличение количества иностранных граждан, обучающихся в вузах и научных организациях, а также реализация комплекса мер по трудоустройству лучших из них в России².

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.» // Собрание законодательства Российской Федерации № 45 от 5 ноября 2018 г., ст. 6917. – URL: <https://regnum.ru/news/2511160> (дата обращения: 10.11.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации № 20 от 14 мая 2018 г., ст. 2817. – URL: https://mihailsh.gosuslugi.ru/glavnoe/funktsionalnaya-gramotnost/dokumenty_270.html (дата обращения: 10.11.2024).

Для достижения показателей, обозначенных в данном нормативном акте, была начата реализация федерального проекта «Экспорт образования», входящего в структуру национального проекта «Образование»¹.

Особую важность трудоустройства иностранных студентов и выпускников российских вузов отмечают и отечественные исследователи. Согласно О. А. Бакуменко, мировой рынок образования на современном этапе своего развития отличается высоким уровнем конкуренции, что обуславливает соперничество в большей степени не за счет факторов, определяющих качество продукта, а за счет его более эффективного использования. В качестве одного из важнейших факторов экспорта образовательных услуг автор выделяет возможность трудоустройства иностранных студентов во время и после завершения обучения (Бакуменко, 2018).

В этой связи с этим особое внимание должно уделяться поведенческим стратегиям учебных мигрантов после окончания российских высших учебных заведений. И. Х. Багирова выделяет три основных стратегии трудового поведения иностранных студентов, а также факторы, способствующие выбору каждой из них.

– Профессионально-миграционная стратегия поведения: выпускник рассматривает для дальнейшего своего проживания и трудоустройства третью страну. Основные факторы выбора – высокий доход, климатические условия, семейные обстоятельства, перспективы карьерного роста за рубежом.

– Стратегия последующего трудоустройства в России обусловлена наличием перспектив для построения карьеры в России с имеющимся образованием, отсутствием перспектив в родной стране, личными либо семейными обстоятельствами, восприятием России в качестве своей родины, незнанием языка титульной национальности страны исхода.

– Стратегия возвращения и трудоустройства в стране исхода. Выбор данной стратегии, как правило, определен следующими факторами: наличие обязательств перед определенной организацией («целевое обучение»), востребованность полученной специальности в родной стране, неподходящие климатические условия, семейные обстоятельства, психологические и культурные причины, высокая стоимость проживания в России (Багирова, 2014. С. 140–141).

Четкое понимание миграционных установок иностранных студентов позволит российским высшим учебным заведениям оптимизировать прием абитуриентов из других государств, сделав его более ориентированным на молодых иностранцев, которые в будущем смогут использовать свой профес-

---

¹ Паспорт национального проекта «Образование» (Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). – URL: <http://government.ru/info/35566> (дата обращения: 10.11.2024).

сиональный потенциал для развития важнейших сфер жизнедеятельности российского общества. Кроме того, ориентация на иностранных студентов, намеренных после окончания обучения остаться в России, может стать эффективной основой разработки государственных программ поддержки, направленных на талантливую молодежь. Однако для определения уровня распространенности каждой поведенческой установки среди учебных мигрантов, обучающихся в российских вузах, необходимо обращение к результатам прикладных социологических исследований.

Обзор научных подходов к проблематике

Возрастающая в современных условиях роль интернационализации высшего образования обуславливает заметное внимание к данной проблематике у специалистов, представляющих различные области знания как в России, так и за рубежом. В целом можно отметить, что наибольшей популярностью у отечественных исследователей пользуется проблема адаптации иностранных студентов в российских вузах. Рассматриваются особенности деятельности высших учебных заведений по привлечению абитуриентов из зарубежных стран и созданию в вузе условий для успешной интеграции молодых иностранцев в образовательное пространство университета (Махмутова, 2020; Матвеева, 2021). Особенности процесса адаптации иностранных студентов и ключевые факторы, влияющие на протекание данного процесса, отражены в работах С. И. Моднова, Л. В. Уховой (Моднов, Ухова, 2013), О. И. Титовой (Титова, 2015), Ю. В. Морозовой (Морозова, 2018). Отдельные исследователи изучают влияние региональных факторов на процесс адаптации иностранных студентов. Так, Г. Ф. Габдрахманова, Э. А. Сагдиева и Н. И. Кораблева рассматривают особенности адаптации студентов из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана в вузах Республики Татарстан (Габдрахманова и др., 2017). А. Н. Ромеро, исследуя социальную адаптацию иностранных студентов в вузах юга России, выявила региональные факторы, деструктивно влияющие на данный процесс (Ромеро, 2008).

Примечательно, что в ракурсе изучения трудоустройства выпускников университетов на международной арене в поле зрения отечественных исследователей попадает прежде всего проблема «утечки мозгов» – миграция россиян – выпускников вузов за рубеж с целью трудоустройства в другой стране. Так, С. В. Рязанцев и Е. Е. Письменная рассматривают последствия эмиграции из России ученых и специалистов высокой квалификации, авторы выделили основные каналы отъезда научных кадров из нашей страны (Рязанцев, Письменная, 2013). Отмечая высокий эмиграционный потенциал российских ученых, они указывают на необходимость устранения «выталкивающих» факторов эмиграции посредством создания необходимых условий для российских ученых. В. С. Собкин, М. М. Смыслова и Ю. О. Коломиец, изучая миграционные установки российских аспирантов, определили их за-

висимость от ряда социально-демографических (пол, возраст, наличие и состав семьи) и социально-стратификационных (материальное положение, образовательный статус родителей) факторов (Собкин и др., 2020).

О. А. Бакуменко рассматривает трудоустройство иностранных студентов как важный атрибут позиционирования вуза на мировом рынке образовательных услуг. На основе анализа российской и зарубежной нормативно-правовой базы, экспертных и аналитических материалов, а также данных опроса иностранных студентов российских вузов автор выделяет три блока проблем, затрудняющих трудоустройство учебных мигрантов: со стороны работодателей – плохая информированность об особенностях трудоустройства иностранных студентов, требование разрешения на работу и т. д.; со стороны студентов – проблемы с оформлением документов, плохое знание русского языка, сложности совмещения работы и учебы; со стороны вуза – отсутствие комплексной системы управления трудоустройством иностранных студентов (Бакуменко, 2018).

В. В. Хороших и Э. А. Логачева на основе эмпирических данных собственного социологического исследования изучают карьерные планы иностранных студентов, обучающихся в вузах России (Хороших, Логачева, 2021). Авторы отмечают, что учебные мигранты, получающие высшее образование в России, нацелены на построение карьеры в соответствии с избранной специальностью, обладают достаточно четкими представлениями о последовательности развития собственной карьеры. Для молодых иностранцев опыт обучения в другой стране – в России – выступает важным ресурсом карьерного роста. Согласно данным проведенного авторами исследования, иностранные студенты ориентированы на трудоустройство в надежной организации, обладающей авторитетом на рынке труда. Для них характерно стремление к поиску баланса между профессиональной и личной сторонами своей жизни, а также к действиям по улучшению жизни людей и общества в целом.

И. К. Зангиева и А. Н. Сулейманова изучили структуру ценностей студентов из стран СНГ, обучающихся в России, а также ее влияние на формирование миграционных установок (Зангиева, Сулейманова, 2016). Авторы определили, что на трудоустройство и жизнь в России после окончания вуза ориентированы молодые выходцы из стран СНГ, национальная самоидентификация которых связана с нашей страной (идентифицируют себя как «российского соотечественника», родной язык – русский, а также кто-то из родителей может быть русским). Кроме того, для этих студентов характерны определенные личностные качества: для них важны признание со стороны общественности, независимость и чувство принадлежности группе; а вот традиции они ценят в меньшей степени. Остаться в России не стремятся выходцы из богатых семей.

Работа А. Л. Рочевой и Е. А. Варшавера посвящена изучению распространности среди разных сегментов молодежи (как российской, так и мигрантов, в том числе иностранных студентов) представления о России как стране для будущей жизни (Рочева, Варшавер, 2020). Как следует из результатов их исследования, наиболее выраженным стремление остаться жить в России в ближайшем будущем оказалось не у местной молодежи, а у молодых людей, обладающих миграционным бэкграундом – прежде всего у мигрантов второго поколения. Среди иностранных студентов и представителей местной молодежи подобные планы присутствуют менее чем у половины опрошенных. Наибольшее влияние на формирование миграционных намерений молодого поколения оказывают факторы, связанные с работой или возможностью самореализации, а также с правовой защищенностью. При этом именно последнее выступает главным «выталкивающим» фактором для всех когорт молодежи.

Проблематика миграционных стратегий иностранных студентов находит свое отражение и в работах зарубежных исследователей. К. Ву и Р. Уилкес, основываясь на результатах интервью с иностранными студентами, обучающимися в ведущем государственном университете Канады, проанализировали связь миграционных намерений и представлений молодых людей о категории «дом» (Wu, Wilkes, 2017). Они выделили четыре группы представлений о «доме»: принимающая сторона, наследие, космополитичное и туманное представление. При этом каждое представление о «доме» соответствует тем или иным миграционным установкам. К примеру, для студентов, придерживающихся категории «принимающая сторона», оказалось более характерным желание остаться в стране по окончании вуза, а те, кому ближе категория «наследие», наоборот, стремятся вернуться на родину.

Х. Хейзен и Х. Альбертс изучили миграционные намерения иностранных студентов, получающих высшее образование в США (Hazen, Alberts, 2006). Авторы отмечают, что процесс формирования миграционных намерений находится под влиянием структурных (действуют на уровне, социальной, политической и культурной среды) и индивидуальных (уникальны для каждого человека) факторов. Структурные факторы создают общий контекст, определенные рамки, характерные для студентов из определенной страны, а индивидуальные факторы (такие как личная ситуация, жизненный опыт) накладываются на эту структуру. Значимость структурных и индивидуальных факторов может меняться у каждого человека с течением времени. Авторы отмечают, что если при переезде в США для обучения превалирует значимость структурных факторов, то по окончании вуза, с приобретением определенного опыта, на формирование миграционных намерений в большей степени оказывают влияние уже индивидуальные факторы. Подобные исследования миграционных намерений иностранных студентов были проведены и учеными из Канады (Netierman et al., 2022).

М. Жан, К. Дауни и М. Дайк занимаются моделированием миграционных потоков иностранных студентов, окончивших магистратуру и докторантуру в университетах Великобритании (Zhan et al., 2021). Целью их работы была оценка вероятности того, что высококвалифицированные выпускники останутся в стране для работы после окончания университета. Также зарубежные исследователи изучают проблемы выбора иностранными студентами страны для обучения (Wiers-Jenssen, 2020) и различные аспекты адаптации иностранных студентов к условиям новой социокультурной среды (Erturk et al., 2021; Penman et al., 2021).

Таким образом, анализ научной литературы по исследуемой нами проблематике продемонстрировал, что, несмотря на широкую разработанность у отечественных и зарубежных исследователей, некоторые аспекты остаются недостаточно изученными. Основной целью реализованного нами социологического проекта, послужившего эмпирической основой данной статьи, является изучение специфики процесса адаптации иностранных студентов в образовательном пространстве высшего учебного заведения. Это позволило нам рассмотреть проблему миграционных установок иностранных студентов в контексте процессов их адаптации и интеграции в российское общество.

Методология исследования

В 2021 г. сотрудниками Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН) было реализовано социологическое исследование «Проблемы интеграции и адаптации иностранных студентов в российских вузах». В рамках реализации данного исследовательского проекта был проведен анкетный опрос иностранных студентов всех курсов обучения и аспирантов вузов Южного федерального округа (ЮФО). Анкетирование проводилось путем самозаполнения анкеты. Выборка исследования – многоступенчатая квотная. Общий объем выборки – 1095 человек. Выборочную совокупность составили представители 65 стран мира. В наибольшей степени были представлены такие страны, как Туркменистан, Эквадор, Китай, Украина, Узбекистан, Колумбия, Ирак, Сирия, Вьетнам, Таджикистан, Конго, Египет.

Анкетный опрос был проведен как посредством заполнения печатных анкет, так и в онлайн-форме (с использованием сервиса «Анкетолог»). Опросник в онлайн-форме заполнили 40,6 % респондентов. Гендерная структура выборки: юноши – 59,2 %, девушки – 40,8 %. В ходе исследования были опрошены студенты-иностранцы всех курсов очной формы обучения, а также магистранты и аспиранты, представляющие все основные направления подготовки: естественные, гуманитарные, технические, математические науки, экономические и медицинские науки, а также творческие специальности (архитектура, дизайн, музыка).

Инструментарий исследования был адаптирован для иностранных студентов, в разной степени владеющих русским языком. С этой целью респондентам были предложены для заполнения на выбор русскоязычный и англоязычный варианты анкеты. Отдельный блок вопросов анкеты был посвящен планам иностранных студентов после окончания вуза, а также основным факторам формирования миграционных установок. Для решения поставленной задачи по изучению формирования миграционных установок у студентов-иностранцев в процессе адаптации в образовательном пространстве высшего учебного заведения были выделены два основных индикатора: основные планы относительно места проживания и построения карьеры, основные причины желания остаться в России по окончании вуза.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде всего, необходимо обозначить наше понимание категории «миграционные установки». На наш взгляд, можно согласиться с подходом Н. В. Латовой, согласно которому миграционные установки представляют собой «потенциальную готовность к смене места жительства ради учебы, новой работы, лучших условий жизни; они формируются знанием о миграционном опыте окружающих людей, транслируемой в их среде миграционной мотивировкой, а также личной готовностью и предрасположенностью к изменению места жительства» (Латова, 2021. С. 434, 444). Для рассмотрения миграционных установок иностранных студентов обратимся к анализу ответов респондентов на вопрос: «Каковы Ваши планы после окончания обучения в вузе? Есть ли у Вас желание остаться в России?» Как показали данные, полученные в ходе проведенного социологического исследования, более половины молодых иностранцев, обучающихся в вузах юга России, собираются вернуться в свою родную страну. Из них более трети намерены сделать это целенаправленно и осознанно (34,9 %). Однако 20,3 % указали, что возвращение на родину для них является вынужденным – они хотели бы остаться в России, но должны уехать в силу тех или иных обстоятельств. Каждый десятый учебный мигрант (11,1 %) указал, что категорически не хочет возвращаться в страну исхода и приложит все усилия, чтобы остаться в нашей стране. При этом практически каждый третий (28 %) иностранный студент вузов ЮФО не обладает четким представлением о том, где он будет жить и работать после окончания высшего учебного заведения. Еще 5,7 % отметили вариант ответа «другое». Можно заметить, что среди указанных вариантов в данном пункте преобладали следующие стратегии: переезд в другую страну, поступление в магистратуру (как в России, так и в других странах), получение гражданства Российской Федерации.

Заслуживает внимания и тот факт, что миграционные установки иностранных студентов варьируются у представителей различных ступеней обучения. Молодые иностранцы, обучающиеся на первом и втором курсе

магистратуры, в наибольшей степени ориентированы на дальнейшую интеграцию в российское общество – в их ответах чаще всего фиксировалось стремление всеми силами остаться в России после окончания университета: 17,4 % и 19,6 % соответственно, тогда как, например, среди второкурсников (у которых было выделено наименьшее стремление остаться) данный показатель составил 8,2 %. При этом именно магистранты реже остальных демонстрируют желание вернуться на родину, однако как раз среди них чаще всего встречались молодые люди, чье возвращение в родную страну с российским дипломом будет обусловлено какими-либо обязательствами и не совпадает с их личным желанием остаться в России: 26,1 % и 27,5 % соответственно (против 19,6 % у студентов второго курса). Таким образом, значительная часть иностранных студентов, проходящих обучение в магистратуре, это люди, которые завершают данную ступень образования для дальнейшего переезда и трудоустройства в нашей стране либо не исключают такой возможности ввиду сложившегося благоприятного отношения к жизни в России. А вот аспиранты оказались в большей степени ориентированы на возвращение в родную страну по окончании российского вуза – 45,5 % указали, что точно уедут, а 27,3 % вернутся на Родину вынужденно. Аспиранты обладают наибольшей определенностью в плане стратегии выбора места жительства и трудоустройства: пока не определился, где будет жить после окончания университета, только каждый десятый. Данную тенденцию вполне объясняет тот факт, что молодые иностранцы получают ученую степень в России для обеспечения себе хороших карьерных перспектив на родине или ввиду невозможности ее получения в своем государстве. Иными словами, иностранные аспиранты в своем большинстве хорошо понимают цель получения ученой степени еще до поступления в аспирантуру в российский вуз.

Представляет интерес и распределение предпочтений выбора страны для жизни и трудоустройства среди иностранных студентов в зависимости от того, какие государства они представляют. Как следует из полученных данных, больше всего стремление остаться в России характерно для молодых иностранцев, приехавших из европейских стран, – 35,5 %. Это можно объяснить тем, что заметная часть представителей данной категории опрошенных – выходцы из Украины, ЛНР и ДНР. Помимо этого, дальнейшее пребывание в Российской Федерации привлекает почти каждого пятого учебного мигранта из арабских государств. Абсолютную уверенность в своем будущем возвращении на родину чаще остальных демонстрировали иностранные студенты, приехавшие из стран Средней Азии (43,4 %), Восточной и Юго-Восточной Азии (39,6 %), а также Африки (39,3 %).

Причины подобного распределения ответов становятся очевидны при анализе мотивов выбора российского вуза учебными мигрантами из разных групп стран. Так, молодые люди, приехавшие из Средней Азии, высо-

ко оценивают не только качество высшего образования, получаемого в России (62,1 %), но и перспективы трудоустройства с дипломом избранного вуза (44,5 % – наивысшее значение этого показателя среди всех категорий опрошенных). Кроме того, представители среднеазиатских государств чаще остальных выбирают обучение в России в соответствии с рекомендациями родителей или других родственников (34,1 %). При этом такой мотив выбора университета, как отсутствие возможности получить данную специальность в своей стране, для них оказался характерен в наименьшей степени (6,8 %). Иными словами, они могут получить необходимую специальность у себя на родине, но полученный там диплом будет цениться меньше российского. Таким образом, учебные мигранты из стран Средней Азии изначально едут в Россию за качественным образованием и дипломом, с которым они смогут найти достойную работу у себя дома.

Представители Восточной и Юго-Восточной Азии больше всего ценят качество российского образования (64,4 %), однако помимо этого одним из определяющих факторов выбора вуза для них является желание побывать в другой стране, познакомиться с другой культурой – 54,5 % (этот мотив чаще всего указывали молодые люди именно из этой группы стран). Также они чаще остальных получают положительные рекомендации от своих друзей, уже прошедших обучение в нашей стране (37,6 %). То есть для иностранных студентов из Восточной и Юго-Восточной Азии учеба в России – это получение качественного образования, позволяющее в то же время получить ценный опыт и знания о другой культуре, но связывать свою жизнь с нашей страной большинство из них не планируют.

У африканских студентов также достаточно сильно выражено желание пожить в новой культурной среде – 36,1 %. Однако в приоритете у них качественное образование (52,5 %), невысокая стоимость в сравнении с другими странами – 41 %. Кроме того, среди выходцев из Африки оказалось меньше всего тех, кто выбирал российский вуз, сразу планируя остаться в России – 1,6 %. Таким образом, они делают выбор в пользу российских университетов прежде всего за счет качества и доступности образования, а также возможности получения нового опыта, но не планируют изначально оставаться в России.

Что касается молодых представителей европейских государств, то потенциальная возможность остаться в нашей стране на постоянной основе выступает для них основным мотивом – 42,1 %. Кроме того, среди них оказалось больше всего тех, для кого переезд в Россию был вынужденной мерой, – 30,6 %. Данный факт вполне объясняется тем, что, как было указано выше, среди представителей данной категории достаточно много молодых людей приехали из Украины, ЛНР и ДНР.

Также была зафиксирована дифференциация миграционных установок после окончания вуза у иностранных студентов разных направлений подготовки (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов иностранных студентов на вопрос о своих планах после окончания вуза в зависимости от направления подготовки (в %)

Каковы Ваши планы после окончания обучения в вузе? Есть ли у Вас желание остаться в России? Выберите из представленных ниже вариантов ответа	К какой научной области относится Ваша специальность?						
	Естественные науки	Гуманитарные науки	Технические науки	Математические науки	Творческие специальности (архитектура, дизайн, музыка)	Экономические науки	Медицинские науки
Я однозначно вернусь на родину	45,4	34,0	23,7	37,5	29,0	29,4	41,9
Я вернусь на родину по определенным причинам, но хотел(а) бы остаться в России	19,7	21,3	19,7	24,0	19,4	23,5	6,5
Я однозначно не вернусь на родину и приложу все усилия, чтобы остаться в России	9,2	11,6	16,2	7,3	6,5	14,7	6,5
Я еще не определился с тем, где остаться после окончания вуза	19,7	30,4	34,1	21,9	38,7	25,0	35,5
Другое	6,0	2,7	6,4	9,4	6,5	7,4	9,7

Источник: Данные ЮРФ ФНИСЦ РАН, 2021 г.

В наибольшей степени ориентированы на возвращение на родину после окончания университета молодые иностранцы, обучающиеся по естественнонаучным направлениям подготовки, – 45,4 %. Студенты, изучающие в российских вузах биологию, химию, физику и другие науки, как правило, выбирают достаточно узкие специальности, обладатели которых смогут заниматься передовыми исследованиями и разработками, в том числе для развития оборонного потенциала страны. Поэтому их обучение и проживание в России полностью оплачивается государственными структурами, но по окончании вуза они обязаны вернуться на родину и реализовать свой профессиональный потенциал там.

Больше всего чувство неопределенности в отношении планов после выпуска из университета характерно для молодых представителей творческих специальностей, связанных с архитектурой, дизайном, музыкой, – 38,7 %. В отличие от естественников, эта категория респондентов чаще всего получает специальность в соответствии со своими личными интересами, и перспективы их трудоустройства зависят в первую очередь от них самих. Стоит отметить, что в достаточно неопределенном положении находятся иностранные студенты, изучающие медицинские науки: 41,9% настроены стать дипломированными специалистами и вернуться домой, а 35,5% еще не определились в выборе дальнейшего места жизни и трудоустройства. При этом среди них оказалось меньше всего желающих остаться в России по окончании вуза – 6,5 %. Во многом это объясняет тот факт, что почти каждый третий иностранный студент медицинского профиля (29 %) выбрал российский вуз, так как в его стране отсутствовала возможность получения желаемой специальности (среди представителей других направлений подготовки этот показатель составил от 5 % до 13 %). То есть среди иностранных студентов-медиков достаточно много тех, кто обучается данной специальности, руководствуясь стремлением помогать людям, но не имеет такой возможности в стране исхода. Только одна часть молодых людей приезжает в Россию за получением образования, чтобы вернуться домой и лечить своих соотечественников, а другая часть, также придерживаясь гуманистических взглядов, выбрала российский вуз из-за неимения возможности учиться у себя дома и не знает, где сможет трудоустроиться. Последние респонденты однозначно не хотят связывать себя с российской системой здравоохранения.

Основные причины переезда в Россию по окончании вуза

С чем же связано желание иностранных студентов остаться в нашей стране после того, как они станут дипломированными специалистами? Как следует из результатов исследования, в большинстве случаев стремление остаться в России обусловлено впечатлениями и личным отношением к нашему государству. 32,8 % учебных мигрантов понравились русские люди, а еще почти каждый третий (29,4 %) восторгается русской культурой, ее историей и красотой ее природы. 14,4 % респондентов отметили, что им очень понравился русский язык и они хотели бы продолжить его изучение и овладеть им в совершенстве. Для четверти опрошенных желание жить в России после окончания университета связано с их стратегиями трудоустройства и повышения квалификации: по 25,6 % сообщили, что хотели бы продолжить обучение в магистратуре или аспирантуре, а также высказали мнение, что в России легче найти работу и добиться профессионального успеха. Каждый десятый учебный мигрант (10 %) полагает, что с дипломом российского вуза будет сложно профессионально самореализоваться в другой стране, и только по этой причине готов остаться в России. 6,7 % указав-

ли, что для их здоровья больше подходит климат России, нежели погодные условия других стран. Еще 14,8 % выбрали вариант ответа «другое», среди которых достаточно часто указывались причины личного характера и семейные обстоятельства.

Зафиксированы и некоторые гендерные различия в распределении ответов на вопрос о причинах желания остаться в России после окончания вуза. Юноши оказались в большей степени склонны переехать в нашу страну, так как им понравились представители русского народа: 39,2 % против 24 % среди девушек, а также русская культура, история и природа (32,4 %, тогда как среди девушек данный показатель составил 25,1 %). Девушки же оказались настроены несколько более прагматично: 11,8 % указали на сложность профессиональной самореализации в другой стране с дипломом российского вуза, притом, что среди парней подобного мнения придерживаются только 8,6 %.

Особый интерес представляет анализ ответов иностранных студентов на вопрос о причинах их стремления переехать в Россию в зависимости от того, какие государства они представляют. Как следует из данных сравнительного анализа, наибольшее впечатление русская культура, история и природа произвели на молодых людей, приехавших из стран, разительно отличающихся от России и по культуре, и по климатическим условиям: 41 % представителей арабских стран, 44,6 % молодых людей из государств Восточной и Юго-Восточной Азии, и 34,7 % латиноамериканских студентов. Однако климатические условия оказались подходящими преимущественно для молодых иностранцев из стран Восточной и Юго-Восточной Азии – 16,8 %. Тогда как, например, для африканских студентов российский климат неприемлем для постоянного проживания. Учебные мигранты, приехавшие из европейских государств, больше остальных ориентированы на жизнь в России, так как считают, что в нашей стране им будет легче трудоустроиться и добиться профессионального успеха, – 45 %. Но в то же время они чаще остальных уверены, что в другой стране с дипломом российского вуза им не удастся реализовать себя как профессионала – 20,8 %.

Также молодые европейцы, равно как и африканские студенты, стремятся продолжить обучение в России, поступив в магистратуру либо в аспирантуру: 39,2 % и 37,7 % соответственно. Кроме того, иностранные студенты, приехавшие из стран Африки, больше всего восхищаются русским языком и хотят изучить его глубже – 23 %. А вот среди учебных мигрантов из стран Европы показатель желания выучить русский язык оказался наиболее низким – всего 5 %. Это вполне можно объяснить тем, что среди данной категории опрошенных достаточно много русскоговорящих молодых людей и они не нуждаются в дополнительном изучении русского языка.

Роль социального окружения в формировании миграционных установок

Обратимся к рассмотрению особенностей миграционных настроений у иностранных студентов в зависимости от их социальной среды. Как следует из полученных данных, формирование планов на будущее зависит от семейного положения. У абсолютного большинства опрошенных (92,4 %) пока нет своей семьи и детей. 4,4 % уже женились / вышли замуж, однако дети в браке у них пока не родились. А еще 3,1 % не только вступили в брачный союз, но и обзавелись детьми.

Итак, каковы же миграционные установки иностранных студентов в зависимости от их семейного статуса (табл. 2)?

Таблица 2

Распределение ответов иностранных студентов на вопрос о своих планах после окончания вуза в зависимости от семейного положения (в %)

<i>Каковы Ваши планы после окончания обучения в вузе? Есть ли у Вас желание остаться в России?</i>	<i>Ваше семейное положение</i>		
	<i>Холост (не замужем)</i>	<i>Женат (замужем), детей нет</i>	<i>Женат (замужем), дети есть</i>
Я однозначно вернусь на родину	33,8	35,6	56,3
Я вернусь на родину по определенным причинам, но хотел(а) бы остаться в России	19,7	31,1	21,9
Я однозначно не вернусь на родину и приложу все усилия, чтобы остаться в России	11,6	15,6	6,3
Я еще не определился(ась) с тем, где остаться после окончания вуза	29,1	8,9	15,6
Другое	5,8	8,9	0

Источник: Данные ЮРФ ФНИСЦ РАН, 2021 г.

Больше всего молодых людей, чьи планы относительно возможности будущего переезда в Россию пока не определены, вполне ожидаемо оказалось среди холостых/незамужних респондентов – 29,1 %. Будучи несвязанными семейными обязанностями, они могут выбирать, где им жить после получения диплома о высшем образовании, если у них нет иных обязательств (например, перед государством, отправившим их на обучение в Россию). Примечательно, что более половины опрошенных, успевших обзавестись семьей с детьми (56,3 %), стремятся непременно вернуться на родину после окончания российского вуза. По всей видимости, они хотят, чтобы их дети росли и воспитывались в той же социокультурной среде, что и они, а обучение в России для них – только временный этап, который скоро закончится. Но в то же время иностранные студенты, которые вступили в брак, но пока не стали

родителями, демонстрируют иные стремления. Именно для женатых/замужних учебных мигрантов в большей степени характерно желание остаться в России по окончании вуза – 15,6 %. Это подтверждает и тот факт, что каждый третий представитель данной категории опрошенных (31,1 %) указал, что возвращение на родину будет вынужденным, а его личное стремление – остаться здесь. Можно предположить, что отсутствие детей делает таких респондентов более свободными в выборе жизненных планов, а заключение брачного союза воспринимается ими как важный и необходимый шаг для интеграции в российское общество и адаптации к условиям жизни в нем.

Помимо семейного статуса важны отношения со своими сверстниками – студентами, с которыми учебные мигранты проходят совместное обучение в университете. Прежде всего с их одноклассниками русской национальности. Именно помощь со стороны сверстников выступает одним из главных факторов адаптации молодых иностранцев. Результаты, полученные в ходе исследования, продемонстрировали, что учебные мигранты, у которых много друзей среди русских студентов, меньше остальных придерживаются стратегии возвращения на родину (28,6 %). Среди тех, кто за время обучения здесь обзавелся только одним-двумя друзьями и у кого вообще нет знакомых русской национальности среди учащихся, вернуться обратно хочет каждый третий. Кроме того, лишь 6,3 % молодых иностранцев, не имеющих дружеских связей, планируют остаться в России после окончания вуза. А вот среди тех, чей круг общения за годы учебы стал достаточно широким, стремление интегрироваться в российское общество демонстрируют 17,2 %.

Выводы

Формирование у молодых иностранцев представления о возможности остаться в России по окончании университета обуславливает необходимость реализации политики их интеграции в российский социум, в которой должны быть задействованы не только международные отделы и органы студенческого самоуправления вузов, но и представители местных властей и бизнес-сообщества. Основная цель подобной политики – увеличение числа иностранных учащихся, желающих остаться жить в России, сопровождающееся последующим получением вида на жительство и гражданства, а также выходом на российский рынок труда (Воробьева и др., 2021. С. 16).

По результатам исследования, только каждый десятый учебный мигрант имеет желание остаться в России после окончания вуза. Однако потенциал для усиления данного стремления имеется. Это подтверждает тот факт, что пятая часть опрошенных хотели бы жить и работать в нашей стране, но им необходимо вернуться на родину в силу обстоятельств. Заслуживает внимания тот факт, что каждый третий учебный мигрант пока не определился с выбором дальнейшего места пребывания, что говорит о потенциале формирования подобной установки. При этом необходимо учитывать, что молодые

иностранцы, поступившие в аспирантуру, делают это, как правило, целенаправленно, ориентируясь на применение полученных знаний в стране исхода. Кроме того, была зафиксирована зависимость формирования миграционных установок от получаемой специальности. Так, представители естественнонаучных направлений подготовки чаще остальных указывали стремление вернуться на родину. Это обусловлено прежде всего тем, что они выбирают специальность, освоив которую, смогут заниматься передовыми исследованиями и разработками в своей стране.

Молодые люди, приехавшие из стран Африки, чаще остальных отказываются от идеи остаться здесь по окончании обучения ввиду неподходящих для них климатических условий. Наиболее ориентированы на дальнейшее проживание и построение собственной карьеры в России иностранные студенты из стран Европы. Это обусловлено, во-первых, тем, что для них не так остро стоит проблема языкового барьера (среди них многие уже владеют русским языком, кроме того, для представителей ряда стран изучить русский проще ввиду принадлежности к одной языковой группе). Во-вторых, как показали результаты исследования, молодые европейцы чаще остальных выражают уверенность в легком трудоустройстве и построении карьеры. Однако при этом они часто сомневаются в возможности реализации своего профессионального потенциала при условии трудоустройства не в нашей стране.

Заметное влияние на формирование представлений учебных мигрантов о возможном будущем в России оказывает их социальное окружение. Наибольшая неопределенность в жизненных планах наблюдается у холостых/незамужних иностранных студентов, что обусловлено их свободой от семейных обязанностей и возможностью выбора места жительства в соответствии с личными предпочтениями. А вот женатые/замужние учебные мигранты чаще остальных демонстрируют желание остаться в России после окончания вуза. Вероятнее всего, это связано с тем, что заключение брака воспринимается как важный и необходимый шаг для интеграции в российское общество и адаптации к условиям жизни в нем, а отсутствие детей делает их более свободными в выборе жизненных стратегий. Однако третья часть таких респондентов вынуждена вернуться на родину в связи с определенными обстоятельствами.

Еще одним важным фактором формирования у молодых иностранцев желания остаться в нашей стране выступает установление дружеских отношений со своими сверстниками, прежде всего со студентами русской национальности, с которыми они обучаются в одном университете и учебной группе. Также большое значение в процессе адаптации иностранных студентов к условиям жизни в другой стране имеют взаимоотношения с представителями профессорско-преподавательского состава. Большинство учебных мигрантов, проходящих обучение в вузах Южного федерального округа (62,6 %), указали хорошее к себе отношение со стороны преподавателей, их готовность по-

мочь в преодолении трудностей. Общее отношение представителей русского населения (как в вузе, так и за его пределами) молодые иностранцы также оценивают положительно (45,8 % считают его дружелюбным, а 41,8 % – спокойным). Тем не менее иностранные студенты стараются держаться ближе к своим соотечественникам: 72 % общаются с ними постоянно, тогда как показатель постоянного общения с русскими студентами составил 50 % (Карташевич и др., 2021. С. 75–76). Именно благодаря помощи со стороны сверстников иностранным студентам проще адаптироваться к условиям жизни в нашей стране: не только лучше выучить русский язык и легче усваивать новый материал, но и узнать особенности иной культуры, наши традиции и обычаи. Кроме того, дружба с русскими студентами означает приобретение новых социальных связей. Это обуславливает необходимость создания в вузах условий для расширенного общения иностранных и русских студентов, не только позволяющего наладить коммуникацию, но и способствующего обмену культурным опытом между представителями разных национальностей.

Список источников

Антонова Н. Л. «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства / Н. Л. Антонова, А. Д. Сущенко, Н. Г. Попова // Образование и наука. – 2020. – Т. 22, № 1. – С. 31–58. – DOI 10.17853/1994-5639-2020-1-31-58. – EDN GANVYD.

Багирова И. Х. Интеграционные процессы в системе высшего профессионального образования на пространстве СНГ / И. Х. Багирова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2014. – № 4. – С. 135–144. – EDN TIGJJX.

Бакуменко О. А. Трудоустройство иностранных студентов – атрибут позиционирования на международном рынке образовательных услуг / О. А. Бакуменко // Аккредитация в образовании. – 2018. – № 7 (107). – С. 12–19. – EDN GJTOLI.

Воробьева О. Д. Учебная миграция в Российскую Федерацию: региональная дифференциация и вклад в социально-экономическое развитие регионов / О. Д. Воробьева, А. А. Гребенюк, Т. В. Лебедева // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2021. – № 1 (65). – С. 6. – EDN LCEFXA.

References

Antonova N. L., Sushchenko A. D., Popova N. G. “Soft Power” of Higher Education as a Factor of World Leadership. *Obrazovaniye i nauka = Education and Science*. 2020; 22 (1): 31-58. DOI 10.17853/1994-5639-2020-1-31-58 (In Russ.).

Bagirowa I. Kh. Integration Processes in the System of Higher Professional Education in the CIS. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*. 2014; 4: 135-144 (In Russ.).

Bakumenko O. A. Employment of foreign students – an attribute of positioning in the international market of educational services. *Akkreditatsiya v obrazovanii = Accreditation in education*. 2018; 7 (107): 12-19 (In Russ.).

Vorobyova O. D., Grebenyuk A. A., Lebedeva T. V. Educational migration to the Russian Federation: regional differentiation and contribution to the socio-economic development of regions. *Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal = Regional Economics and Management: electronic scientific journal*. 2021; 1 (65): 6 (In Russ.).

Габдрахманова Г. Ф. Студенты из государств Центральной Азии в Татарстане: мотивация, адаптация, жизненные планы / Г. Ф. Габдрахманова, Э. А. Сагдиева, Н. И. Кorableva // Социологические исследования. – 2017. – № 3 (395). – С. 58–63. – EDN YMFZQH.

Зангиева И. К. Студенты из стран СНГ в России: предпосылки к миграции / И. К. Зангиева, А. Н. Сулейманова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – № 5(135). – С. 126–145. – DOI 10.14515/monitoring.2016.5.09. – EDN YFOSRB.

Карташевич Е. В. Иностранные студенты и принимающее сообщество вуза: особенности восприятия и практики взаимодействия / Е. В. Карташевич, Г. И. Чикарова, П. С. Гаврилов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 71–78. – DOI 10.17213/2075-2067-2021-6-71-78. – EDN BJNHOA.

Латова Н. В. Миграционные установки и предпочтения российских специалистов в контексте концепции человеческого капитала / Н. В. Латова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 4 (164). – С. 429–450. – DOI 10.14515/monitoring.2021.4.1692. – EDN PBPPPG.

Матвеева А. А. Образовательная стратегия университета в отношении студентов-мигрантов / А. А. Матвеева // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – № 6. – С. 68–73. – DOI 10.5281/zenodo.5084497. – EDN LIXQLS.

Махмутова Е. В. Особенности интеграции иностранных студентов в российское образовательное пространство / Е. В. Махмутова // Власть. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 77–84. – DOI 10.31171/vlast.v28i1.7045. – EDN GDFOQX.

Моднов С. И. Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете / С. И. Моднов, Л. В. Ухова // Ярославский педагогический

Gabdrakhmanova G. F., Sagdieva E. A., Korableva N. I. Students from Central Asian countries in Tatarstan: motivation, adaptation, life plans. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2017; 3 (395): 58–63 (In Russ.).

Zangieva I. K., Suleymanova A. N. Students from the CIS countries in Russia: prerequisites for migration. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2016; 5 (135): 126–145. DOI 10.14515/monitoring.2016.5.09 (In Russ.).

Kartashevich E. V., Chikarova G. I., Gavrilov P. S. Foreign students and the host community of the university: features of perception and interaction practices. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskkiye nauki = Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences*. 2021; 14(6): 71–78. DOI 10.17213/2075-2067-2021-6-71-78 (In Russ.).

Latova N. V. Migration attitudes and preferences of Russian specialists in the context of the concept of human capital. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2021; 4 (164): 429–450. DOI 10.14515/monitoring.2021.4.1692 (In Russ.).

Matveeva A. A. Educational strategy of the university in relation to migrant students. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik = Humanitarian Scientific Bulletin*. 2021; 6: 68–73. DOI 10.5281/zenodo.5084497 (In Russ.).

Makhmutova E. V. Features of the integration of foreign students into the Russian educational space. *Vlast' = Power*. 2020; 28(1): 77–84. DOI 10.31171/vlast.v28i1.7045 (In Russ.).

Modnov S. I., Ukhova L. V. Problems of adaptation of foreign students studying at a technical university. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2013; 1(2): 111–115 (In Russ.).

Morozova Yu. V. On the issue of adaptation of foreign students in a multinational

вестник. – 2013. – Т. 1, № 2. – С. 111–115. – EDN REDEQF.

Морозова Ю. В. К вопросу об адаптации иностранных студентов в многонациональном вузе: региональные аспекты / Ю. В. Морозова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7, № 1(22). – С. 129–132. – EDN YTXPTN.

Письменная Е. Е. Социальные последствия учебной иммиграции в Россию: вопросы теории и методики исследования: специальность 22.00.03 «Экономическая социология и демография»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Письменная Елена Евгеньевна. – Москва, 2009. – 64 с. – EDN ZNYTPN.

Ромеро А. Н. Особенности социальной адаптации иностранных студентов южной части России как отражение социальных проблем данного региона / А. Н. Ромеро // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2008. – № 2 (8). – С. 240–242. – EDN KUDWZT.

Рочева А. Л. Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай / А. Л. Рочева, Е. А. Варшавер // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3 (157). – С. 295–334. – DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1632. – EDN AZLHIN.

Рязанцев С. В. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Социологические исследования. – 2013. – № 4(348). – С. 24–35. – EDN QBDQJJ.

Скоробогатова В. И. Обучение иностранцев в России: от «мягкой силы» к экспорту образования / В. И. Скоробогатова // Образование и право. – 2020. – № 5. – С. 165–173. – DOI 10.24411/2076-1503-2020-10529. – EDN MKSSRQ.

Собкин В. С. Миграционные установки аспирантов: к вопросу об «утечке мозгов» / В. С. Собкин, М. М. Смыслова, Ю. О. Ко-

university: regional aspects. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* = *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*. 2018; 7. 1 (22): 129–132 (In Russ.).

Pismennaya E. E. Social consequences of educational immigration to Russia: issues of theory and research methods: specialty 22.00.03 “Economic sociology and demography”: abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences. Moscow, 2009; 64 p. (In Russ.).

Romero A. N. Features of social adaptation of foreign students in the southern part of Russia as a reflection of the social problems of this region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nyye tekhnologii* = *Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies*. 2008; 2 (8): 240–242 (In Russ.).

Rocheva A. L., Varshaver E. A. Migration intentions of young people with and without migration background: the Russian case. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* = *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2020; 3 (157): 295–334. DOI 10.14515 / monitoring.2020.3.1632 (In Russ.).

Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E. Emigration of scientists from Russia: “circulation” or “brain drain”. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* = *Sociological studies*. 2013; 4 (348): 24–35 (In Russ.).

Skorobogatova V. I. Educating Foreigners in Russia: From “Soft Power” to Education Export. *Obrazovaniye i pravo* = *Education and Law*. 2020; 5: 165–173. DOI 10.24411/2076-1503-2020-10529 (In Russ.).

Sobkin V. S., Smyslova M. M., Kolomiets Yu. O. Migration Attitudes of Postgraduate Students: On the Issue of the “Brain Drain”. *Psikhologo-pedagogicheskiye issledovaniya* = *Psychological and Pedagogical Research*. 2020; 12(3): 61–79. DOI 10.17759/psyedu.2020120304 (In Russ.).

Suvorova V. A., Bronnikov I. A. International educational migration as a “soft power resource” in the era of globalization. *Upravleniye* = *Management*. 2019; 7 (4): 131–

ломиец // Психолого-педагогические исследования. – 2020. – Т. 12, № 3. – С. 61–79. – DOI 10.17759/psyedu.2020120304. – EDN OVGVEF.

Суворова В. А. Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации / В. А. Суворова, И. А. Бронников // Управление. – 2019. – Т. 7, № 4. – С. 131–139. – DOI 10.26425/2309-3633-2019-4-131-139. – EDN XXUJCJ.

Титова О. И. Психологическое сопровождение иностранных студентов и его роль в обеспечении качества образования в поликультурной среде / О. И. Титова // Сибирский вестник специального образования. – 2015. – № 1(14). – С. 98–102. – EDN TMCVPF.

Хороших В. В. Карьерные планы иностранных студентов, обучающихся в России / В. В. Хороших, Э. А. Логачева // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2021. – № 4. – С. 241–250. – DOI 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-29. – EDN ITESUW.

Erturk S. «I Am Not an Immigrant. I Am an International Student»: A Qualitative Study of Adaptation Experiences of Turkish International Students in Germany / S. Erturk, K. Oker, Luu L. A. Nguyen // Journal of International Students. – 2021. – Vol. 12. – No. 3. – P. 716–735. – DOI: 10.32674/jis.v12i3.3776.

Hazen H. D. Visitors or Immigrants? International Students in the United States / H. D. Hazen, H. C. Alberts // Population, Space and Place. – 2006 – Vol. 12. – No. 3. – P. 201–216. DOI: 10.1002/psp.409.

Netierman E. Should I Stay or Should I Go? International Students' Decision-Making about Staying in Canada / E. Netierman, L. Harrison, A. Freeman, G. Shoyele, V. Esses, C. Covell // Journal of International Migration and Integration. – 2022. – Vol. 23. – P. 43–60. DOI: 10.1007/s12134-021-00825-1.

Penman J. Empowering International Students to Succeed: An Innovative and Beneficial Initiative for Health Professions / J. Penman, G. Malik, E. Chu, G. Kett, K. Hampton, N. Thomacos, M. Ebrahimi-

139. DOI 10.26425/2309-3633-2019-4-131-139 (In Russ.).

Titova O. I. Psychological support of foreign students and its role in ensuring the quality of education in a multicultural environment. *Sibirskiy vestnik spetsial'nogo obrazovaniya* = *Siberian Bulletin of Special Education*. 2015; 1 (14): 98-102 (In Russ.).

Khoroshikh V. V., Logacheva E. A. Career plans of foreign students studying in Russia. *Gertsenovskkiye chteniya: psikhologicheskkiye issledovaniya v obrazovanii* = *Herzen Readings: Psychological Research in Education*. 2021; 4: 241-250. DOI 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-29 (In Russ.).

Erturk S., Oker K., Luu L. A. Nguyen. «I Am Not an Immigrant. I Am an International Student»: A Qualitative Study of Adaptation Experiences of Turkish International Students in Germany. *Journal of International Students*. 2021; 12 (3): 716-735. DOI: 10.32674/jis.v12i3.3776.

Hazen H. D., Alberts H. C. Visitors or Immigrants? International Students in the United States. *Population, Space and Place*. 2006; 12 (3): 201-216. DOI: 10.1002/psp.409.

Netierman E., Harrison L., Freeman A., Shoyele G., Esses V., Covell C. Should I Stay or Should I Go? International Students' Decision-Making about Staying in Canada. *Journal of International Migration and Integration*. 2022; 23: 43-60. DOI: 10.1007/s12134-021-00825-1.

Penman J., Malik G., Chu E., Kett G., Hampton K., Thomacos N., Ebrahimi-Zanjani M., Zhong Y., McKenzie W. Empowering International Students to Succeed: An Innovative and Beneficial Initiative for Health Professions. *Journal of International Students*. 2021; 11 (4): 832-852. DOI: 10.32674/jis.v11i4.2226.

Wiers-Jenssen J. What Brings International Students to Norway? *Journal of International Students*. 2020; 10(1): IX-XII. DOI: 10.32674/jis.v10i1.1888.

Wu C., Wilkes R. International Students' Post-Graduation Migration Plans and the Search for Home. *Geoforum*. 2017; 80: 123-132.

Zhan M., Downey C., Dyke M. International Postgraduate Students' Labour Mobility in the

Zanjani, Y. Zhong, W. McKenzie // Journal of International Students. – 2021. – Vol. 11. – No. 4. – P. 832–852. DOI: 10.32674/jis.v11i4.2226.

Wiers-Jenssen J. What Brings International Students to Norway? / J. Wiers-Jenssen // Journal of International Students. – 2020. – Vol. 10. – No. 1. – P. IX–XII. DOI: 10.32674/jis.v10i1.1888.

Wu C. International Students' Post-Graduation Migration Plans and the Search for Home / C. Wu, R. Wilkes // Geoforum. – 2017. – Vol. 80. – P. 123–132.

Zhan M. International Postgraduate Students' Labour Mobility in the United Kingdom: A Cross-Classified Multilevel Analysis / M. Zhan, C. Downey, M. Dyke // Population, Space and Place. – 2021. – Vol. 27. – No. 1. – Art. e2381. DOI: 10.1002/psp.2381.

United Kingdom: A Cross-Classified Multilevel Analysis. *Population, Space and Place*. 2021; 27 (1). Art. e2381. DOI: 10.1002/psp.2381.

Для цитирования: Магранов А. С., Гаврилов П. С. Миграционные установки иностранных студентов после окончания российских вузов (на примере Юга России) // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 1(71). – С. 34–56.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.2
EDN CFLOPU

История статьи:
Поступила в редакцию – 23.12.2024
Одобрена после рецензирования – 16.01.2025
Принята к публикации – 17.01.2025

Сведения об авторах

Магранов Алексей Сергеевич

Кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник Центра
социально-политических исследований
Южного федерального университета;
ведущий научный сотрудник Южно-
Российского филиала Федерального
научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук
SPIN-код: 6094-4263
AuthorID РИНЦ: 671150
alex_daredevil@mail.ru

Information about authors

Alexey S. Magranov

Candidate of Sociological Sciences,
Senior Researcher, Center for Social
and political studies, Southern Federal
University; Leading researcher, South Russian
Branch of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences
Scopus AuthorID: 57190303467
alex_daredevil@mail.ru

Гаврилов Павел Сергеевич

Кандидат социологических наук, начальник
Управления организации и контроля
жилищного обеспечения
Южного федерального университета
SPIN-код: 9731-9911
AuthorID РИНЦ: 1129541
pgavrilov@sfedu.ru

Pavel S. Gavrilov

Candidate of Sociological Sciences,
Director, Department of Residence affairs
and accommodation,
Southern Federal University
pgavrilov@sfedu.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВЫХ ОБЩНОСТЕЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

DEVELOPMENT OF SOCIO- GROUP COMMUNITIES IN DIGITAL ENVIRONMENT

Д. С. Петросян*

ORCID: 0009-0008-1880-7394

* Северо-Кавказский федеральный
университет,
Ставрополь, Россия

David S. Petrosyan*

* North-Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia

Цель исследования – на основе анализа научных теорий в областях коммуникации, исследования медиа, общества будущего, группообразования и Интернета как фундамента цифровой среды предложить первичное определение понятия «социально-групповые общности».

Методологическая база исследования. При составлении методологической базы исследования автор применяет междисциплинарный подход в системном анализе научной литературы с целью повышения качества эмпирических исследований социально-групповых общностей.

Результаты исследования. Выработка определения социально-групповых общностей на основе междисциплинарного подхода к анализу научной литературы позволит социологам более комплексно анализировать формирование социальных связей в условиях цифровой среды.

Перспективы исследования направлены на совершенствование содержания понятия «социально-групповые общности» посредством проведения эмпирических исследований их образования в условиях цифрового общества.

Objective of the study: to propose test definition for the term “socio-group communities”, relying on the analysis of scientific theories in the fields of communication, media studies, future society, development of groups and the Internet as the basis of digital environment.

The methodological basis of the study. The author uses interdisciplinary approach in the systematic analysis of scientific literature while developing methodological basis of the research in order to increase the quality of empirical research dedicated to socio-group communities.

The results of the study. The development of the definition for the term “socio-group communities” in the framework of the interdisciplinary approach for the analysis of scientific literature allows sociologists to conduct a more complex analysis of the creation of social connections in the digital environment.

Prospects of the study are dedicated towards the further development of the term of “socio-group communities” and their creation in digital environment by using the results of empirical research.

© Петросян Д. С., 2025

Ключевые слова: цифровая среда, непро-
странства, цифровизация, сети, симулякры,
социальные связи

Keywords: digital environment, non-places,
digitalization, networks, simulacra, social
connections

Введение

«Социально-групповые общности» – термин, используемый преимущественно в отечественной социологии, но не имеющий характерного определения, позволяющего его связать со структурой науки. Это вызвано множеством факторов: от глобальных социальных преобразований, которые меняют обыденную реальность и приводят к появлению новых феноменов, нуждающихся в анализе, до объективных языковых различий между отечественными и зарубежными социологическими теориями. Языковые различия, на наш взгляд, являются именно ключевыми факторами, которые приводят к тому, что выработка определенных терминов может быть возможна только в рамках определенного языка. Так, в англоязычных исследованиях во многом из-за особенностей английского языка в целом больше применяется практика использования емких и универсальных понятий. Так, относительно близким по контексту к предлагаемой в данной статье концепции определения понятия «социально-групповые общности» является термин «community» или «сообщество». В широком смысле сообщества выступают как формы объединения людей на основе их интересов, но здесь прослеживается проблема универсальности терминов для отечественной социологии. Общество – комплексная и постоянно изменяющаяся структура, и несмотря на то, что принцип универсальности не может быть из него исключен, в процессе анализа форм объединения людей применять его, на наш взгляд, не совсем корректно. При обращении к анализу социальных структур нам важна характеристика устойчивости и те признаки, которые на нее влияют. Как сообщество, так и социальная группа могут предполагать объединение людей по интересам. Но если социальной группой движет общая четкая цель, сообщество может ею вовсе не обладать и иметь совершенно иной характер социальных связей.

Но где в системе форм объединения людей находится термин «социально-групповые общности»? Здесь мы вновь можем вернуться к особенностям языковых различий. Так, научная работа Ф. Тённиса «Gemeinschaft and Gesellschaft», которая в дальнейшем будет проанализирована в данной работе, на русский язык переведена как «Общность и общество», а на английский как «Community and society». Русскоязычный перевод прибегает к использованию более специфического понятия, тем самым подчеркивая особенность изначальных терминов, используемых ученым. В одной языковой системе произведен вклад в универсальность термина «сообщество», в другой делается акцент на особенность именно в различиях структурных объединений. Проблема универсальности здесь заключается как раз в устойчивости соци-

альных связей, характерных для того или иного объединения людей. В современности сообщество может пониматься как паблик в социальной сети, где взаимодействуют совершенно незнакомые друг другу пользователи. С другой стороны, работа Тённиса говорила о «Gemeinschaft» как о небольшой форме объединения людей с тесными социальными связями. Целесообразно ли тогда действительно использовать универсальный термин, если для развития как общества, так и науки необходимы не только глобальные, но и специализированные исследования? На наш взгляд, лучше придерживаться попытки вывести характерное для специфики исследований понятие, которым можно оперировать для более глубокого анализа социальных изменений и процессов. Поэтому данная статья и предлагает попытку дать определение понятию «социально-групповые общности» в специфике ее соотношения с цифровой средой. Опора на цифровизацию связана не только с тем, что рассуждение о данном феномене можно считать актуальной повесткой, но и с особенностями природы цифровой среды как коммуникативного пространства. Далее мы подробно разберем, что конкретно мы подразумеваем в данном тезисе.

Предпосылки формирования цифровой среды как коммуникативного пространства социально-групповых общностей

Появление и развитие компьютерных и информационных технологий выступает сигналом о надвигающемся вступлении общества на новый этап его исторического развития. Во-первых, новые технологии открывают для человечества больше возможностей по взаимодействию и преобразению самого фундамента социальной реальности. Осуществляется это посредством постепенного объективного отказа от капиталистического рационализма, поскольку данной системой оценивания более нерелевантно воспринимать изменяющийся социум. Также влияние компьютерных и информационных технологий создает основание для избавления от классовой системы и ее иерархичности, тем самым бросая вызов проблеме социального неравенства. Ё. Масуда и вовсе в работе «Информационное общество как постиндустриальное общество» утверждает, что на последнем этапе развития компьютеризации вовлеченность каждого человека, погруженного в новую среду с помощью компьютерных технологий, будет влиять на принятие крупных управленческих решений. Постепенно это приведет к возникновению «функциональной системы», сменяющей классовую (Masuda, 1981. Р. 36–38). В дальнейшем эти идеи действительно получают продолжение в исследованиях Интернета и цифрового общества, однако в данном контексте мы пока должны разобраться, каким образом компьютерные и информационные технологии трансформируют социальную реальность, формируя, на первый взгляд, противоречивую «массовую индивидуальность». Это отсылает нас к тому, как работает процесс распространения информации в условиях формирования новой социальной реальности.

Так, формируются коммуникативные системы, имеющие гибкие сетевые структуры, которые позволяют реконструировать реальность посредством влияния на человеческое сознание. Строится это посредством того, что новые агенты влияния на формирование общественного мнения (СМИ) осуществляют практику воздействия посредством опоры на обострение новых условий для существования социального неравенства и его способов преодоления. Происходит активное навязывание образа новой реальности. Именно так формируются культ и идеология потребления. Н. Луман анализирует воздействие массмедиа на конструирование реальности в работе «Реальность массмедиа» и выдвигает тезис об изменении объективного смысла ограничений достижимого. Поскольку все вещи приобретают потребительскую стоимость, ограничения становятся символом выражения недостатка покупательной способности. Тем самым массмедиа конструируют образ реальности с помощью регулярного навязывания актерам социальных процессов необходимости удовлетворения собственных потребностей. Конечной целью работы массмедиа в этом контексте является достижение представления в сознании человека об исключительности своей индивидуальности (Луман, 2005. С. 127–128). Реклама, медиа, кино, телевидение – одни из немногих средств, которые преподносят образ этой новой реальности. С помощью новых технологий массмедиа удастся внушать зрителям идею о переживаемом ими опыте в восприятии новой социальной реальности как своего собственного. Причем осуществляется это на массовом уровне и по итогу приводит к смешению «фиктивной и реальной реальности» (Луман, 2005. С. 128), как отмечает Луман. Подтверждают это и тезисы в работе «Понимание медиа» М. Маклюэна. Ученый выдвигает тезис о доминировании использования информации на основе сравнительного анализа войны в разные эпохи истории человечества. Новые средства массовой коммуникации, которые формируют систему СМИ, являются, как отмечает Маклюэн, своеобразным воплощением взаимосвязей из центральной нервной системы человека. Особенную роль в «культивировании» воздействия на стимуляцию человеческой тревоги ученый отводит технологии радио, которое в ответ на развитие письменности в попытке достижения индивидуальности возрождает «родовые паутины глубокого племенного вовлечения» (Маклюэн, 2003. С. 344). Помимо того, как радио воздействует на ЦНС, выступая ее продолжением, подавая актуальную информацию как можно быстрее, в аппарат манипуляции вклинивается опора на развлечения. Так, власть воздействовать на человеческое сознание переходит от государства и его институтов управления к соответствующим корпорациям. Коммерциализация развлечений такими корпорациями через их использование как «нейтральных источников» информации ведет как раз к формированию образа переживания индивидуального опыта. Преследуя желание удовлетворить потребность, а точнее подчиняясь ему, человеческое

сознание отдает предпочтение тем средствам массовой информации, которые предлагают наиболее «нейтральный» взгляд на окружающую действительность. По итогу это приводит к созданию «мира всеобщего человеческого участия во всех человеческих событиях, частных и коллективных» (Маклюэн, 2003. С. 346). Подобная массовизация трансляции новых «векторов развития общества» в массмедиа выливается и в утрату истинного смысла индивидуальности в пользу возрождения коллективности под лозунгом стремления к неолиберализму, как отмечал И. Валлерстайн в работе «Конец знакомого мира». Влияние Великой французской революции на общество дало сильный скачок для его дальнейшего развития, но и этап модернизировать в один момент столкнулся со своим закатом, нужна была новая революция. В качестве помех для ее возникновения Валлерстайн называл как раз существование революционных движений, которые, несмотря на их способствование к проведению реформ, не могли повлиять на изменение социальной системы. Поэтому с 1968 года начинается новая революция в виде антисистемной борьбы народных масс с отказом от следования идеям антисистемных движений, результатом которой, с одной стороны, становится разочарование в государстве и его попытке предложить идею спасения через социальные реформы. С другой, осознание народами природы новых социальных изменений, созданных посредством взаимодействия разнообразных сфер жизни общества, привели к преодолению зависимости от инстинкта следовать «идеологической обработке». Как раз это можно считать началом полноценного возрождения понятия индивидуальности, поскольку теперь человеческим сознанием движет стремление к свободе в ответ на навязываемый и программируемый образ реальности, который не соответствует реальному состоянию новой действительности. Поэтому формируются предпосылки для человеческой усталости от такого образа реальности через различного рода реакции. Одной из них является описываемая Валлерстайном свобода от фундаментальной рациональности капиталистического строя. Классовая система, отношения, строящиеся на достижении выгоды, все характеристики структуры капиталистического строя теряют свою актуальность в новой реальности. Можно ли говорить о полноценном конце капитализма, остается предметом для дискуссий, однако точно ясно, что доминировать идеология модернизировать больше не способна. Нужна глобальная перезагрузка социума, поэтому отказ от рациональности капиталистического строя с ее дальнейшим перерождением при опоре на категории новой реальности – это будущий вектор развития социологической науки, который, как считает Валлерстайн, необходимо поддерживать. Он поэтому предлагает пересмотр рациональности через осознание соотношения политики и морали, при этом перед интеллигенцией (в данном контексте имеются в виду социологи) стоит задача глубинного анализа истории, на основании которого можно выводить альтернативные решения для возникающих

социальных проблем (Валлерстайн, 2004. С. 210). Однако следует отметить, что особенность новой социальной реальности предполагает вовлеченность в коммуникативные процессы всех людей, независимо от их различий, а также и не всегда учитывая их желание быть вовлеченными.

Для подтверждения данного тезиса обратимся к другим исследовательским концепциям, начиная с «перспективы постмодерна» Ж. Лиотара. В своей работе «Состояние постмодерна» ученый уделяет особое внимание в процессе конструирования новой реальности языковым играм. В новом обществе происходит глобальное переустройство его структурных компонентов путем создания задачи по освоению умения управлять информацией. Социальное неравенство все еще существует, поскольку полноценной альтернативной модели классовой системы выработать в новом обществе пока невозможно. Однако правящий класс формируется из экспертов различных сфер человеческой деятельности, а не из сугубо политической элиты. Так называемые «полюса притяжения», созданные традиционным государством, более не являются столь же привлекательными, что и раньше, и это приводит к обострению ощущения «самости». Причем это не означает, что формируются предпосылки для отчужденности. Напротив, новая коммуникативная система общества вовлекает в свои процессы всех ее потенциальных участников, даже тех, кто в возможности управления контекстом сообщений может быть ограничен. Системе необходимо перемещение акторов коммуникативных процессов для недопущения повышения уровня энтропии по объективной причине, в противном случае ее структура постепенно разрушится. При этом коммуникативные процессы рассматриваются не только в контексте обмена информацией или традиционных диалогов, а с позиции построения и включения акторов в социальные связи после каждого их взаимодействия. Это не гарантирует, что теперь все социальные связи сводятся к языковым играм, но они есть тот необходимый минимум для существования нового общества. При этом регулирование языковых игр осуществляется посредством воздействия на коммуникационные сети соответствующих институций, представляющих тот или иной дискурс. По итогу перспектива постмодерна предлагает некую «атомизацию социальности в гибких сетях языков игр» (Лиотар, 1998. С. 48). Здесь подразумевается то, что посредством стимулирования ощущения самости под влиянием языковых игр социальные группы постепенно переходят в менее осознанные образования, которые скапливаются в пространстве подобно частицам в броуновском движении. Получается, что мобильность акторов по сетям может иметь беспорядочный характер, что влияет на структуру новых социальных связей и ведет к возникновению новых форм объединения людей.

Возвращаясь к коммуникативным сетям, стоит задать вопрос, чем же конкретно является коммуникация, если она выходит за пределы собствен-

ной репрезентации актов в форме информационного и речевого обмена? Здесь важно обратить внимание на тезисы П. Бурдье в работе «Социология социального пространства». Коммуникативная система становится нагруженной символами и таким образом становится механизмом для символической борьбы за установление «единой» концепции социальной реальности (Бурдье, 2007. С. 95). Особенность влияния символических систем на конструирование реальности Бурдье замечает в возможности различными силами применять символическую власть и устанавливать веру в легитимность транслируемых по сетям слов. Через активную мобилизацию акторов коммуникативных процессов к их погружению в пространство символической прецессии и формируются новые основания для преодоления социального неравенства, но в форме символической борьбы за удовлетворение собственной «самости». Постепенно такая неопределенность формирует основания для развития состояния симуляции всей окружающей действительности, в которой символический обмен ведет к разрушению социальных отношений. Но каким образом символы приобретают такую силу, позволяющую им воздействовать на целостность социального благосостояния? Обратимся к работам «Симулякры и симуляция» и «Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийяра. Влияние симуляции на общество изменяет функционирование городской структуры. Симуляция превращает город в поле для бесконечного процесса десоциализации посредством погружения акторов коммуникативных процессов в систему символического обмена. По итогу происходит рост социальной разобщенности. Разобщенность выражается в регулярных воздействиях агентов в виде СМИ, телевидения, рекламы, кино и других на самость каждого актора, что и проводит к ее дальнейшему росту. Анализируя граффити в городах как протестное движение против такой системы, Бодрийяр говорит о том, что таким образом человеческое сознание направляет принцип недетерминированности против системы и ее кода (Бодрийяр, 2000. С. 159). Таким образом, симуляция выступает против кодирования реальности в определенные категории, что в дальнейшем приводит к прецессии симулякров в обществе. Прецессия симулякров – есть процесс движения образов до стадии достижения состояния гиперреальности, то есть когда реальность становится заранее воспроизведенным пространством. Язык в таких условиях подвергается самокопированию и способствует тому, что рациональность тоже становится симулякром (Бодрийяр, 2015. С. 127). Объясняется это тем, что в процессе симуляции достигается эйфория от нее. Если во время доминирования натурализма достаточно было прибегать к сравнению показываемого с цирком или театром, тем самым распознавая фиктивность, то в эпоху развития гиперреальности и симуляции такое невозможно (Бодрийяр, 2000. С. 152). Транслируемый агентами образ новой, практически недостижимой и превосходящей все свои ранние этапы развития реальности превращает социаль-

ный мир в игру, в поиск реальности. Это и есть эйфория от симуляции. Она выступает как результат и ответная реакция на навязываемый образ новой реальности со стороны агентов, обладающих властью по распространению этого образа. Ощущение собственного достижения в поиске истинного смысла реальности приводит к манипуляции чувством наслаждения, формируя ложное представление о собственной уникальности и идентичности. При контакте это стимулирует социальную обращенность, поскольку каждый актер испытывает потенциальную попытку быть ущемленным в выражении и понимании собственного «Я».

Можно ли на основе вышесказанного подытожить, что в качестве предпосылок для формирования коммуникативного пространства цифровой среды мы получаем сетевое пространство символического обмена с целью достижения социальной разобщенности? Это не совсем так, поскольку результат социальной разобщенности – это лишь одна сторона новой реальности, которая существует скорее в форме риска своего обострения, нежели в виде репрезентации современного состояния общественных отношений. Подобные мрачные выводы о состоянии современного общества были бы применимы, если бы агентами в коммуникативных процессах выступали только СМИ и имеющие символическую власть институты. Но что, если коммуникативное пространство становится еще сложнее? В этом нам поможет разобраться концепция цифрового бытия Н. Негропonte, с которой начинается введение понятия «цифровизация» в дискурсивное поле социума. Цифровое бытие – это термин, свидетельствующий о наступлении так называемой «постинформационной эпохи», в которую СМИ и другие агенты, ранее обладавшие властью в процессе конструирования реальности, больше таковым не обладают. Их деятельность больше похожа на циркуляцию попыток адаптироваться к условиям постинформационной эпохи. Цифровое бытие, согласно Негропonte, предполагает процесс постепенного избавления от необходимости в привязке человеческой деятельности к определенному физическому месту во времени. Конечно, специфическая работа вроде сложных хирургических операций на тот же мозг все еще предполагает необходимость присутствия врача в операционной, но новые телекоммуникационные системы позволяют устанавливать связь, даже если пациент и доктор находятся в разных населенных пунктах (Negroponte, 1995. Р. 165–167). Понятие адреса тоже меняет свое значение с появлением электронной почты. Если зарегистрироваться в определенной системе, которая его предоставляет, можно получить свой собственный e-mail, через который будет проходить деятельность, будь то рассылки из социальных сетей, связь с организаторами конференций, рабочие вопросы и т. д. При этом интересно, как адрес становится симулякром в таком случае. У него нет физического воплощения, нет расположения на ландшафте, но при этом он существует в своей отдельной реальности и воспроизводит деятельностное

пространство пользователя, выполняя функцию символизации его расположения. Можно предположить, что изначальное место создания электронного адреса все же существует, если пользователь его получил, например, зарегистрировавшись в Яндекс на компьютере, установленном в собственном доме. Только электронный адрес привязан не к физическому объекту в виде устройства, на котором он создавался, а к безграничному цифровому пространству. В нем искажается и категория времени, поскольку изначальное представление о хотя бы приблизительном территориальном расположении пользователя отсутствует. Возможная дистанционная работа или установление социальной связи на межгосударственном уровне предполагают не только контакт между культурами, но и различными временными зонами. Например, если в Красноярске проводится международная научная конференция с допущением онлайн-формата выступления, то в регионах из другой временной зоны событие произойдет в разное время по отношению к физическому компоненту реальности. С другой стороны, онлайн-подключение позволяет участникам конференции выступать в один момент, независимо от разницы их территориальных локаций. Получается, что в данном случае симуляция выступает как стимул для перерождения существующих фундаментальных понятий конструирования реальности в их новой форме.

Одним из результатов перерождения является возникновение феномена непространства, анализируемого М. Оже в работе «Не-пространства». Представление о принадлежности к определенной среде из-за символизации реальности теперь основывается на том, окружают ли актора соответствующие знаки, позволяющие понять, где он находится. Концепция непространства предполагает включение индивидов в его поле на основе разделения их идентификации как «пассажиров» (Auge, 1995. Р. 103). Здесь имеется в виду, что в рамках непространства люди находятся в условиях постоянно циркулирующей мобильности, не формируя окружающую среду на основе единой культурной идентичности, территориальных особенностей и т. д. Они находятся с непространством в «контрактных» отношениях. Контрактом выступает знак, который указывает на то, что они принадлежат к данной структуре в определенный момент времени, будь то билет на самолет или гаджет, с помощью которого пользователь выходит в Интернет. Здесь проявляется как раз сетевая структура такой реальности. Индивид может быть обременен повседневными заботами, но в моменте взаимодействия в непространстве с другими «пассажирами» сталкиваются лишь их образы, а не истинные идентичности. С одной стороны, появляется больше возможностей для ролевой игры, с другой, в непространстве невозможно создать идентичность или прочные отношения, а лишь их подобие. Это и есть симуляция. Условия постинформационной реальности выступают скорее как подготовительный этап перед вступлением в более глубокие и тесные социальные связи, за счет

предоставления акторам коммуникативных процессов возможности перемещаться по сетевой структуре. Общество существует на основе социальных связей и отношений, недостаточно лишь перечисления его структурных компонентов в вакууме, поэтому если коммуникативное пространство имеет сетевую структуру, то и само общество приобретает её. Ключевой технологией, которая позволяет заявить о возникновении сетевой структуры общества, становится Интернет.

С появлением Интернета в анализ повседневного социального взаимодействия акторов добавляется характеристика «подключения» к сети, анализируемая Ш. Тёркл в работе «Одинокие вместе». Связь в Интернете на основе постоянного подключения к сетевой структуре коммуникаций в виртуальном пространстве открывает для пользователей больше свободы в экспериментировании с собственной идентичностью, в особенности для молодежи. «Свободное» с точки зрения симуляции, пространство виртуальной реальности позволяет пользователям без более «болезненных» для них откатов в развитии их жизни тестировать и изучать переживаемый ими опыт. Формируется «Вторая Жизнь» (Turkle, 2011. Р. 153) с циркулирующей образов собственной идентичности, будь то аватар в компьютерной игре или профиль в социальной сети. У каждого пользователя, участвующего в процессах этой новой реальности, существует возможность для вступления в коммуникативные процессы без ограничений в виде четко существующих предварительных обязательств. Причем в представлении пользователей даже о своих онлайн-друзьях существует четкое понимание того, что они не появятся мгновенно в, например, тяжелой для них ситуации. И несмотря на это эмоциональная вовлеченность в цифровой среде остается высокой, как отмечает Ш. Тёркл. Объясняется это тем, что стремление к свободе и усталость от навязываемого образа реальности со стороны агентов управления информацией позволили людям воспринять цифровую среду как «место для надежды», где можно достичь чего-то нового. Безусловно, деятельность агентов, которые оказывали влияние на человеческое сознание в информационную эпоху, не исчезает автоматически, но и не доминирует над процессом конструирования реальности. Поэтому цифровая среда, ее коммуникативная составляющая и цифровое общество в целом состоят не только из контроля над симуляцией со стороны агентов и институтов, но и со стороны влияния на конструирование реальности коммуникации обычных пользователей. С другой стороны, симуляция не исчезает и по-прежнему существует риск утраты грани между реальным и виртуальным, но анализ этой проблемы лежит в изучении других категорий. Дело в том, что технология Интернета, согласно М. Кастельсу (Кастельс, 2004. С. 145–146), не является источником для создания большего количества причин и предпосылок для социальной дистанцированности вследствие утраты границ между пространствами. Интернет,

как и предыдущие технологии массовых коммуникаций, не оказывает прямого воздействия на деятельность индивидов. Ключевая их особенность – в косвенности воздействия на действительность за счет обострения ощущения самости. Тем самым проблема социальной дистанцированности и разобщенности сводится не к демонизации технологий. Они объективны и не зависят от человеческой воли, они не способны программировать наши действия, но предоставляют условия для переосмысления ценностей и собственной идентичности. Поэтому социальное отчуждение есть результат личного выбора каждого индивида, анализ причин которого не обоснован природой технологий и средств массовых коммуникаций. Иными словами, агентами являются непосредственно сами акторы коммуникативных процессов, обладающие возможностью применять символическую власть.

Поэтому коммуникативное пространство цифровой среды нами рассматривается в качестве непространства с сетевой структурой, в которой во взаимодействии находятся как народные массы, так элиты и агенты, способные влиять на формирование общественного мнения. Сетевая структура коммуникативного пространства обоснована сложностью социальных связей нового порядка, которые формируются посредством включенности всех акторов коммуникативных процессов в активную виртуальную среду. Причем в такой среде благодаря симуляции находится место для игровой составляющей, что позволяет превращать коммуникацию не просто в процесс речевого обмена или информационной циркуляции, но в игру символами, где невозможна выработка идентичности, но возможна ролевая игра. Благодаря этому у индивидов возникает высокая эмоциональная вовлеченность в виртуальную жизнь, поскольку такие условия создают симуляцию ощущения свободы выработки собственной идентичности на основе менее болезненного взаимодействия с коммуникативным пространством.

Техногенная архаичность: социально-групповые общности и их место в системе цифрового общества

Говоря о техногенной архаичности, мы подразумеваем особенность новых компьютерных и информационных коммуникативных технологий в их воздействии на повседневность. Оно, как было отмечено выше, косвенное, осуществляется в непосредственной форме. Это дает возможность для воздействия на сознательное и бессознательное за счет создания условий для осуществления деятельности в виртуальном пространстве без ограничения требованиями к обязательствам. Почему мы говорим об архаичности? Ранее уже было упомянуто, как во времена информационной эпохи формировалось «племенное вовлечение» на основе работы М. Маклюэна. Техногенная архаичность обусловлена тем, как она противостоит капиталистическому представлению о доминировании рациональности как ведущей оценки действительности. За счет погружения людей в сетевую коммуникативную структуру,

где они руководствуются не столько рациональностью, сколько понятиями веры и надежды в стремлении к свободе, техногенность, с одной стороны, предполагает, что формируются продвинутые технологии, изменяющие повседневную жизнь в обществе. С другой стороны, их воздействие на формирование сильной эмоциональной вовлеченности пользователей сети становится основанием для «перерождения» архаичных понятий. В данном случае мы говорим об особенностях социальных связей и приближаемся к анализу термина «социально-групповые общности» с опорой на цифровой дискурс.

Для начала следует обратиться к фундаментальной работе Ф. Тённиса «Общность и общество», где дается сравнительное определение двух понятий, определяющих исследовательскую проблематику. Так, понимание общности связано с объединением людей на основе единства воли всех «по-разному обусловленных индивидуумов». Их разная обусловленность связана с предварительным спектром различий, но несмотря на это человеческие воли вступают во взаимоотношения на основе родовой принадлежности к одному виду живых существ. Наиболее яркими проявлениями общностей Тённис считает отношения между матерью и детьми, между братьями и сёстрами и между супругами. Несмотря на то, что первые два примера строятся на кровном родстве, последний все же предполагает связь между заранее незнакомыми людьми (если только мы не берем во внимание определенные культуры, где супругов предварительно выбирают на основе контакта между кланами). В контексте исследования социально-групповых общностей актуально обращение к так называемым общностям другого порядка, а именно общностям крови, места и духа. Первое связано с общей принадлежностью людей к одному виду. Второе предполагает сплочение через совместное проживание. В свою очередь общность духа является «наивысшей разновидностью», определяя ментальную взаимосвязь. На основе этого выводятся наименования родства, соседства и дружбы (Тённис, 2002. С. 25–28). В цифровом пространстве из-за симуляции и его гиперреализма пользователи находятся в самом настоящем броуновском движении. Изначально они связаны друг с другом на основе базового единства принадлежности к виду *Homo Sapiens*, поэтому этот вид связей остается невидимым. Но следующие социальные связи, предполагающие их циркулирующую мобильность входе первичных актов коммуникативного обмена, больше напоминают соседство, нежели дружбу или кровное родство как в семье (хотя вопросом репрезентации представителей определенных народов и типов личностей как «дружелюбных по умолчанию» можно было бы озадачить отдельное исследование). Будем отталкиваться от этого вида связи в дальнейшем рассуждении. Необходимо провести предварительную разницу с понятием групп в обществе. Группа является более устойчивым, чем общность, объединением, поскольку основанием связи между ее членами являются более устойчивые и осязаемые характеристики,

например, общие цели или даже типы социального поведения, влияющие на образ стратификации. Так, существование феномена цифрового кочевничества (активная мобильность с опорой на телекоммуникационные технологии для решения профессиональных задач) не относится к общностям, а характеризует именно групповое поведение, если опираться на отечественные исследования. Несмотря на то, что оно является одним из результатов функционирования сетевых структур нового общества, групповой эта деятельность считается из-за наличия идентичности у каждого участника этого процесса (Добринская, 2020. С. 14–15). Идентичность является ключевой характеристикой, поскольку она выстраивается на основе соотношения индивидом своей деятельности с группой. Общности являются скорее предварительным этапом перед группообразованием, поскольку выработка идентичности на этапе их «соседского» взаимодействия еще невозможна попросту из-за природного различия в структурах этих объединений. Поле исследования взаимодействия потенциальных членов общности находится на уровне анализа их чувственно-эмоциональной вовлеченности в акты коммуникативного обмена по отношению к коммуникативному пространству, в то время как группами уже руководят осознанный образ целеполагания для выстраивания своей жизни на основе совершения определенной деятельности. Разграничив определения, перейдем к дальнейшему анализу понятия общностей.

В работе М. Кастельса «Сети возмущений и надежды» дается объяснение тому, как формируются различные социальные движения в Интернете. Кастельс утверждает, что весь коммуникативный потенциал преимущественно находится в руках населения возраста 16–34 лет, поскольку преимущественно представители этой возрастной категории обладают наибольшей компетентностью в использовании функций виртуального пространства. С другой стороны, социальные изменения и несогласие с навязыванием образа социальной реальности наиболее часто связаны именно с ней из-за отсутствия богатого жизненного опыта для принятия более осознанных решений и легкой внушаемости. При этом получается, что социальные сети в Интернете не являются причиной для возникновения общественных движений, а выступают инструментами выражения позиции каждого пользователя или «самосозданной сети людей» и призыва к ее поддержанию (Castells, 2012. Р. 223). Здесь важно обратить внимание на структурное объединение «самосозданной сети людей», упомянутую Кастельсом. В другой своей работе «Сетевое общество» ученый предлагает конкретное понятие виртуальных сообществ, описывающих это объединение. Анализируя аргументацию касательно создания сообществ людей в Интернете, Кастельс говорит о том, что представители критики упускают самое главное преобразование, случившееся с сообществами. А именно – их освобождение от географической привязанности, что способствует возобновлению связывания людей друг с другом. При этом

ученый обращает внимание на то, что виртуальные сообщества таковыми называются из-за природы пространства, в котором они формируются, но их деятельность, их взаимодействие и коммуникация способны перейти в офлайн-формат. Отношения, которые люди также формируют вне виртуальной реальности, могут поддерживаться в онлайн-среде (Castells, 2005. Р. 220). Тезисы из работ Кастельса позволяют понять, что цифровая среда не предполагает исключительно социальные процессы в Интернете. Напротив, она предполагает взаимосвязь обеих категорий реальности в общем комплексном коммуникативном пространстве, что ведет к формированию соответствующих социальных связей. С другой стороны, нельзя забывать о том, что виртуальная реальность в значительной степени базируется на вплетении симуляции в ее социальные процессы. Поэтому здесь целесообразно обратиться к феномену «воображаемых сообществ».

Этот термин анализируется Б. Андерсоном в работе «Воображаемые сообщества». Концепция сообщества как воображаемого образования связана с невозможностью достижения знания даже самой малой нацией всех потенциальных людей, которые ее характеризуют. У представителя сообщества есть лишь воображаемое представление об образовании, частью которого он является. Важным замечанием ученого является утверждение о том, как различать сообщества. Вместо оперирования дихотомией «реальное – фиктивное» следует анализировать сообщества по «стилю, в котором они воображаются» (Андерсон, 2001. С. 31–32). Это в свою очередь отсылает нас к постсубкультурной теории о нео-племенах, которую анализировал Э. Беннет. Нео-племена являются, с одной стороны, продолжением субкультур после их структурного разрушения в рамках исследования молодежи, с другой, предполагают создание форм объединения людей на основе характеристик, определяющих их повседневность, а также на основе аффективного характера того пространства, в котором они формируются. Анализируя работы других ученых, Беннет выводит свою структурную теорию о нео-племенах, связывая ее с качественным исследованием между аффективным поведением молодежи и ее интересами на примере вкуса к музыке стиля «Urban Dance». Феномен нео-племенных объединений возникает как аффективная контркультура в период послевоенных событий второй половины XX века. Для нео-племенных сообществ важным является визуальная репрезентация их принадлежности к определенному стилю, характерному для какого-либо движения или течения (Bennet, 1999. Р. 15). Это больше похоже на имитацию племенной деятельности через символическое взаимодействие с окружающей действительностью. Как это помогает нам в раскрытии понятия социально-групповых общностей в цифровой среде?

Выводы

Особенности цифровой среды связаны с тем, что ее коммуникативное пространство косвенно воздействует на акторов коммуникативных процес-

сов, что приводит к обострению ощущения их самости из-за создания симуляции свободы личного выбора по выработке собственной идентичности. Те социальные взаимодействия, через которые предварительно проходят все пользователи сети, носят аффективный характер, формируя первичную, но еще неустойчивую сплоченность подобно тому, как она формируется в выведенных Тённисом общностях духа или соседских общностях. Люди на этом этапе объединены чувствами, нежели осознанной принадлежностью к какому-либо объединению. К тому же, на этом этапе границы, позволяющие понять, к какой отдельной общности относится пользователь, достаточно размыты, поскольку в коммуникативный обмен не вступили их идентичности, а лишь образы, симулирующие их желаемую идентичность. Характеристика «социально-групповая» добавляется к общности в силу того, что после нее может образоваться другой порядок более глубоких социальных отношений, характерный для более устойчивых объединений, как группа. Поэтому что мы понимаем под социально-групповой общности в рамках анализируемой тематики данной работы? Социально-групповая общность – это аффективная форма объединения людей в условиях новой реальности цифрового общества, которая может послужить предварительным этапом для образования более устойчивых социальных групп, благодаря опоре на симуляцию как определяющей характеристике коммуникативного пространства цифровой среды.

Таким образом, обзор и включение представленных научных работ позволил вывести первичное определение социально-групповых общностей в их взаимосвязи с особенностями цифрового дискурса. Дальнейшая разработка и наполнение данного понятия предполагаются в проведении эмпирических исследований.

Список источников

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – Москва: КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2001. – 288 с. – ISBN 5-93354-017-3.

Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Медиум, 1995. – 337 с. – ISBN 5-85691-036-2.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – Москва: Добросвет, 2000. – 390 с. – ISBN 5-7913-0047-6.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – Москва: ПОСТУМ, 2015. – 240 с. – ISBN 978-5-91478-023-1.

References

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. Moskva: KANON-press-TS, "Kuchkovo pole" = Moscow: KANON-press-C. Kuchkovo Field. 2001; 288 p. (In Russ.).

Berger P., Luckmann T. Social Construction of Reality. Moskva: Medium = Moscow: Medium Publ. 1995; 337 p. (In Russ.).

Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death. Moskva: Dobrosvet = Moscow: Dobrosvet Publ. 2000; 390 p. (In Russ.).

Baudrillard J. Simulacra and Simulations. Moskva: POSTUM = Moscow: POSTUM Publ. 2015; 240 p. (In Russ.).

Bourdieu P. Sociology of Social Space. Moskva: Institut eksperimental'noy sotsiologii;

Бурдые П. Социология социального пространства. – Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 288 с. – ISBN 5-89329-762-8.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн. – Москва: Логос, 2003. – 355 с. – ISBN 5940102557.

Добринская Д. Е. О феномене цифрового кочевничества / Д. Е. Добринская // ЭКО. – 2020. – № 2(548). – С. 37-59. – DOI 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-37-59. – EDN HLWEUJ.

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с. – ISBN 5-94799-373-2.

Лиотар Ж. Состояние постмодерна / Ж. Лиотар. – Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 160 с. – ISBN 5-89329-107-7.

Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. – Москва: Практис, 2005. – 256 с. – ISBN 5-901574-46-X.

Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – Москва: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с. – ISBN 5-86090-102-X.

Тённый Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / Ф. Тённый. – Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2002. – 452 с. – ISBN 5-93615-020-8.

Auge M. Non-paces: Introduction to an Anthropology of Supermodernity / M. Auge. – London; New York: Verso, 1995. – 122 p.

Bennett A. Subcultures or Neo-Tribes? Rethinking the Relationship between Youth, Style and Musical Taste / A. Bennet // Sociology. – 1999. – Vol. 33, No. 3. – P. 599–617.

Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age / M. Castells. – Cambridge, UK; Malden, MA: Polity, 2012. – 324 p.

Castells M. The Network Society: From Knowledge to Policy / M. Castells. – Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005. – 434 p.

Sankt-Peterburg: Aleteyya = Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteia Publ. 2007; 288 p. (In Russ.).

Wallerstein I. The End of the Familiar World: Sociology of the 21st Century. Moskva: Logos = Moscow: Logos. 2003; 355 p. (In Russ.).

Dobrinskaya D. E. On the Phenomenon of Digital Nomadism. EKO = ECO. 2020; 2 (548): 37-59. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-37-59 (In Russ.).

Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society. Yekaterinburg: U-Faktoriya = Yekaterinburg: U-Faktoriya Publ. 2004; 328 p. (In Russ.).

Lyotard J. The State of Postmodernism. Moskva: Institut eksperimental'noy sotsiologii. Sankt-Peterburg: Aleteyya = Moscow: Institute of Experimental Sociology. St. Petersburg: Aleteia Publ. 1998; 160 p. (In Russ.).

Luhmann N. The Reality of Mass Media. Moskva: Praxis = Moscow: Praxis Publ. 2005; 256 p. (In Russ.).

McLuhan M. Understanding Media: External Extensions of Man. Moskva: KANON-press-TS, “Kuchkovo pole” = Moscow: KANON-press-C. Kuchkovo Field. 2003; 464 p. (In Russ.).

Toennies F. Community and Society: Basic Concepts of Pure Sociology. Sankt-Peterburg: “Vladimir Dal” = St. Petersburg: “Vladimir Dal” Publ. 2002; 452 p. (In Russ.).

Auge M. Non-paces: Introduction to an Anthropology of Supermodernity. London, New York: Verso. 1995; 122 p.

Bennett A. Subcultures or Neo-Tribes? Rethinking the Relationship between Youth, Style and Musical Taste. Sociology. 1999; 33(3): 599-617.

Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity. 2012; 324 p.

Castells M. The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations. 2005; 434 p.

Masuda Y. The information society as post-industrial society. Washington, DC: World future society. 1981; 196 p.

Masuda Y. The information society as post-industrial society / Y. Masuda. – Washington, DC: World future society, 1981. – 196 p.

Negroponte N. Being Digital / N. Negroponte. – London: Hodder & Stoughton; Stoughton, 1995. – 243 p.

Turkle S. Alone Together: Why we expect more from technology and less from each other / S. Turkle. – New York: Basic Books, 2011. – 360 p.

Negroponte N. Being Digital. London: Hodder & Stoughton; Stoughton. 1995; 243 p.

Turkle S. Alone Together: Why we expect more from technology and less from each other. New York: Basic Books. 2011; 360 p.

Для цитирования: Петросян Д. С. Формирование социально-групповых общностей в цифровой среде // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 1 (71). – С. 57–73.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.3
EDN AYRAXH

История статьи:
Поступила в редакцию – 10.12.2024
Одобрена после рецензирования – 05.02.2025
Принята к публикации – 07.02.2025

Сведения об авторе

Петросян Давид Сергеевич

Аспирант кафедры социологии
Северо-Кавказского федерального
университета
SPIN-код: 8258-1755
AuthorID РИНЦ: 1189674
Potrachenno@gmail.com

Information about author

David S. Petrosyan

Postgraduate Student,
Department of Sociology,
North-Caucasus Federal University
Potrachenno@gmail.com

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ,
ЛОКАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ:
КАК ИИ МЕНЯЕТ
УПРАВЛЕНЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ
КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ
КОМПАНИИ**

**GLOBAL TRENDS, LOCAL
SOLUTIONS: HOW DOES
ARTIFICIAL INTELLIGENCE
CHANGE THE MANAGEMENT
CULTURE IN A LARGE
INDUSTRIAL COMPANY**

А. М. Салогуб*

ORCID: 0000-0002-3477-451X

Н. А. Бессонов*

ORCID: 0009-0007-1066-7764

Angela M. Salogub*

Nikita A. Bessonov*

** Пятигорский государственный
университет,
Пятигорск, Россия*

** Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russia*

Цель исследования – охарактеризовать факторное влияние глобальных и локальных трендов в сфере искусственного интеллекта на особенности социокультурной и социо-экономической изменчивости управленческой культуры.

Objective of the study is to characterize the factorial influence of global and local trends in the field of artificial intelligence on socio-cultural and socio-economic variability of management culture.

Методологическая база исследования. В рамках составных терминологических образований категорий «управленческая культура» и «искусственный интеллект» представлены условия видоизменения управленческой культуры в контексте глобализации и локализации искусственного интеллекта.

The methodological basis of the study. The conditions for the modification of management culture in terms of globalization and localization of artificial intelligence are presented within the framework of the composite terminological formations of the categories “management culture” and “artificial intelligence”.

Результаты исследования. Анализ состояния глобализации и локализации ИИ-образований внутри нефтегазовой отрасли позволили выделить следующее качество: в нефтегазовой отрасли фиксируются положительные тенденции в рамках совместного использования локализованных и интегрированных решений в сфере искусственного интеллекта на отраслевом и межотраслевом уровнях.

Results of the study. An analysis of the state of globalization and localization of AI entities within the oil and gas industry highlights the following: there are positive trends in the joint use of localized and integrated artificial intelligence solutions in the oil and gas industry at the industrial and interindustrial levels.

© Салогуб А. М., 2025

© Бессонов Н. А., 2025

Перспективы исследования связаны с необходимостью отображения согласованности во взаимном исполнении трендовых образований глобализации и локализации по отношению к технико-технологическому внедрению систем искусственного интеллекта в крупные промышленные отрасли.

Prospects of the study are related to the need to display consistency in the mutual execution of the trend formations of globalization and localization in relation to the technical and technological implementation of artificial intelligence systems in large industrial sectors.

Ключевые слова: глобальные тренды, глобализация, локализация, управленческая культура, искусственный интеллект, транснациональная компания, промышленная компания, нефтегазовая отрасль

Keywords: global trends, globalization, localization, management culture, artificial intelligence, multinational company, industrial company, oil and gas industry

Введение

Управленческая культура отражает преобладающие способы управленческой деятельности внутри той или иной социальной системы (Передня, 2022). Данные способы как бы выступают первопричиной формы всех составных процессов системы менеджмента. При этом необходимо выделять их качества факторной детерминации по отношению к культуре, к компании, а также к профессии.

Условия развития управленческой культуры дуальны – с одной стороны, управленческая культура сосредоточена вокруг ценностей всего общества в определенный момент времени, в то время как с другой стороны, она находится в зависимости от социальных групп, определяющих параметры ее культурологической и экономической локализации.

Информация, как доминирующая парадигма в современном социокультурном процессе, также определяет характер развития управленческой культуры и, соответственно, управленческая культура способна задавать глобальные тренды видоизменения различных информационных коммуникаций, а также определять особенности субъектной локализации информации. Такая информационная надстройка, как искусственный интеллект, также сосредотачивает в себе локальные и глобальные зависимости во взаимодействии с управленческой культурой.

Методология исследования

Представление глобальных трендов внедрения компонентов искусственного интеллекта в управленческую культуру крупной компании базируется на теории «О» или архетипе корпоративных изменений «О», в соответствии с которым изменения проектируются на основе организационных возможностей с применением «мягких» управленческих методов и с обеспечением гармонии во взаимоотношениях «сотрудник – менеджер», без допущения радикальной реструктуризации и увольнений (Калашникова, Сигитова, 2022).

Подкрепление мотива внедрения искусственного интеллекта в управленческую культуру крупной компании осуществляется посредством образности искусственного интеллекта в разработках Даниэля Кастро и Джошуа Нью.

Даниэль Кастро и Джошуа Нью отмечают, что искусственный интеллект – это направление компьютерной науки, посвященное созданию вычислительных машин и систем, производящих действия, аналогичные человеческому обучению и принятию решений (Castro, New, 2016. Р. 2). То есть принятие решений можно назвать одной из интегративных свойственных характеристик во взаимодействии искусственного интеллекта и управленческой культуры. Однако если искусственному интеллекту сопутствуют возможности информационной глобализации и локализации, то возникает вопрос – с помощью каких средств или категорий это может выражаться. В этом вопросе позволяет разобраться фактор существования слабого и сильного искусственного интеллекта.

Слабая система искусственного интеллекта – это система, решающая конкретную задачу. Сильный искусственный интеллект представляет собой систему, решающую задачи без вмешательства человека (Белова, 2021). В результате слабый искусственный интеллект способен быть несколько «отстраненным» от глобальных трендов в сфере информационной разработки и информационного проектирования; в то же время сильный искусственный интеллект может «абстрагироваться» от необходимости контекстуальной адаптации по требованию той или иной локальной или локализованной системы или отрасли.

Алгоритмика функционирования искусственного интеллекта сопряжена с разработкой разветвленных нейронных сетей, позволяющих производить связку различных типов данных без каких-либо существенных внешних ограничений. Искусственная нейронная сеть (ИНС) – математическая модель биологической нейронной сети, имитирующая работу нервной системы и головного мозга человека. ИНС состоит из соединенных и взаимодействующих между собой простых процессоров – искусственных нейронов.

ИНС – это особый инструментарий преобразования информационных потоков, способного работать в условиях процессного параллелизма – когда существует необходимость работы с независимыми информационными данными. Посредством «обучающей итерации», способной протекать путем условного «агента-учителя», так и без его непосредственного вовлечения, форма нейронной сети как бы «наследует» качественные характеристики входной информации, параметрически видоизменяется под нее и отображает в выходном потоке преобразованные данные (Казначеев и др., 2016).

Вместе с тем сложность нейросетевых алгоритмов актуализирует повестку прозрачности данных, которые эти алгоритмы обрабатывают. Прозрачность алгоритмов ИИ имеет решающее значение. Организации должны понимать, как их инструменты ИИ принимают решения, и обеспечивать, чтобы

эти решения основывались на критериях, имеющих отношение к работе. Это предполагает регулярные аудиты систем ИИ для выявления и исправления ошибок (Boschee, 2023).

Результаты исследования

Нефтегазовая отрасль, как ключевой экономический агент отрасли промышленности, может использовать искусственный интеллект для обеспечения устойчивого роста, повышения операционной эффективности и строгого соблюдения нормативных требований в ближайшие годы (Solanke et al., 2024).

В соответствии с экспертными оценками, примерный ежегодный объем российского рынка услуг для нефтегазовых компаний за 2016–2021 гг. составил около 1,5 трлн руб. Пандемия и кризис 2020 г. спровоцировали падение спроса на углеводородное сырье, что привело к масштабному снижению добычи. Дополнительное негативное влияние оказали санкции. В результате рынок сервисных услуг сократился до 25 % (Голубецкая и др., 2022).

Вынужденная производственная локализация также определяет актуальность более активного перехода на цифровые ресурсы. В России спрос на цифровые технологии со стороны компаний топливно-энергетического комплекса, в том числе предприятий нефтегазовой отрасли, может превысить 410 млрд руб. к 2030 г., что более чем в 13 раз выше показателей в 2020–2021 гг.¹

Процесс «программно-цифрового отраслевого импортозамещения» уже фиксируется на уровне экономико-управленческих инициатив крупных игроков отечественного нефтегазового сектора.

В частности, геонавигация, проектирование гидродинамических сред уже являются системами «авторско-программной поддержки» в ПАО «НК «Роснефть». Ожидается увеличение инвестиционных вливаний с превышением 6 млрд руб. к 2028 г. Показатель экономического эффекта в таком случае будет сопоставим с 10 млрд руб. Вместе с тем рассматриваемый субъект намерен придать авторским программным решениям «экспортную оболочку», осваивать соответствующие зарубежные программно-отраслевые рынки².

Потоковая цифровизация нефтегазового комплекса по отношению к российской экономике определяется следующими показателями инновационного потенциала:

- уменьшение расходов в рамках производственной деятельности, в частности, диагностико-управленческая автоматизация способствует эффективной адаптации под средовую изменчивость сырьевых «мест-залежей»;
- оптимизация расходной части эксплуатационного обеспечения, в частности, контрольно-диагностические средства способствуют рациональному

---

¹ Цифровая экономика: краткий статистический сборник. – URL: <https://issek.hse.ru/news/802513370.html> (дата обращения: 20.12.2024).

² Официальный сайт ПАО НК «Роснефть». – URL: <https://www.rosneft.ru> (дата обращения: 21.12.2024).

прогнозу возможной поломки отдельных элементов и деталей агрегатов – в таком случае время простоя и работоспособность подкрепляются соответствующей для каждого производственной динамикой (Половова и др., 2023).

Внедрение возможностей искусственного интеллекта является несколько рискованной деятельностью с точки зрения объективизации капиталовложений по отношению к необходимости локального применения искусственного интеллекта. В этой связи актуализируются подходы в рамках комплексной оценки деятельности экономического субъекта. В качестве одного из наиболее эффективных подходов следует выделить методологии в рамках реализации ESG-принципов.

Методология рейтингового позиционирования экономических субъектов в следующих сферических категориях способствует выработке оценки концентрации на практической реализации ESG-принципов:

1. E (Environmental) – категория экологической системы: ориентация объекта рейтинга по отношению к текущей экологической повестке.

2. S (Social) – категория социальной системы: действующие разработки объекта рейтинга в области общественных обязательств.

3. G (Governance) – категория корпоративного менеджмента: структура, объекта рейтинга (Каныгин, Хорева, 2022).

Согласно ESG-рэнкингу российских компаний RAEX Europe (апрель 2023 г.) в топ-30 компаний представлены пять интегрированных нефтегазовых компаний (табл. 1).

Таблица 1

Рэнкинг и рейтинг RAEX Europe ESG (по последней оцененной отчетности 2022 г.)¹

Название	Подотрасль	Е-рэнк	С-рэнк	Г-рэнк
Роснефть	Интегрированные нефтегазовые компании	4	22	5
Группа «Татнефть»	Интегрированные нефтегазовые компании	13	5	6
ЛУКОЙЛ	Интегрированные нефтегазовые компании	19	17	12
Зарубежнефть	Интегрированные нефтегазовые компании	22	25	21
НОВАТЭК	Интегрированные нефтегазовые компании	28	31	32
Газпром	Интегрированные нефтегазовые компании	25	36	50

¹ Источник: Куклина Е. А. ESdiGital-трансформация российских нефтегазовых компаний: риски и оценки / Е. А. Куклина, К. И. Дементьев // Управленческое консультирование. – 2023. – № 7(175). – С. 53–71. – DOI 10.22394/1726-1139-2023-7-53-71. – EDN OEGUEN.

Окончание таблицы 1

Название	Подотрасль	Е-рэнк	S-рэнк	G-рэнк
Якутская топливно-энергетическая компания (ЯТЭК)	Интегрированные нефтегазовые компании	54	56	23
Сургутнефтегаз	Интегрированные нефтегазовые компании	39	110	102
РуссНефть	Интегрированные нефтегазовые компании	100	129	72
Газпром нефть	Интегрированные нефтегазовые компании	95	106	110

Риск-менеджмент в проектной деятельности экономических субъектов нефтегазового комплекса базируется на природных первопричинах. К примеру, таковыми на уровне ловушки или залежи углеводородов являются: целостность ловушки; качество коллектора; характеристики нефтегазоматеринской породы и др. (Куклина, Дементьев, 2023).

Проблематика, на основе которой наращивается актуализация перехода нефтегазовой отрасли в контекст возможностей искусственного интеллекта, также определяется нехваткой квалифицированных рабочих кадров.

Нефтегазовая отрасль, характеризующаяся своей технической сложностью и острой потребностью в квалифицированных кадрах, сталкивается со значительными трудностями при наборе квалифицированной рабочей силы, необходимой для развития низкоуглеродных энергетических систем и других технологических инноваций (Odili et al., 2024). П. Боши обсуждает острую нехватку кадров в секторе, особенно технических экспертов, которая препятствует прогрессу в достижении целей перехода к энергетике (Boschee, 2023).

Согласно опросу, проведенному Bain & Company, каждая третья компания сообщила о трудностях с поиском необходимых инженерных кадров, при этом знания в области цифровых и информационных технологий особенно востребованы во всех секторах и регионах. П. Боши подчеркивает, что около 60 % руководителей ожидают значительных изменений в своем бизнесе благодаря цифровым технологиям и технологиям искусственного интеллекта к 2030 году, но с трудом находят таланты, которые могли бы способствовать этому переходу (Boschee, 2023). Нехватка не ограничивается техническими ролями; рабочей силы на переднем крае также не хватает, и значительный процент компаний в Северной Америке и на Ближнем Востоке не могут найти достаточное количество работников на переднем крае.

Одной из проблем, представляемых в рамках такого кризиса поиска профессиональных рабочих кадров, способна выступать нехватка образовательно-методологического ресурса в освещении возможностей отраслевой локализации цифровых и информационных решений, использование абстрактно

ориентированных подходов к представлению информационных архитектур, усложняющих их учебно-практическое усвоение. То есть первичные результаты эффективной апробации ИИ-решений на базе того или иного экономического субъекта нефтегазовой отрасли должны подкрепляться их оформлением в виде образовательных микрометодологий, для возможности широкоформатного привлечения потенциальных и действующих сотрудников к проблемным условиям практики слабого искусственного интеллекта; в дальнейшем, с целью оптимального наращивания внутриотраслевой конкуренции, возможна частичная изоляция достижений в отраслевых ИИ-решениях на базе различных организаций нефтегазового комплекса с созданием локальных образовательных площадок, где действующие и потенциальные сотрудники смогут осваивать образовательные программы, программы профессиональной подготовки и переподготовки по различным направлениям разработки ИИ-решений. Однако необходимо сохранять задел для выработки контекстуальных интеграций в достижениях ИИ-решений на базе межсубъектного экономического взаимодействия внутри отрасли с целью прогресса в разработке ИИ-решений на внутриотраслевом уровне.

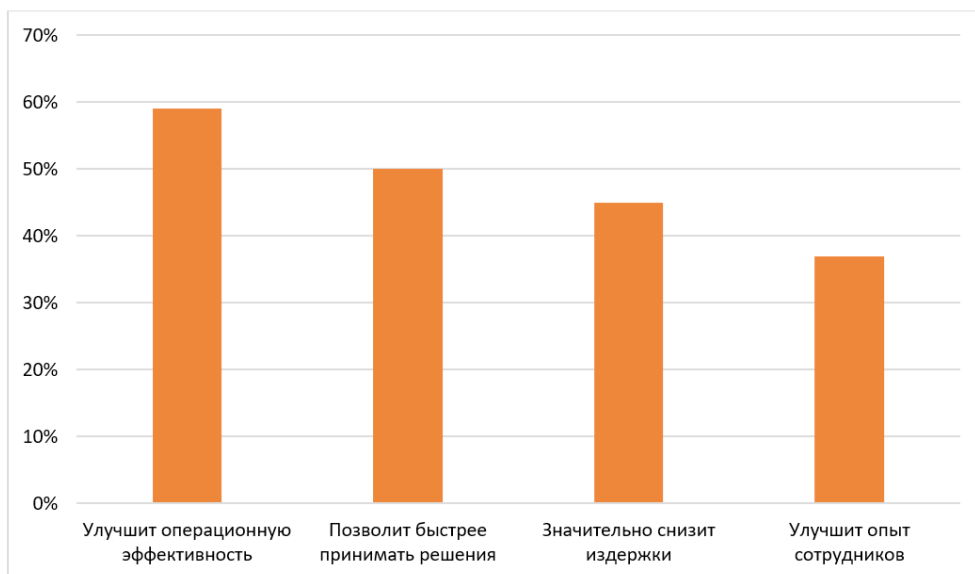
В то же время решение количественной проблемы нехватки квалифицированных рабочих кадров в нефтегазовой отрасли может состоять в положительном качественном подходе к влиянию искусственного интеллекта на сферу управления персоналом.

Характер влияния искусственного интеллекта на сферу управления персоналом отображен на рисунке 1.

Согласно приведенной на рисунке 1 аналитике, искусственный интеллект повышает операционную эффективность (59 %), позволяет принимать результативные решения (50 %), значительно снижает издержки (45 %) и формирует опыт сотрудников (37 %).

Первичная, предметно-техническая локализация искусственного интеллекта в нефтегазовой отрасли начинается с оптимизации одного из основных средств добычи отраслевого ресурса – скважины.

Гибридная интеллектуализация нефтяного и газового комплексов стала возможной, с точки зрения предметно-практической реализации, посредством введения скважин с уникальными «интеллектуальными функциями»; в отраслевой кодификации они также известны как «smart wells», или «умные скважины». Появление такого терминологического образования, как «умная скважина», можно назвать достоянием научной деятельности В. В. Кульчицкого (Половова и др., 2023), который ввел его в лингвистический оборот и подкрепил это образование соответствующим технико-технологическим образом, ведь благодаря ему появились скважины, обладающие забойными телеметрическими «архитектурами» с бескабельным исполнением.

Рис. 1. Влияние искусственного интеллекта на сферу управления персоналом в нефтегазовых компаниях России, %¹

В настоящий момент терминологический конструкт «умные скважины» обладает значимыми обобщающими терминологическими качествами в контексте отрасли нефтегазовой разработки: инноватика в области пакерно-якорного обеспечения, измерительные и реализационно-аппаратные средства скважинного обеспечения; платформы по контролю за функционированием технологических систем, диагностико-наладочного оборудования нефтегазовой отрасли и др. (Кульбиков и др., 2023).

Такая технология позволяет добывать нефть из разных коллекторов и при этом вести непрерывный учет отдельно по каждому пласту. В России «умные скважины» впервые были применены той же компанией «Салым Петролеум» в конце 2006 года в северной части Вадельпского месторождения. Технология smart wells сокращает количество кустов скважин и объемы строительства внутрипромысловой инфраструктуры, снижая тем самым капитальные затраты и уменьшая воздействие на окружающую среду (Казначеев и др., 2016).

Пористость, проницаемость, водонасыщенность, устойчивость ствола скважины прогнозируются с помощью методов искусственного интеллекта. Пористость и проницаемость являются двумя важными петрофизическими

¹ Источник: Азиева Р. Х. Необходимость и возможности использования цифровых технологий в нефтегазовой отрасли в условиях цифровой трансформации экономики / Р. Х. Азиева, Х. Э. Таймасханов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 5 (125). – С. 178–185. – EDN FWBSNZ.

свойствами, которые можно прогнозировать с помощью адаптивной нейро-нечеткой системы вывода (ANFIS), искусственной нейронной сети (ANN), метода опорных векторов (SVM) и т. д. (Еремин, Селенгинский, 2023).

Поскольку ANN является наиболее популярным методом, основанным на частоте его использования, в нем также приводятся примеры применения этих методов в различных областях деятельности, таких как изучение недр, разведка, бурение, добыча, изучение коллекторов и транспортировка в вышеуказанной отрасли. Бурение и добыча являются наиболее важной темой исследований с точки зрения доступности литературы (Choubey, Karmakar, 2021).

Одним из очень важных видов оборудования для добычи нефти из недр земли является электрический погружной насос. Искусственный подъем имеет решающее значение в нефтяном секторе, поскольку он помогает поддерживать дебит и продлевать срок службы скважин. Электрические погружные насосы (ESP) являются одной из наиболее часто используемых систем искусственного подъема, поскольку они могут создавать высокий дебит даже в очень глубоких скважинах.

Электрический погружной насос является популярным методом, применяемым примерно в 15–20 процентах из миллиона скважин по всему миру, благодаря своим замечательным качествам, которые обеспечивают высокую глубину бурения. Это оборудование может быть использовано для эффективной оптимизации морского бурения, особенно в очень суровых и изменчивых погодных условиях (Pham et al., 2021; Van Rensburg, 2019).

Сбои в работе ESP могут происходить быстро и без предупреждения, что затрудняет прогнозирование из-за сложности возможных причин. Неисправности такого рода могут в итоге привести к остановке производства и значительным затратам на замену оборудования. В результате оценка срока службы ESP имеет решающее значение для разработки стратегии ранней замены, чтобы избежать потерь производительности. Определение основных параметров, которые оказывают наибольшее влияние на отказы ESP, также может помочь повысить эксплуатационные характеристики (Pham et al., 2021). Искусственный интеллект и алгоритмы машинного обучения были внедрены для мониторинга в режиме реального времени как функциональности, так и эффективности этого оборудования, которое может быть повреждено морской водой и давлением глубоководных водоемов (Elliot et al., 2024).

От локализации и глобализации в нефтегазовой отрасли позволяет перейти уже представленный ранее сильный искусственный интеллект, наиболее знакомый под аббревиатурой AGI (Artificial General Intelligence).

Внедрение AGI в нефтегазовую отрасль означает переход от традиционных операционных систем к более интеллектуальным, эффективным и устойчивым практикам. Рассматриваются последние ключевые области при-

менения больших языковых моделей (LLM), агентов на базе LLM и мультимодальных перевозок, описывается путь к реализации парадигмы AGI в нефтегазовой отрасли, освещаются стратегические инициативы, технологические достижения и возможности сотрудничества, которые открывают путь для этой амбициозной интеграции.

Большие языковые модели в рамках AGI-методологии нефтегазового сектора могут быть внедрены в несколько этапов: быть практически апробированы в рамках локальных ИИ-решений по примеру «умной скважины», сведены в управленческие отделы региональных центров принятия управленческих решений на базе транснациональных корпораций нефтегазового комплекса, интегрированы в общую корпоративную культуру транснациональных корпораций – сначала в рамках исключительно субъектного подхода, а затем – в интеграции решений на отраслевом уровне. При этом следует избегать возможной информационной изоляции отрасли от межинформационного обмена с другими отраслями по вопросам сопряжения достижений в AGI-алгоритмике, поскольку подобная превентивная мера от возможных пагубных последствий межотраслевой конкуренции может стать фактором существенных экономических и временных затрат для налаживания информационного диалога с целью эффективного решения возникших социокультурных и макроэкономических задач.

Внедрение AGI в нефтегазовой отрасли предполагает использование передовых возможностей искусственного интеллекта для реализации комплексных когнитивных функций, позволяющих системам автономно выполнять широкий спектр задач. Начиная с разведки и добычи, заканчивая переработкой и распределением, AGI может предложить непревзойденные аналитические возможности и процессы принятия решений, что приводит к оптимизации операций и снижению воздействия на окружающую среду. Однако переход на систему, основанную на AGI, требует устранения значительных препятствий, включая технологическую готовность, данные управления, адаптацию персонала и соблюдение нормативных требований (Li, 2024).

Заключение

Таким образом, искусственный интеллект позволяет формировать положительные тенденции развития нефтегазовой отрасли – как с точки зрения локального подхода к использованию точечных ИИ-решений, так и с точки зрения создания сильных алгоритмов искусственного интеллекта, позволяющего эффективно решать как внутренние отраслевые задачи, так и использовать для решения задач из сопряженных социальных систем. Вместе с тем использование искусственного интеллекта должно быть «порционным», поскольку возможный резкий рост отраслевой безработицы, отсутствие достаточного количества квалифицированных рабочих кадров для решения ИИ-задач и практического внедрения ИИ-решений, отсутствие инвестиционно-

экономической поддержки отрасли со стороны экономических субъектов для планового решения проблем, связанных с ИИ-решениями – все это может выступать в виде единого фактора возможного отраслевого регресса, где инновационный аспект искусственного интеллекта может попросту нивелироваться текущими социально-экономическими реалиями в пределах микро- и макроэкономики.

Список источников

Азиева Р. Х. Необходимость и возможности использования цифровых технологий в нефтегазовой отрасли в условиях цифровой трансформации экономики / Р. Х. Азиева, Х. Э. Таймасханов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 5 (125). – С. 178–185. – EDN FWBSNZ.

Белова Н. В. Трансформация HR-технологий в нефтегазовом секторе: внедрение искусственного интеллекта / Н. В. Белова // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 4-4. – С. 47–51. – DOI 10.47576/2712-7516_2021_4_4_47. – EDN LBHQVO.

Голубецкая Н. П. Влияние цифровых технологий на модернизацию менеджмента российских нефтегазовых компаний в условиях глобальных вызовов / Н. П. Голубецкая, О. В. Бургонов, О. Г. Смешко // Экономика и управление. – 2022. – Т. 28, № 10. – С. 1064–1073. – DOI 10.35854/1998-1627-2022-10-1064-1073. – EDN PYRLJV.

Еремин Н. А. О возможностях применения методов искусственного интеллекта в решении нефтегазовых задач / Н. А. Еремин, Д. А. Селенгинский // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2023. – № 1-1. – С. 201–211. – DOI 10.46689/2218-5194-2023-1-1-201-211. – EDN LGOGCA.

Казначеев П. Ф. Применение методов искусственного интеллекта для повышения эффективности в нефтегазовой и других сырьевых отраслях / П. Ф. Казначеев, Р. В. Самойлова, Н. В. Курчиски // Экономическая политика. – 2016. – Т. 11, № 5. – С. 188–197. – DOI 10.18288/1994-5124-2016-5-09. – EDN XAIEKT.

References

Azieva R. Kh., Taimakhanov Kh. E. The need and possibilities of using digital technologies in the oil and gas industry in the context of digital transformation of the economy. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*. 2020; 5 (125): 178-185 (In Russ.).

Belova N. V. Transformation of HR technologies in the oil and gas sector: implementation of artificial intelligence. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research*. 2021; 4-4: 47-51. DOI 10.47576/2712-7516_2021_4_4_47 (In Russ.).

Golubetskaya N. P., Burgonov O. V., Smeshko O. G. The Impact of Digital Technologies on the Modernization of Management of Russian Oil and Gas Companies in the Context of Global Challenges. *Ekonomika i upravleniye = Economics and Management*. 2022; 28 (10): 1064-1073. DOI 10.35854/1998-1627-2022-10-1064-1073 (In Russ.).

Eremin N. A., Selenginsky D. A. On the Possibilities of Applying Artificial Intelligence Methods in Solving Oil and Gas Problems. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle = Bulletin of Tula State University. Earth Sciences*. 2023; 1-1: 201-211. DOI 10.46689/2218-5194-2023-1-1-201-211 (In Russ.).

Kaznacheev P. F., Samoilova R. V., Kurchiski N. V. Application of artificial intelligence methods to improve efficiency in the oil and gas and other raw materials industries. *Ekonomicheskaya politika = Economic policy*. 2016; 11; 5: 188-197. DOI 10.18288/1994-5124-2016-5-09 (In Russ.).

Kalashnikova I. V., Sigitova M. A. Change management: archetypes of corporate

Калашикова И. В. Менеджмент изменений: архетипы корпоративных преобразований и проблемное поле управления / И. В. Калашикова, М. А. Сигитова // Вестник ТОГУ. – 2022. – № 3 (66). – С. 63–74.

Каныгин Г. В. Концептуальное моделирование ESG-рейтингов: новый подход к принятию коллективных решений / Г. В. Каныгин, Л. В. Хорева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 1-3 (115). – С. 24–29. – DOI 10.23670/IRJ.2022.115.1.074. – EDN AZAAJH.

Куклина Е. А. ESdIGital-трансформация российских нефтегазовых компаний: риски и оценки / Е. А. Куклина, К. И. Дементьев // Управленческое консультирование. – 2023. – № 7 (175). – С. 53–71. – DOI 10.22394/1726-1139-2023-7-53-71. – EDN OEGUEN.

Кульбиков А. Д. Интеллектуальные системы в бурении скважин / А. Д. Кульбиков, Г. И. Кучукбаев, И. М. Нигматзянов [и др.] // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 7. – С. 172–175. – EDN CLOZCI.

Кульчицкий В. В. Геосупервайзинг – синергия цифровых профессий, специальностей и науки в нефтегазовом деле / В. В. Кульчицкий // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник, Курск, 05–06 июня 2018 года / Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; ответственный редактор В. И. Герасимов. Том Выпуск 13 Часть 2. – Курск: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. – С. 823–827. – EDN VNMLHA.

Передня Д. Г. Управленческая культура и культура управления: к вопросу о разграничении понятий / Д. Г. Передня // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 1 (846). – С. 123–129. – DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_123. – EDN GIBJNJ.

Половова Т. А. Перспективы развития цифровых платформенных решений на предприятиях нефтегазовой отрасли в условиях санкционных ограничений / Т. А. Половова, Г. А. Сульдина, О. А. Телков // Финансовые

transformations and the problematic field of management. *Vestnik TOGU = Bulletin of Pacific National University*. 2022; 3 (66): 63-74 (In Russ.).

Kanygin G. V., Khoreva L. V. Conceptual modeling of ESG ratings: a new approach to making collective decisions. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal = International Research Journal*. 2022; 1-3 (115): 24-29. DOI 10.23670/IRJ.2022.115.1.074 (In Russ.).

Kuklina E. A., Dementyev K. I. ESdIGital transformation of Russian oil and gas companies: risks and assessments. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye = Management Consulting*. 2023; 7 (175): 53-71. DOI 10.22394/1726-1139-2023-7-53-71 (In Russ.).

Kulbikov A. D., Kuchukbaev G. I., Nigmatzyanov I. M. [et al.]. Intelligent systems in well drilling. *Innovatsii i investitsii = Innovations and investments*. 2023; 7: 172-175 (In Russ.).

Kulchitsky V. V. Geosupervising – synergy of digital professions, specialties and science in the oil and gas industry. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: Yezhegodnik, Kursk, 05-06 iyunya 2018 goda / Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam Rossiyskoy akademii nauk; Otvetstvennyy redaktor V. I. Gerasimov. Tom Vypusk 13 Chast' 2. Kursk: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN = Russia: trends and development prospects: Yearbook, Kursk, June 5-6, 2018. Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Editor-in-chief V. I. Gerasimov. Volume Issue 13 Part 2. Kursk: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences*. 2018: 823-827 (In Russ.).

Perednya D. G. Management culture and management culture: on the issue of distinguishing between concepts. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2022; 1 (846): 123-129. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_123 (In Russ.).

Polovova T. A., Suldina G. A., Telkov O. A. Prospects for the Development of Digital

рынки и банки. – 2023. – № 2. – С. 117–119. – EDN FLXRHM.

Boschee P. Comments: A Practical Challenge to Scaling Up Low-Carbon Energy Systems: Technical Talent / P. Boschee // *Journal of Petroleum Technology*. – 2023. – Vol. 75, No. 10. – P. 10–11. – DOI 10.2118/1023-0010-jpt. – EDN UACGMR.

Castro D. The Promise of Artificial Intelligence / D. Castro, J. New // *Center for data innovation*. – 2016. – 44 p. – URL: <http://www2.datainnovation.org/2016-promise-of-ai.pdf> (дата обращения: 27.11.2024).

Choubey S. Artificial intelligence techniques and their application in oil and gas industry / S. Choubey, G. P. Karmakar // *Artificial Intelligence Review*. – 2021. – No. 54. – P. 1–19.

Elliot, Kizzy Nkem Application of artificial intelligence in the oil and gas industry / Kizzy Nkem Elliot, Levi Damingo // *International Research Journal of Modernization in Engineering Technology and Science*. – 2024. – Vol. 6, Issue 5. – P. 2582–5208.

J. X. Li, Tiancheng Zh., Yiran Zh., Zhongwei Ch. Artificial General Intelligence (AGI) for the oil and gas industry: a review. – 2024.

Odili P. The impact of artificial intelligence on recruitment and selection processes in the oil and gas industry: a review / P. Odili, C. Daudu, A. Adefemi, I. Ekemezie, G. Usiagu // *Engineering Science & Technology Journal*. – 2024. – No. 5. – P. 612–638.

Pham S. T. Effective Electrical Submersible Pump Management Using Machine Learning / S. T. Pham, P. S. Vo, D. N. Nguyen // *Open Journal of Civil Engineering*. – 2021. – Vol. 11, No. 2. – P. 70–80.

Solanke B. The impact of artificial intelligence on regulatory compliance in the oil and gas industry / B. Solanke, F. B. Onita, O. Ochulor, H. Iriogbe // *International Journal of Science and Technology Research Archive*. – 2024. – Vol. 7, No. 7. – P. 061–072.

Van Rensburg N. J. Autonomous Well Surveillance for ESP Pumps Using Artificial Intelligence // *SPE Oil and Gas India Conference and Exhibition, Mumbai*. – 2019.

Platform Solutions at Oil and Gas Enterprises in the Context of Sanction Restrictions. *Finansovyye rynki i banki = Financial Markets and Banks*. 2023; 2: 117–119 (In Russ.).

Boschee P. Comments: A Practical Challenge to Scaling Up Low-Carbon Energy Systems: Technical Talent. *Journal of Petroleum Technology*. 2023; 75; 10: 10–11. DOI 10.2118/1023-0010-jpt.

Castro D., New J. The Promise of Artificial Intelligence. *Center for data innovation*. 2016; 44 p. Available from: <http://www2.datainnovation.org/2016-promise-of-ai.pdf>. Accessed 27.11.24.

Choubey S., Karmakar G. P. Artificial intelligence techniques and their application in oil and gas industry. *Artificial Intelligence Review*. 2021; 54: 1–19.

Elliot Kizzy Nkem, Damingo Levi Application of artificial intelligence in the oil and gas industry. *International Research Journal of Modernization in Engineering Technology and Science*. 2024; 6: 2582–5208.

J. X. Li, Tiancheng Zh., Yiran Zh., Zhongwei Ch. Artificial General Intelligence (AGI) for the oil and gas industry: a review. 2024.

Odili P., Daudu C., Adefemi A., Ekemezie I., Usiagu G. The impact of artificial intelligence on recruitment and selection processes in the oil and gas industry: a review. *Engineering Science & Technology Journal*. 2024; 5: 612–638.

Pham S. T., Vo P. S., Nguyen D. N. Effective Electrical Submersible Pump Management Using Machine Learning. *Open Journal of Civil Engineering*. 2021; 11 (2): 70–80.

Solanke B., Onit F. B., Ochulor O., Iriogbe H. The impact of artificial intelligence on regulatory compliance in the oil and gas industry. *International Journal of Science and Technology Research Archive*. 2024; 7 (7): 061–072.

Van Rensburg N. J. Autonomous Well Surveillance for ESP Pumps Using Artificial Intelligence. *SPE Oil and Gas India Conference and Exhibition, Mumbai*. 2019.

Для цитирования: Салогуб А. М., Бессонов Н. А. Глобальные тренды, локальные решения: как ИИ меняет управленческую культуру крупной промышленной компании // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 1 (71). – С. 74–87.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.4
EDN VIJTAI

История статьи:
Поступила в редакцию – 25.12.2024
Одобрена после рецензирования – 27.01.2025
Принята после публикации – 31.01.2025

Сведения об авторах

Салогуб Анжела Михайловна

Доктор социологических наук, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, ведущий научный сотрудник Департамента координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре Пятигорского государственного университета
SPIN-код: 6953-0060
AuthorID РИНЦ: 528628
salogubam@yandex.ru

Бессонов Никита Александрович

Аспирант Пятигорского государственного университета
nik.b717@mail.ru

Information about authors

Angela M. Salogub

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Creative and Innovative Management and Law, Leading Researcher of the Department of Coordination of Research and Innovation-Project Activities in Specialist Programme, Master's and Postgraduate Studies, Pyatigorsk State University
WoS. ResearcherID: AAE-3701-2022
Scopus AuthorID: 57191840727
salogubam@yandex.ru

Nikita A. Bessonov

Postgraduate Student, Pyatigorsk State University
nik.b717@mail.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

УДК 001.18 + 101.3
DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.5
EDN WANOFA

Научная статья

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОСВЕЩЕННОГО ПАТРИОТИЗМА

FUTUROLOGICAL ASPECTS OF ENLIGHTENED PATRIOTISM

Р. А. Баталин*

ORCID: 0009-0001-4942-1848

Ruslan A. Batalin*

* Донецкий государственный педагогический университет имени В. Ф. Шаталова, Горловка, Донецкая Народная Республика, Россия

* Shatalov Donetsk State Pedagogical University, Gorlovka, Donetsk People's Republic, Russia

Цель исследования – анализ специфики такого вида патриотизма как просвещенный, или конструктивный, патриотизм.

Objective of the study is to analyze the specifics of enlightened / constructive patriotism.

Методологическая база исследования – анализ и обобщение источников по теме, герменевтический анализ философских и научных текстов.

The methodological basis of the study is the analysis and generalization of the sources on the topic of the research, hermeneutical analysis of philosophical and scientific texts.

Результаты исследования. Просвещенный патриотизм рассматривается нами как любовь к семье и в семье. В качестве социально-ролевых составляющих такого рода семьи мы анализируем любовь к Родине (архетип Матери), любовь к Отечеству (архетип Отца) и любовь к народу (архетип Ребенка). В работе красной нитью проходит мысль о том, что футурологические аспекты просвещенного патриотизма будут изменяться в зависимости от того, какая именно его социально-ролевая составляющая будет акцентирована.

The results of the study. Enlightened patriotism is considered as love for family and love in the family. We analyze the love of the Motherland (Mother archetype), the love of the Fatherland (Father archetype) and the love of the people (Child archetype) as the socio-role components of a family. The leading idea is that the futurological aspects of enlightened patriotism will change depending on which social and role component is emphasized.

Перспективы исследования состоят в последующем изучении проблемы конструктивного, просвещенного патриотизма в различных философских дискурсах.

Prospects of the study include the subsequent research of the constructive / enlightened patriotism in various philosophical discourses.

© Баталин Р. А., 2025

Ключевые слова: футурологический аспект, патриотизм, просвещенный патриотизм, конструктивный патриотизм
Keywords: futurological aspect, patriotism, enlightened patriotism, constructive patriotism

Введение

Характерной чертой развития футурологии как научной дисциплины в последние десятилетия является усиление ее философского характера, рассмотрение в ее рамках как максимально широких вопросов, в той или иной степени касающихся будущего, так и более специализированных проблем дальнейшего развития философского знания (Рочняк, 2022. С. 88).

Одной из таких проблем безусловно является проблема патриотизма как социально-философского феномена. Вопрос эволюции идей патриотизма от античных времен до сегодняшних дней, подходов к его классификации, основы и структуры, возможностей целенаправленного воспитания, путей развития и трансформации в будущем занимает важное место в философских дискуссиях отечественных и зарубежных исследователей.

В данной статье обратим внимание на такую разновидность патриотизма как просвещенный патриотизм, а также на специфику его перспектив как фьючерсных индивидуальных и социальных ожиданий, настроений, проектов, активных действий в рамках гражданской позиции.

Футурологическая направленность просвещенного патриотизма

Понятие «просвещенный патриотизм» трактуется нами как патриотизм «ответственный, конструктивный, осознанный, который призывает каждого гражданина чувствовать ответственность перед согражданами за то, что он сделал или не сделал, за то, как влияет на их жизнь» (Баталин, 2023. С. 126; Рочняк, Баталин, 2024. С. 24). Соответственно, просвещенный патриот – человек социально активный, имеющий высокий уровень культуры и знаний, умеющий думать системно, видеть и анализировать причинно-следственные связи событий и явлений, осознающий себя частью общества как системы не только в синхронии, но и диахронии. Именно просвещенный, рационально-конструктивный, когнитивно-интеллектуальный, а не эмоционально-чувственный, эмотивно-экспрессивный патриотизм помогает «увидеть мир во всем его многообразии, способствует формированию убеждений, что другие люди, народы и страны вызывают наш интерес как раз потому, что от нас отличаются» (Баталин, 2023. С. 121; Рочняк, Баталин, 2024. С. 24).

Просвещенный патриотизм в большей мере, чем любой из других видов патриотизма, направлен на будущее, а не на прошлое; в его основе лежит не «любовь к родному пепелищу, / любовь к отеческим гробам», а, напротив, так называемое «футурологическое отношение человека к окружающему миру». Вводя в научный дискурс данное понятие относительно феномена патрио-

тизма, И. А. Лукинова понимает под ним «принципиальный и обоснованный, подкрепленный собственной патриотической и гражданской активностью человека выбор ценности “оптимизма” в отношении будущего своей страны и народа, готовность за достижение этого будущего отдать все свои силы, и даже жизнь» (Лукинова, 2015. С. 132).

Иначе говоря, «не только чувство, любовь и страсть, но и разум, и ответственность» (Лубский, 2017. С. 54), не пассивное созерцание, а активное действие, не фундаментальный консерватизм, а радикальный (в значении – последовательный, планомерный, рационально обоснованный, осознанный) конструктивизм составляют смысловое ядро просвещенного патриотизма. Кроме того, в качестве современного историко-политического феномена именно данный вид патриотизма должен стать «базисом для широкого просвещения всех россиян: в их сопричастности к великой истории России и в их историческом долге, в консолидированном единстве, подобно своим предкам и предыдущим поколениям, сохранять и приумножать величие и России, и российской цивилизации» (Чудомех, 2017. С. 103). Не зря в интервью передаче «Москва. Кремль. Путин», 10 мая 2020 года наш президент акцентировал внимание на том, что «национальная идея России заключается в патриотизме, но он не должен быть квасным и затхлым, он должен быть посвящен развитию страны. Невозможно строить национальную идею только на попытках ухватиться за героическое прошлое. Успеха можно добиться, если при сохранении памяти о прошлом продолжать смотреть в будущее»¹.

Три ценностно-смысловых поля патриотизма

При классическом трактовании понятие «патриотизм» является синонимом словосочетаний «любовь к Родине», «любовь к Отечеству». Мы также добавляем к ним также словосочетание «любовь к народу». Рассматривая в социально-ролевой составляющей патриотизма Родину как архетип Матери, Отечество как архетип Отца и народ как архетип Ребенка, мы объединяем их в некий обобщенный архетип Семьи и понимаем в данном контексте «“просвещенный патриотизм” через любовь к (а также “в”) большой, дружной и крепкой “Семье”» (Баталин, 2020. С. 70).

При этом любовь к Родине как к конкретному географическому месту рождения (так называемая «малая родина») имеет чувственно-эмоциональную основу, в определенной степени она инстинктивна. Любовь к Отечеству отличается рационально-волевыми усилиями субъекта и ассоциируется с государством и правом, историей и традициями, духовным и культурным наследием. И, наконец, любовь к народу подразумевает симпатии к представителям своей социально-этнической общности. Она обусловлена прежде всего

¹ Путин В. В. Интервью передаче «Москва. Кремль. Путин», 10.05.2020. – URL: <https://russian.rt.com/russia/article/745442-putin-patriotizm-nacionalnaya-ideya> (дата обращения: 10.06.2024).

этническими авто- и гетеростереотипами, которые формируются столетиями, однако могут значительно трансформироваться в течение небольшого с точки зрения истории времени вследствие целенаправленного воздействия или под влиянием значительных социальных явлений (войны, революции, миграционные процессы и др.).

Говоря о футурологических аспектах просвещенного патриотизма, мы хотели бы обратить внимание, что «центр тяжести» специфики развития данного феномена будет значительно смещаться в зависимости от того, какая именно его социально-ролевая составляющая будет акцентирована, какое ценностно-смысловое поле будет находиться в центре внимания.

Любовь к Родине

Любовь к Родине как к материнскому, женскому началу, как к некоей почве, кормилице-земле, Матери-Природе, хоть и является наиболее древней, однако наиболее устойчивой формой патриотизма. Проекция в будущее любви к Родине имеет два аспекта, два направления «выбора ценностей “оптимизма”» (по И. А. Лукиной): активные действия субъекта по сохранению и улучшению первой (естественной) и второй (социально преобразованной) природы родного края.

Футурологическая направленность патриотизма в первом случае по своему смысловому содержанию частично пересекается с идеями персоналистической экологии (Attfield, 1983; Attfield, 2011; Roszak, 2001; Passmore, 1974), в основе которой лежит христианское мировоззрение и где человек рассматривается как главный помощник и соратник Бога по улучшению уже созданного и в творении новой красоты и добра (ср.: «Смотри, я творю все новое» (Откровение 21:5)). Эта же мысль встречается и у русских религиозных философов Серебряного века. В частности, П. Флоренский писал, что природа ждет от человека «заботы, ласки и оплодотворения духом. Человеку – мужу надлежит любить Мир – жену, быть с нею в единении и ходить за нею, управлять ею, ведя ее к просветлению и одухотворению, и направлять ее стихийную мощь и хаотические порывы в сторону творчества, чтобы явился твари ее изначальный космос» (Флоренский, 1994. С. 69).

Иначе говоря, такого рода любовь к Родине представляет собой своего рода «топопатриотизм» (от др.-греч. τόπος – «место») или «экопатриотизм» (от др.-греч. οἶκος – жилище, дом). Его теоретические обоснования начали появляться относительно недавно (шестидесятые-семидесятые годы прошлого века), однако на сегодняшний день экопатриотизм как общественное движение получил достаточно широкое распространение в странах Латинской Америки и Африки. В рамках экопатриотизма современному дуализму «мир человека – окружающая среда» противопоставляются объединенные социально-экологические структуры. Это концептуально подтверждают традиции айлью (общин) в Андах, где почитаются не только человеческий мир,

но и животные, растения, духи гор, рек и другие элементы окружающей природы (Buen Vivir, 2020; Chuji et al., 2019).

В качестве конкретных примеров действий местных жителей по проявлению экопатриотизма можно назвать ежегодные туристические сезоны в старом колониальном городе Валье-де-Браво, расположенного в 156 км к северо-западу от Мехико. Они привязаны к сезону размножения бабочки данаида монарх, которая совершает перелет из Северной Америки в Южную, а также из Европы через Атлантический океан. Феерическая красота миллиардов бабочек, которые с ноября по март находятся вместе в сосновых лесах Кордильерах-Неволканики – гор Мексики, является символом и гордостью города. Именно поэтому местные жители ухаживают за реликтовыми деревьями-эндемиками, постоянно высаживая новые, чтобы бабочкам было куда ежегодно возвращаться.

Во втором же случае сохранению и улучшению подвергаются объекты, созданные руками человека. И это касается, в первую очередь, не объектов культуры, забота о которых относится, скорее, к ценностно-смысловому полю, обозначенному нами как «любовь к Отечеству». В данном случае действия субъекта касаются улучшения качества своей жизни и жизни своих родных и знакомых через улучшение социально-бытовых условий. Это так раз тот момент, когда большое проявляется в малом. Наведение порядка на улицах и в местах отдыха, участие в субботниках, другого рода конкретные ежедневные дела гораздо в большей степени говорят о любви человека к своей Родине, чем высокопарные слова.

Любовь к Отечеству

Любовь к Отечеству, являясь более поздним (а именно: эпоха греческих полисов) в историческом плане феноменом, значительно сильнее, чем любовь к Родине, подвергается трансформации. В частности, если в Средневековье верность Отечеству была синонимом верности монарху, то уже во времена французского Просвещения патриот как «сын Отечества», по сути, приравнивается к гражданину в его современном понимании. Однако, несмотря на различного рода трансформации и изменения, будучи чувством рассудочным, рационально обоснованным, а не интуитивным, любовь к Отечеству, в отличие от любви к Родине, является более высоким уровнем развития патриотизма.

Многие как отечественные (см., напр.: Лутовинов, 2006; Носкова, 2016; Пороховская, 2015), так и зарубежные (см., напр.: Audi, 2015; Nussbaum, 2011; Soniewicka, 1996) исследователи отмечают, что в нынешних условиях агрессивной глобализации любовь к Отечеству как гражданская позиция отходит на второй план, уступая место космополитизму в его худшем понимании. В основе такого рода изменений лежит тот факт, что происходит не взаимообогащение, а взаимопоглощение культур, не раскрытие их потенциала, а по-

вальная унификация. «Своеобразие народов уходит в прошлое, в традицию, в фольклор и существует как пережиток прошлого. Если бы в городах не было старых кварталов и музеев, то путешествовать было бы совершенно бессмысленно – человек неизбежно попадает в окружение изошренно одинаковых автомобилей, дизайн-зданий, его преследуют вездесущие рекламы транснациональных корпораций. Многообразное, до противоположности, пестрое, географически разбросанное и растянувшееся по историческим эпохам человечество стоит на пороге трансформации в раздираемое противоречиями, но структурно однородное пространственно-временное образование» (Баталин, 2022. С. 12). Если же нет разницы, то не все ли равно где жить? *Ubi bene, ibi patria*. Главное, чтобы условия для жизни были подходящими, максимально удовлетворяющими первичные, базовые потребности.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что сегодня мы наблюдаем не просто процесс культурной глобализации, точнее, агрессивной вестернизации, а настоящий «культурный фашизм» (по А. И. Субетто), т. е. глобальную форму уничтожения разнообразия национальных культур (см.: Субетто, Михеев, 2003. С. 471). Соответственно, противопоставить ему можно и нужно не просто идеи антиглобализма, а именно патриотизма. В первую очередь патриотизма как любви к Отечеству, т. к. такая ипостась патриотизма подразумевает обращение к культурному коду народа, нации.

В усилении любви к Отечеству главную роль играет государство, владеющее для этого максимальными возможностями и, как следствие, берущее на себя руководство действиями одновременно «“сверху” (уже имеющих представителей власти) и “снизу” (активное участие в политической и общественной жизни каждого)» (Рочняк, 2024. С. 78). Именно государство через деятельность своих институтов (в первую очередь, институтов образования и культуры) активизирует патриотические настроения в обществе. Но ставить знак равенства между любовью к Отечеству и любовью к государству нелепо. Ведь под государством понимается в первую очередь форма определенной политической организации общества на конкретной территории. В то время как Отечество является более широкой категорией и касается прежде всего не столько материального, сколько духовного уровня – истории, культуры, общих идей дальнейшего развития, т. е. того, что так или иначе касается единства общества и преемственности поколений. Так, с точки зрения истории мы можем говорить о последовательной смене как минимум трех государств – Российской империи, Советского Союза, современной Российской Федерации. Однако Отечество при этом не изменялось, т. к. неизменным оставался дух, идея.

Любовь к Отечеству, имея наднациональную и надконфессиональную основу, является не просто желательным, а обязательным компонентом идеологической постройки любого полиэтнического государства. Ведь именно на

базе такого рода патриотизма возможно духовное, мировоззренческое объединение его граждан, консолидация многонационального общества. Проецируя данную идею на нашу российскую действительность и будущность, руководитель НИЦ проблем национальной безопасности, профессор МГТУ имени Н. Э. Баумана И. В. Бочарников уверенно заявляет: «У каждого государства, если оно ориентировано на развитие, должна быть государственная идеология, основанная на национальной культуре, традициях, ментальности народов, ее населяющих. В силу этого и у России должна быть государственная идеология. И эта идеология должна быть основана на национальной идее – идее сильного государства, патриотизма, межнационального мира и согласия, равенства и справедливости»¹.

Таким образом, любовь к Отечеству в футурологическом аспекте предполагает как активную гражданскую и политическую позицию, так и, в первую очередь, конкретные действия государства, его институтов и отдельных граждан по сохранению и развитию культурного наследия в различных формах его проявления.

Любовь к народу

Что касается любви к народу как третьей составляющей патриотизма, то по своей сути она представляет собой здоровый национализм, одновременно позволяющая человеку осуществлять этнокультурную самоидентификацию и признающая ценность любой нации, важность голоса ее самобытности в общем мировом хоре. Ощущение и осознание национального достоинства при уважении к представителям других национальных общностей является естественной скрепой большинства современных государств.

Любовь к народу тесно ассоциируется с родственными чувствами по отношению к соотечественникам и соплеменникам. На этот момент, в частности, обращает внимание О. Ю. Балеевских: «Патриоты представлены в национальном дискурсе не просто как компаньоны, заключающие некий контракт, но как родственники, защищающие одну Родину-Мать, имеющие общих предков и общую кровь; с этим связан и особый потенциал национального чувства» (Балеевских, 2007. С. 36).

Оптимистический настрой как необходимая смысловая составляющая футурологического (или даже точнее – экофутурологического, если исходить из того, что экофутурология играет «важную роль в процессе “взрачивания” социального оптимизма» (Рочняк, 2024. С. 116)) аспекта в такого рода патриотизме выражается не только в мечтах и верованиях о «светлом будущем» своего народа, но и в знаниях уже имеющихся его достижений, чувстве гордости за них. Более того, в стремлении их преумножить, в конкретных делах

¹ Бочарников И. Патриотизм в России может быть только многонациональным. 13.05.2016. – URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/patriotizm-v-rossii-mozhet-byt-tolkonnogonatsionalnym> (дата обращения: 10.11.2024).

на этом пути. Приведем достаточно обширную цитату из открытого письма В. С. Соловьёва к И. С. Аксакову, которая, на наш взгляд, очень хорошо выражает идею выражения любви к своему народу через стремление творить, воплощать в жизнь «настоящее хорошее дело».

«Главная ваша ошибка в том, что вы ставите народность и народную самобытность как какой-то предмет любви и действия, тогда как по-настоящему народная самобытность находится не в предмете любви и действия, а в том, кто любит и действует. Принадлежа к известному народу, мы волей-неволей причастны народной самобытности, народному характеру и типу, мы неизбежно налагаем свой национальный отпечаток на все, что мы делаем, – хорошее и дурное. Нам нечего искать вне себя той народности, которая сидит в нас самих. А вот о чем нам нужно стараться: чтобы наши личные и народные силы прилагались к настоящему хорошему делу, чтобы мы проявляли свою народность с лучшей ее стороны» (Соловьёв, 1884).

Акцентируем, что такого рода оптимистический настрой часто является продуктом социального конструирования, т. е. результат «превращения представления – в образной или словесной форме – сначала в разовое, а затем и устойчивое поведение» (Ильин, 2024). Следовательно, он имеет непосредственно отношение к просвещенному или, иными словами, конструктивному патриотизму (см.: Баталин, 2020).

Говоря о любви к народу, следует отметить такой феномен как «двойственный», «удвоенный» патриотизм представителей диаспор и этнических землячеств. С одной стороны, они идентифицируют себя с новой родиной и их патриотические чувства ассоциируются с местом проживания. С другой же, именно историческая родина, ее культура и традиции выступают основой для вторичной национально-культурной самоидентификации. Соответственно, отношение к представителям других наций будет также двойственно: «своим» может быть как сосед или сотрудник (по территориальному принципу), соотечественник (по общей принадлежности к определенному государству), так и соплеменник (по общности национальности), а также человек, относящийся к тому же самому социально-культурному дискурсу.

Заключение

Констатируем в итоге. Просвещенный патриотизм в большей мере, чем другие виды патриотизма, способствует не только лишь защите и безопасности государства, но и его дальнейшему развитию. Проявляя себя в духовно-нравственной и социальной сферах жизнедеятельности как общества в целом, так и отдельных людей в частности, побуждая человека к активным конкретным действиям в рамках трех ценностно-смысловых полей – любовь к Родине, к Отечеству и к народу – просвещенный патриотизм является действенной социальной силой, своего рода «той нитью Ариадны, которая в состоянии вести нас в лучшее будущее» (Шупер, 2008. С. 21).

Таким образом, просвещенный патриотизм является не только идеалом, к которому следует стремиться, но и практическим руководством к действию для каждого человека. Он способствует формированию гражданина нового типа – сознательного, активного и ответственного. В этом контексте просвещенный патриотизм может рассматриваться как главное условие для достижения целостного и устойчивого развития, отражая способности нации справляться с вызовами современности и формировать достойное будущее для всех.

Список источников

Балеевских О. Ю. «Родина-Мать»: значение образа матери в формировании патриотизма / О. Ю. Балеевских // Сумма философии. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, – 2007. – № 1. – С. 35–40.

Баталин Р. А. К вопросу о сущности просвещенного патриотизма / Р. А. Баталин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2020. – № 2. – С. 65–75. – EDN XPWRPG.

Баталин Р. А. Проблема патриотизма в эпоху глобализации / Р. А. Баталин // Известия военного образования Донецкой Народной Республики: сборник материалов VI Республиканской научно-практической конференции «От патриотического воспитания к гражданскому согласию и общественной безопасности». – Донецк: ГБОУВО «ДВОКУ», 2022. – С. 72–76.

Баталин Р. А. Просвещенный патриотизм / Р. А. Баталин // Научные исследования: ключевые проблемы III тысячелетия / Научные исследования 2020. № 4 (35). Сб. ст. по мат. XL Международной научно-практической заочной конференции (Россия, Москва, 2–3 ноября, 2020). Москва: Изд. «Научные публикации», 2020. – С. 42.

Баталин Р. А. Просвещенный (образованный) патриотизм / Р. А. Баталин // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы V Международной научной конференции, Донецк, 17–18 ноября 2020 года / под общей редакцией С. В. Беспаловой. Т. 9. – Донецк: Донецкий националь-

References

Baleevskikh O. Yu. “Motherland”: the importance of the mother’s image in the formation of patriotism. *Summa filosofii. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta = Summa of Philosophy. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University. 2007; 1: 35–40 (In Russ.)*.

Batalin R. A. To the issue of the essence of enlightened patriotism. *Vestnik Donetskogo natsional’nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnyye nauki = Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities. 2020; 2: 65–75 (In Russ.)*.

Batalin R. A. The problem of patriotism in the era of globalization. *Izvestiya voyennogo obrazovaniya Donetskoy Narodnoy Respubliki: sbornik materialov VI Respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Ot patrioticheskogo vospitaniya k grazhdanskomu soglasiyu i obshchestvennoy bezopasnosti”*. Donetsk: GBOUVO “DVOKU” = News of military education of the Donetsk People’s Republic: collection of materials of the VI Republican scientific and practical conference “From patriotic education to civic harmony and public safety”. Donetsk: State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Donetsk Higher Combined Arms Command School”. 2022; 72–76 (In Russ.)

Batalin R. A. Enlightened Patriotism. *Nauchnyye issledovaniya: klyuchevyye problemy III tysyacheletiya. Nauchnyye issledovaniya. Sb. st. po mat. XL Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy zaachnoy konferentsii (Rossiya, Moskva, 2-3 noyabrya, 2020). Moskva: Izd. «Nauchnyye publikatsii» = Scientific Research: Key Problems of the III Millennium. Scientific Research. Collection of articles on materials*

ный университет, 2020. – С. 128–131. – EDN PUOBJX.

Баталин Р. А. Просвещенный патриотизм Латинской Америки и Карибского бассейна в условиях глобализации / Р. А. Баталин // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2023. – Т. 6, № 3. – С. 118–127. – DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-118-127. – EDN CUGPXU.

Ильин В. И. Социология потребления: учебник для вузов / В. И. Ильин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 433 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-08321-7.

Лубский А. В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе / А. В. Лубский // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 23, № 1. – С. 42–59. – EDN XXJBVN.

Лукинова И. А. Спектрально-ценностный феномен патриотизма как продукт социального конструирования // Научные исследования и разработки молодых ученых. – 2015. – № 3. – С. 129–133.

Лутовинов В. И. Влияние глобализации на состояние патриотизма и его развитие в современном российском обществе / В. И. Лутовинов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2006. – № 4 (17). – С. 33–40. – EDN KWWVKT.

Носкова Н. А. Метаморфозы понятия «Патриотизм» в условиях глобализации и размышления культурных границ / Н. А. Носкова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2016. – № 4 (189). – С. 168–174. – EDN XQXAJD.

Пороховская Т. И. Патриотизм в эпоху глобализации / Т. И. Пороховская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2015. – № 2. – С. 46–53. – EDN TVSREZ.

Рочняк Е. В. Ведущая роль государства в решении глобальных экологических проблем: философский аспект / Е. В. Рочняк // Научный вестник Омской академии МВД России. –

XL International Scientific and Practical Correspondence Conference (Russia, Moscow, November 2-3, 2020). Moscow. Publishing house "Scientific Publications". 2020; 4 (35): 42 (In Russ.).

Batalin R. A. Enlightened (Educated) Patriotism. *Donetskiye chteniya 2020: obrazovaniye, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Donetsk, 17-18 noyabrya 2020 goda. Pod obshchey redaktsiyey S. V. Besspalovoy. Tom 9. Donetsk: Donetskiy natsional'nyy universitet = Donetsk Readings 2020: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Our Time: Proceedings of the V International Scientific Conference, Donetsk, November 17-18, 2020. Under the general editorship of S. V. Besspalova. Volume 9. Donetsk: Donetsk National University. 2020; 128-131 (In Russ.).*

Ilyin V. I. Sociology of consumption: textbook for universities, 2nd ed., corrected. and add. *Moskva: Izdatel'stvo Yurayt = Moscow: Yurait Publishing House. 2024; 433 p. (In Russ.).*

Batalin R. A. Enlightened Patriotism of Latin America and the Caribbean in the Context of Globalization. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa = Digital Scientist: Philosopher's Laboratory. 2023; 6(3): 118-127. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-118-127 (In Russ.).*

Lubsky A. V. Civic Patriotism: On the Compatibility of Patriotism and Civic Consciousness in Russian Society. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia. 2017; 23(1): 42-59 (In Russ.).*

Lukina I. A. Spectral-value phenomenon of patriotism as a product of social construction. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki molodykh uchenykh = Scientific research and developments of young scientists. 2015; 3: 129-133 (In Russ.).*

Lutovinov V. I. The influence of globalization on the state of patriotism and its development in modern Russian society. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Volgograd State Pedagogical University. 2006; 4 (17): 33-40 (In Russ.).*

Noskova N. A. Metamorphoses of the concept of "Patriotism" in the context of globaliza-

2024. – Т. 30, № 1 (92). – С. 77–81. – DOI: 10.24412/1999-625X-2024-192-77-81. – EDN UTTEVX.

Рочняк Е. В. Пять этапов развития футурологии как научной дисциплины: от предистории к современности / Е. В. Рочняк // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2022. – № 2 (45). – С. 81–93. – DOI: 10.18799/26584956/2022/2/1163. – EDN ROIJRP.

Рочняк Е. В. Экофутурология как одно из проблемных полей экофилософии / Е. В. Рочняк // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 5 (69). – С. 108–119. – DOI 10.18522/2227-8656.2024.5.8. – EDN AKDVVB.

Рочняк Е. В. Экофилософский характер идеи патриотизма современных латиноамериканских мыслителей / Е. В. Рочняк, Р. А. Баталин // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2024. – № 1. – С. 23–30. – DOI: 10.18101/1994-0866-2024-1-23-30.

Соловьёв В. Национальный вопрос в России. Любовь к народу и русский народный идеал (Открытое письмо к И. С. Аксакову, 1884) / В. Соловьёв. – Москва: Университетская типография, ценз. 1884. – 21 с.

Субетто А. И. «Пост-модерн» как стратегия культурного империализма / А. И. Субетто, М. К. Михеев // Ленинская теория империализма и современная глобализация: коллективная монография. В 2 книгах / под научной редакцией А. И. Субетто. Том Книга II. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2003. – 495 с. – ISBN 5-94856-058-9. – EDN ZCRIKK.

Флоренский П. А. Оправдание космоса / П. А. Флоренский. – Санкт-Петербург: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного института, 1994. – 217 с.

Чудомех В. Н. Российская национальная идея: проблема конкретизации и формализации в Государственном статусе / В. Н. Чудомех // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 98–103. –

tion and blurring of cultural boundaries. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* = *Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*. 2016; 4 (189): 168-174 (In Russ.).

Porokhovskaya T. I. Patriotism in the era of globalization. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya* = *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*. 2015; 2: 46-53 (In Russ.).

Rochnyak E. V. The leading role of the state in solving global environmental problems: a philosophical aspect. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii* = *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024; 30; 1(92): 77-81. DOI: 10.24412/1999-625X-2024-192-77-81 (In Russ.).

Rochnyak E. V. Five stages of development of futurology as a scientific discipline: from prehistory to modernity. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium* = *Vectors of well-being: economy and society*. 2022; 2 (45): 81-93. DOI: 10.18799/26584956/2022/2/1163 (In Russ.).

Rochnyak E. V. Ecofuturology as one of the problematic fields of ecophilosophy. *Gumanitarniy Yuga Rossii* = *Humanitarian of the South of Russia*. 2024; 13; 5 (69): 108-119. DOI 10.18522/2227-8656.2024.5.8 (In Russ.).

Rochnyak E. V., Batalin R. A. Ecophilosophical character of the idea of patriotism of modern Latin American thinkers. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* = *Bulletin of the Buryat State University. Philosophy*. 2024; 1: 23-30. DOI: 10.18101/1994-0866-2024-1-23-30 (In Russ.).

Solovyov V. The national question in Russia. Love for the people and the Russian national ideal (Open letter to I. S. Aksakov, 1884). *Moskva: Universitetskaya tipografiya, tsenz* = *Moscow: University printing house, censor*. 1884; 21 p. (In Russ.).

Subetto A. I., Mikheev M. K. "Post-modern" as a strategy of cultural imperialism. *Leninskaya teoriya imperializma i sovremennaya*

DOI 10.18500/1818-9601-2017-17-1-98-103. – EDN YIOOTF.

Шулер В. А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития / В. А. Шулер // Вопросы философии. – 2008. – № 12. – С. 3–21. – EDN JUGPUT.

Attfield R. Beyond Anthropocentrism / R. Attfield // Royal Institute of Philosophy Supplement. – 2011. – No. 69. – P. 29–46.

Attfield R. Christian Attitudes to Nature / R. Attfield // Journal of the History of Ideas. – 1983. – No. 44 (3). – P. 369.

Audi R. Nationalism, patriotism, and cosmopolitanism in an age of globalization / R. Audi // Reasons, Rights, and Values. – Cambridge University Press, 2015. – P. 278–297.

Buen Vivir and the Challenges to Capitalism in Latin America. Ed. by H. Veltmeyer, E. Zayago Lau. – Routledge, 2020. – 232 p.

Chuji M. Buen Vivir. Pluriverse. A Post-Development Dictionary / M. Chuji, G. Rengifo, E. Gudynas. – New Delhi, 2019. – P. 111–114.

Nussbaum M. Patriotism and Cosmopolitanism / M. Nussbaum // For Love of Country: Debating the Limits of Patriotism / Ed. J. Cohen. – Boston: Beacon Press, 1996. – P. 2–17.

Passmore J. Man's responsibility for nature: Ecological problems a. Western traditions / J. Passmore. – London: Duckworth, 1974. – 213 p. – ISBN 0-7156-0819-3.

Roszak T. The Voice of the Earth: an exploration of ecopsychology / T. Roszak. – Phanes Press, 2001. – 388 p. – ISBN 978-1890482800.

Soniewicka M. Patriotism and Justice in the Global Dimension: A Conflict of Virtues? / M. Soniewicka // Eidos. – 2011. – No. 14. – P. 50–71.

globalizatsiya: Kollektivnaya monografiya. V 2-kh knigakh / Pod nauchnoy redaktsiyey A. I. Subetto. Tom Kniga II. Sankt-Peterburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologiy "Asterion" = Lenin's theory of imperialism and modern globalization: Collective monograph. In 2 books. Under the scientific editorship of A. I. Subetto. Volume Book II. St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Asterion". 2003; 495 p. (In Russ.).

Florensky P. A. Justification of space. Sankt-Petersburg: Izdatelstvo Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo instituta = Saint Petersburg: Publishing house of Russian Christian Humanitarian Institute. 1994; 217 p. (In Russ.).

Chudomeh V. N. Russian National Idea: the Problem of Concretization and Formalization in the State Status. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya = Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. 2017; 17(1): 98–103. DOI 10.18500/1818-9601-2017-17-1-98-103 (In Russ.).

Shuper V. A. Russia in the Globalized World: Development Alternatives. Voprosy filosofii = Questions of Philosophy. 2008; 12: 3–21 (In Russ.).

Attfield R. Beyond Anthropocentrism. Royal Institute of Philosophy Supplement. 2011; 69: 29–46.

Attfield R. Christian Attitudes to Nature. Journal of the History of Ideas. 1983; 44 (3): 369.

Audi R. Nationalism, patriotism, and cosmopolitanism in an age of globalization. Reasons, Rights, and Values. Cambridge: Cambridge University Press. 2015: 278–297.

Buen Vivir and the Challenges to Capitalism in Latin America. Ed. by H. Veltmeyer, E. Zayago Lau. Abingdon: Routledge. 2020; 232 p.

Chuji M., Rengifo G., Gudynas E. Buen Vivir. Pluriverse. A Post-Development Dictionary. New Delhi: Chaman Offset. 2019: 111–114.

Nussbaum M. Patriotism and Cosmopolitanism. For Love of Country: Debating the Lim-

its of Patriotism. Ed. J. Cohen. *Boston: Beacon Press*. 1996: 2-17.

Passmore J. Man's responsibility for nature: Ecological problems a. Western traditions. *London: Duckworth*. 1974: 213.

Roszak T. The Voice of the Earth: an exploration of ecopsychology. *Dubai: Phanes Press*. 2001; 388 p.

Soniewicka M. Patriotism and Justice in the Global Dimension: A Conflict of Virtues? *Eidos*. 2011; 14: 50-71.

Для цитирования: Баталин Р. А. Футурологические аспекты просвещенного патриотизма // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 1(71). – С. 88–100.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.5
EDN WANOFA

История статьи:
Поступила в редакцию – 29.11.2024
Одобрена после рецензирования – 15.01.2025
Принята к публикации – 17.01.2025

Сведения об авторе

Баталин Руслан Александрович
Аспирант кафедры философии и истории
Донецкого государственного
педагогического университета
имени В. Ф. Шаталова
rusbat79@yandex.ru

Information about author

Ruslan A. Batalin
Postgraduate Student of the Department
of Philosophy and History
of Shatalov Donetsk State
Pedagogical University
rusbat79@yandex.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ НАСИЛИЯ
В ЭПОХУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ:
ОТ ФИЗИЧЕСКОГО
ПРИНУЖДЕНИЯ
К ЦИФРОВЫМ ФОРМАМ
КОНТРОЛЯ**

**THE EVOLUTION
OF VIOLENCE IN THE AGE
OF THE TECHNOLOGICAL
REVOLUTION: FROM PHYSICAL
COERCION TO DIGITAL FORMS
OF CONTROL**

Н. Н. Бурмистров*

ORCID: 0009-0008-9573-2453

Nikita N. Burmistrov*

* Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

* Rostov State University of Economics,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования – философское осмысление трансформации феномена насилия в эпоху технологической революции. Особое внимание уделено переходу от традиционного физического принуждения к цифровым формам контроля, а также анализу роли алгоритмических механизмов в перестройке властных отношений. Исследование направлено на формирование концептуальных рамок для интерпретации влияния цифровых технологий на аксиологические и феноменологические основания социальной реальности.

Objective of the study is a philosophical understanding of the transformation of the phenomenon of violence in the era of the technological revolution. Special attention is paid to the transition from traditional physical coercion to digital forms of control, as well as to the analysis of the role of algorithmic mechanisms in the restructuring of power relations. The research is aimed at forming a conceptual framework for interpreting the impact of digital technologies on the axiological and phenomenological foundations of social reality.

Методологическую базу исследования составляет междисциплинарный подход, интегрирующий социально-философский анализ, исторический метод, феноменологический подход и критическую рефлексию цифровых технологий. Применяются методы теоретического моделирования, позволяющие картографировать основные тенденции трансформации насилия, и этический анализ, направленный на оценку алгоритмических механизмов власти.

The methodological basis of the study is an interdisciplinary approach that integrates socio-philosophical analysis, historical method, phenomenological approach and critical reflection of digital technologies. Theoretical modeling methods are used to map the main trends in the transformation of violence, and ethical analysis aimed at assessing the algorithmic mechanisms of power.

Результаты исследования. Исследование демонстрирует, что в условиях технологической революции насилие претерпевает существенные изменения, становясь виртуализированным, дематериализованным и распределенным. Выявлено, что алгоритмическое насилие, реализуемое через когнитивное управление и структурное угнетение, является новой модальностью власти, маскирующей принудительную природу просцированием объективности и нейтралитета. Показано, что цифровая экспансия создает вызовы для классических концепций свободы, автономии и ответственности.

Перспективы исследования. Будущее изучение форм насилия связано с разработкой этических ориентиров и регулятивных механизмов, способных минимизировать манипуляцию и дискриминацию в цифровой среде.

Ключевые слова: насилие, технологическая революция, цифровой контроль, алгоритмическое насилие, когнитивное управление

The results of the study. The study demonstrates that in the context of the technological revolution, violence is undergoing significant changes, becoming virtualized, dematerialized and distributed. It is revealed that algorithmic violence, implemented through cognitive control and structural oppression, is a new modality of power that masks its coercive nature by projecting objectivity and neutrality. It is shown that digital expansion creates challenges for the classical concepts of freedom, autonomy and responsibility.

Prospects of the study. The future study of forms of violence is related to the development of ethical guidelines and regulatory mechanisms capable of minimizing manipulation and discrimination in the digital environment.

Keywords: violence, technological revolution, digital control, algorithmic violence, cognitive management

Введение

Насилие является социально-философским феноменом, сопровождающим развитие человечества от первобытных сообществ до современных государственных и надгосударственных образований. В наиболее классических формах оно ассоциировалось с физическим воздействием агента насилия по отношению к объекту. Однако перманентное технологическое усложнение и технологическая революция, характеризующиеся стремительным развитием информационных технологий, алгоритмизацией принятия решений, усложнением цифровых систем, радикально изменили онтологический и эпистемологический статус насилия, приведя к его виртуализации, дематериализации и расширению границ допустимого контроля.

Технологическая революция, воплощенная в усложняющихся информационных системах, алгоритмах и виртуализации пространства, выступает катализатором развития новой парадигмы насилия. Последнее перестает быть строго локализованным во времени и пространстве, обретая скрытый и распределенный характер, что кардинально затрудняет его идентификацию и, следовательно, размывает и усложняет контуры легитимации и делегитимации. В процессе ускорения технологических трансформаций создаются ус-

ловия для возникновения феномена алгоритмического и цифрового насилия, где доминирующее воздействие на объект осуществляется посредством сбора персональных данных, предиктивной аналитики и управления поведением объекта без явного осмысления субъектами взаимодействия происходящего вмешательства.

Целью настоящего исследования является философское осмысление трансформации насилия в эпоху технологической революции с акцентом на переход от физического принуждения к цифровым формам контроля. Исследование предполагает не только картографирование эволюции насилия, но стремится предложить концептуальные рамки для интерпретации роли цифровых технологий в преобразовании властных отношений. В центре внимания исследования находятся такие вопросы, как феноменологические и аксиологические изменения, вызванные алгоритмизацией социальной реальности, а также потенциал создания этического ландшафта, способного регулировать последствия цифровой экспансии.

Методология и методы исследования

Настоящее исследование базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем методы социально-философского анализа, теоретического моделирования и критического анализа цифровых технологий. Среди ключевых методов исследования выделяются социально-философский анализ, исторический метод, критический анализ цифровых технологий, этический подход, а также феноменологический метод. Указанная методологическая база исследования позволяет не только выявить основные тенденции трансформации насилия, но и предложить философские и этические рамки для интерпретации алгоритмических механизмов власти, создавая основу для дальнейшего изучения цифрового насилия и его регуляции.

Результаты исследования

Насилие, как универсальная категория социально-философского дискурса, характеризуется сложной семантической структурой, охватывающей как прямые формы физического принуждения, так и более тонкие механизмы символического воздействия на объект. В одном из наиболее классических пониманий, представленном у Т. Гоббса в «Левиафане», насилие трактуется как фундаментальная черта человеческой природы, обуславливающая сохранение порядка в условиях хаоса «естественного состояния» (*bellum omnium contra omnes*). Т. Гоббс утверждает, что только централизованная власть, обладающая монополией на легитимное насилие, способна предотвратить эскалацию общественных отношений и переход к анархии (Гоббс, 1936). Ж.-Ж. Руссо напротив акцентирует внимание на том, что насилие возникает как следствие деградации естественного состояния, где человек свободен от социальных иерархий. В рамках его концепции социального договора насилие – это продукт институционализации социального неравенства, произте-

кающего из формирования частной собственности (Руссо, 1998). В современной же философии феномен насилия рассматривается через призму структурных и символических форм. П. Бурдьё вводит понятие «символического насилия», которое осуществляется посредством культурных и когнитивных механизмов, навязывающих доминирующие нормы и ценности без осознания их насильственного характера субъектами. Д. Батлер подчеркивает роль дискурсивного насилия, формирующего идентичности и исключающего инаковость посредством языковых и культурных механизмов (Батлер, 2022).

Эволюция насилия в исторической ретроспективе демонстрирует его адаптивный потенциал к изменениям социальных структур и технологических возможностей. В первобытных обществах насилие носило преимущественно физический характер, выступая в роли способа разрешения конфликтов и борьбы за ограниченные ресурсы. Переход к государственным и надгосударственным формациям ознаменовался институционализацией насилия, что было концептуализировано М. Вебером как монополия государства на легитимное применение силы (Вебер, 2018). С развитием же индустриального общества и складыванием капиталистических отношений насилие принимает структурный характер, о чем писал К. Маркс в «Капитале», утверждая, что эксплуатация рабочего класса представляет собой латентную форму насилия, встроенную в экономическую систему общества. В данном контексте насилие теряет четко очерченные границы, трансформируясь в сложные механизмы системного угнетения и маргинализации (в случае проявления ответной реакции объекта насилия по отношению к агенту). Современная же эпоха, характеризующаяся информационной и цифровой революцией, добавляет новую грань – виртуализацию насилия. Кибератаки, информационные войны и алгоритмическое управление создают невидимые, но мощные механизмы воздействия. Таким образом насилие становится диффузным, теряя конкретную субъектность и локальность, что кардинально затрудняет его осмысление и противодействие.

В условиях перехода к становлению технологической революции целесообразно подробно рассмотреть конкретные формы насилия, выражающиеся в технологиях контроля. Так, алгоритмическое насилие следует рассматривать как фундаментально новый тип власти, реализуемый через математические и цифровые структуры, скрывающие принудительную природу за фасадом объективности и технологического нейтралитета. Этот процесс характеризуется трансформацией традиционных форм принуждения в алгоритмические системы, где контроль осуществляется посредством сбора, обработки и использования данных для прогнозирования и воздействия на динамические стереотипы (Курпатов, 2023) (паттерны поведения) субъектов. Категория алгоритмического насилия конституируется на пересечении эпистемологического насилия и дисциплинарных механизмов биовласти. Оно выражается в двух ведущих формах:

- 1) скрытое принуждение посредством когнитивного управления;
- 2) репродукция структурного насилия через алгоритмы.

В целях оценки цифровых форм контроля целесообразно подробно раскрыть содержание и факторы каждого из вышеописанных видов.

Механизм скрытого принуждения посредством когнитивного управления опирается на алгоритмическое моделирование информационной среды, которое формирует контекст выбора таким образом, чтобы пользователь воспринимал свои действия как результат автономного решения, тогда как они являются продуктом скрытого манипулирования. Этот процесс иллюстрирует трансформацию насилия из явного акта в структурное воздействие, где контроль осуществляется через когнитивные и психологические механизмы. Ж. Бодрийяр в «Симулякрах и симуляции» отмечал, что манипуляция реальностью достигается через производство симулятивных образов, подменяющих собой подлинный опыт (Бодрийяр, 2015). Алгоритмы, используемые в социальных сетях и на других цифровых платформах, создают персонализированные потоки информации, которые структурируют восприятие реальности пользователя. Платформы, такие как Facebook¹, ВКонтакте, используют алгоритмы ранжирования, чтобы транслировать информацию, которая, согласно их расчетам, максимизирует вовлеченность объекта. Здесь возникает один из ключевых рисков и факторов трансформации насилия – этот контент часто формируется на основе коммерческих или политических интересов агентов насилия, а не на основе объективных потребностей индивида. В этом контексте даже сама категория потребности индивида подвергается трансформации, поскольку она является субъективным фактором общественного взаимодействия, формирующимся посредством когнитивной обработки пережитого опыта, который также формируется в процессе подмены его симулятивными когнитивными объектами. Ключевую роль в этом процессе играет т. н. экономика внимания, описанная Ш. Зубофф в «Эпохе наблюдательного капитализма» (Зубофф, 2022). Платформы стремятся к максимальному удержанию пользователя, формируя соответствующие когнитивные зависимости. Так, система рекомендаций платформы YouTube использует алгоритмы, которые не только предлагают новый контент, но и направляют пользователя в определенную информационную нишу, ограничивая возможности для критической рефлексии полученного опыта. Когнитивное управление также проявляется в механизмах «информационных пузырей», чье описание вывел К. Санстейн. Данный механизм подразумевает фильтрации алгоритмами контента таким образом, что пользователь потребляет исключительно ту информацию, которая подтверждает его мировоззрение, что, в свою очередь, усиливает поляризацию, формирует предвзятости и подрывает способности к рациональному

¹ Facebook принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

анализу (Санстейн, 2007). Таким образом, объект оказывается в ситуации, где его выбор предопределен контекстом, создаваемым алгоритмами, что делает насилие и манипуляцию неочевидными, но всепроникающими.

Структурное насилие, как концептуализировал П. Бурдьё, представляет собой форму власти, встроенную в социальные и институциональные структуры, которая воспроизводит неравенство и ограничивает возможности определенных групп. Алгоритмы, используемые в системах принятия решений, унаследуют предвзятости исходных данных, воспроизводя социальные и экономические иерархии. Одной из наиболее значимых сфер, где алгоритмы становятся инструментом репродукции структурного насилия, является финансовый сектор. Системы кредитного скоринга, опираясь на данные о географии, доходах и потребительских паттернах, создают новые формы социальной сегрегации. Как подчеркивает К. Кроуфорд, такие алгоритмы часто используют прокси-переменные, не имеющие непосредственного отношения к кредитоспособности, но исторически коррелирующие с маргинализацией (Кроуфорд, 2021). Так, место проживания становится критерием, опосредованно связующим субъекта с экономическим статусом, а не с его индивидуализированными характеристиками, тем самым закрепляя циклы бедности и социальной изоляции. Другая не менее важная сфера проявления алгоритмической репродукции – юридическая. Примером может выступать система COMPAS, предназначенная для оценки риска рецидива. Исследования Принстонского университета показали, что такие алгоритмы систематически завышают вероятность повторного преступления среди представителей определенных этнических групп¹. Это ведет к усилению предвзятости судебных решений, лишая целые социальные группы справедливого судебного разбирательства. Как подчеркивает Г. Хлебников в оценке работ Л. Флориди, алгоритмы представляют собой не просто инструменты вычислений, но агентов интерпретации социальной реальности, которые конституируют ее через призмы человеческих установок и исторических данных². Эта интерпретация, встроенная в математические модели, маскирует предвзятости, что делает алгоритмическое структурное насилие мощным инструментом социального порядка, требующим философской деконструкции и выработки этических принципов его использования.

---

¹ Machine Bias: Risk Assessments in Criminal Sentencing. ProPublica. – URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (дата обращения: 16.12.2024).

² Хлебников Г. В. Философия информации Лучано Флориди: тез. докл. на 1-м заседании семинара «Методологические проблемы наук об информации» (Москва, ИНИОН РАН, 10 февраля 2011 г.). – URL: <https://inion.ru/ru/science/seminary-i-konferentsii/seminary/seminar-metodologicheskie-problemy-nauk-ob-informatsii/zasedaniia-seminara-metodologicheskie-problemy-nauk-ob-informatsii> (дата обращения: 16.12.2024).

Обсуждение

Этические импликации цифрового насилия требуют пересмотра классических представлений о свободе, автономии и ответственности. В условиях алгоритмического управления субъект теряет контроль над своими данными и действиями, что ставит под сомнение его способность к осмысленному выбору. В этой связи необходима философская рефлексия, направленная на переосмысление границ допустимости цифрового контроля. Д. Батлер утверждает, что насилие в цифровую эпоху следует анализировать через призму отсутствия видимого агрессора, где индивид оказывается не столько объектом принуждения, сколько продуктом системной реконструкции. Вопрос легитимации насилия усложняется тем, что алгоритмы, обладая неличностным статусом, выступают инструментом власти, лишенным традиционной субъектности. Социально-философский дискурс должен предложить новые рамки для регулирования цифрового насилия, такие как:

1. Прозрачность алгоритмических процессов как условие минимизации дискриминации и манипуляции.

2. Этическая оценка алгоритмического воздействия, учитывающая последствия для когнитивной и социальной автономии субъекта.

3. Ответственность за последствия цифрового насилия, распределенная между разработчиками, государствами и надгосударственными институтами.

Этика цифрового насилия должна быть переосмыслена в рамках нового дискурса, способного учесть как технологические, так и гуманистические аспекты взаимодействия власти и субъекта.

Заключение

Насилие в условиях технологической революции радикально трансформирует свои формы и границы, переходя от традиционного физического принуждения к новым, алгоритмическим модальностям. Эта эволюция свидетельствует о глубоком изменении как онтологических, так и эпистемологических оснований этого феномена. Виртуализация насилия, его дематериализация и распределенный характер создают новые вызовы для философской рефлексии, требуя пересмотра классических категорий свободы, власти и автономии. Будущее же насилия в цифровую эпоху остается открытым вопросом. С одной стороны, технологии предоставляют возможности для оптимизации социальных процессов и минимизации конфликтов, но с другой – они усиливают существующие неравенства, создавая новые формы угнетения. Задачей современной философии становится не только критический анализ этих процессов, но и разработка этических ориентиров для управления ими, при учете баланса между технологической эффективностью и гуманистическими ценностями.

Список источников

Батлер Д. Гендерное беспокойство феминизм и подрыв идентичности / Д. Батлер; пер. с англ.: К. Саркисов. – Москва: V-A-C Press, Фонд V-A-C, 2022. – 269 с. – ISBN 978-5-907183-47-6.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с. – ISBN 978-5-91478-023-1.

Вебер М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер; [пер. с нем. и вступ. ст. А. Ф. Филиппова]. – Москва: РИПОЛ классик, 2018. – 290 с. – ISBN 978-5-386-10496-2.

Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс; предисл. и ред. А. Ческиса. – Москва: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – 503 с.

Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф; пер. с англ. А. Ф. Васильева; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. – Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. – 782. – ISBN 978-5-93255-613-9.

Кроуфорд К. Атлас ИИ: власть, политика и планетарные издержки искусственного интеллекта / К. Кроуфорд; пер. с англ. – Нью-Хейвен, Коннектикут: Издательство Йельского университета, 2021. – 336 с. – ISBN 9780300209570.

Курпатов А. В. Законы мозга. – Москва: Издательский дом «Нева», 2023. – 288 с. – ISBN 978-5-6040990-7-0.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре / Ж.-Ж. Руссо. – Москва: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 1998. – 415 с. – ISBN 5-87533-113-5.

Санстейн К. Р. Республика 2.0 / К. Р. Санстейн / пер. с англ. – Принстон, Нью-Джерси: Принстонский университет, 2007. – 272 с.

References

Butler D. Gender anxiety feminism and the undermining of identity. Trans. from English by Karen Sarkisov. *Moskva: V-A-C Press Fond = Moscow: V-A-C Press, V-A-C Foundation.* 2022; 269 p. (In Russ.).

Baudrillard J. Simulacra and simulations. Trans. from French by A. Kachalova. *Moskva: Izdatel'skiy dom "POSTUM" = Moscow: Publishing house "POSTUM".* 2015; 240 p. (In Russ.).

Weber M. Politics as a vocation and profession. Trans. from German and introductory article by A. F. Filippov. *Moskva: RIPOL klassik, cop. = Moscow: RIPOL classic, cop.* 2018; 290 p. (In Russ.).

Hobbes T. Leviathan or the Matter, Form, and Power of the Ecclesiastical and Civil State. Preface and editor A. Cheskis. *Moskva: Gos. sots.-ekon. izd-vo = Moscow: State Social-Economic Publishing House.* 1936; 503 p. (In Russ.).

Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Battle for the Human Future on the New Frontiers of Power. Trans. from English by A. F. Vasiliev; under the scientific editorship of Ya. Okhonko, A. Smirnov. *Moskva: Izd-vo In-ta Gaydara = Moscow: Gaidar Institute Publishing House.* 2022; 782 (In Russ.).

Crawford K. Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. Trans. from English. *N'yu-Kheyven, Konnektikut: Izdatel'stvo Yyel'skogo universiteta = New Haven, CT: Yale University Press.* 2021; 336 p. (In Russ.).

Kurpatov A. V. Laws of the Brain. *Moskva: Izdatel'skiy dom "Neva" = Moscow: Neva Publishing House.* 2023; 288 p. (In Russ.).

Rousseau J.-J. On the Social Contract. *Moskva: Kanon-press-TS: Kuchkovo pole = Moscow: Canon-press-C: Kuchkovo Field.* 1998; 415 p. (In Russ.).

Sunstein K. R. Republic 2.0. Trans. from English. *Princeton, N'yu-Dzherisi: Princetonskiy universitet = Princeton, NJ: Princeton University.* 2007; 272 p. (In Russ.).

Для цитирования: Бурмистров Н. Н. Эволюция насилия в эпоху технологической революции: от физического принуждения к цифровым формам контроля // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 1(71). – С. 101–109.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.6
EDN XWIZDZ

Сведения об авторе

Бурмистров Никита Николаевич
Аспирант кафедры философии
и культурологии Ростовского
государственного экономического
университета (РИНХ)
SPIN-код: 8563-7981
AuthorID РИНЦ: 1234339
burmistrovofficial@yandex.ru

История статьи:

Поступила в редакцию – 20.12.2024
Одобрена после рецензирования –
29.01.2025
Принята к публикации – 31.01.2025

Information about author

Nikita N. Burmistrov
Postgraduate Student,
Department of Philosophy
and Cultural Studies,
Rostov State University
of Economics (RINH)
burmistrovofficial@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

И. М. Сампиев*

ORCID: 0000-0001-8672-3952

* Ингушский государственный
университет,
Магас, Россия

Цель исследования – заключается в определении основных аспектов трансформации государства и общества в условиях глобализации и становления многополярности.

Методологическая база исследования. Исследование базируется на междисциплинарном подходе, включающем анализ политологических, социологических, экономических и правовых аспектов трансформации государственности. А также на основе системного и компаративного анализов изучения заявленной темы.

Результаты исследования. Представлены рекомендации для государств по укреплению регионального сотрудничества, модернизации государственного управления и разработке стратегий устойчивого развития. Сделан вывод о необходимости гибкости и проактивного подхода в условиях глобальных изменений.

Перспективы исследования связаны с анализом трансформаций суверенитета и изменяющейся роли негосударственных акторов геополитики (нации, транснациональные корпорации, регионы, экстерриториальные

TRANSFORMATION OF THE STATE AND SOCIETY IN TERMS OF GLOBALIZATION AND THE EMERGENCE OF MULTIPOLARITY

Israpil M. Sampiev*

* Ingush State University,
Magas, Russia

Objective of the study is to determine the main aspects of the transformation of the state and society in terms of globalization and the emergence of multipolarity.

The methodological basis of the study. The research is based on an interdisciplinary approach, which includes an analysis of political, sociological, economic and legal aspects of the transformation of the statehood. It is also based on a systemic and comparative analysis of the study of the topic.

Results of the study. Recommendations for the states to strengthen regional cooperation, modernize public administration, and develop sustainable development strategies are presented. The conclusion is that there is a need for flexibility and a proactive approach in terms of global changes.

Prospects of the study are associated with the analysis of transformations of sovereignty and the changing role of non-state actors in geopolitics (nations, transnational corporations, regions, extraterritorial religious associations,

религиозные объединения, сетевые сообщества и т. д.). Результаты исследования актуализируют осмысление проблем, требующих коллективных действий всего человечества, таких как экология, терроризм, голод или пандемии.

Ключевые слова: глобализация, многополярность, трансформация государства, цифровизация, регионализация, суверенитет, модели глобального порядка, национальная идентичность, устойчивое развитие

online communities, etc.). The results of the study actualize the problems such as ecology, terrorism, famine or pandemics that require collective action by all the humanity.

Keywords: globalization, multipolarity, state transformation, digitalization, regionalization, sovereignty, models of global order, national identity, sustainable development

Введение

Современный этап мирового развития характеризуется глобальной трансформацией, которая затрагивает не только экономические и технологические процессы, но и духовные и политико-правовые аспекты государственности. Вызовы глобальной нестабильности формируют многополярный мир, что оказывает значительное влияние на систему государственного управления, законодательства и общественные отношения. Актуальность выбранной темы подтверждается разнообразием подходов и аспектов ее изучения, начиная от изменений в концепции суверенитета до сценарного анализа возможных путей развития альтернативного мирового порядка.

Цель исследования заключается в определении основных аспектов трансформации государства и общества в условиях глобализации и становления многополярности.

Объект исследования: современные процессы трансформации государственности и общественных отношений.

Предмет исследования: ключевые аспекты изменений в функциях и роли государства, включая цифровизацию, регионализацию и обеспечение национального суверенитета.

Материалы и методы исследования

Исследование базируется на междисциплинарном подходе, включающем анализ политологических, социологических, экономических и правовых аспектов трансформации государственности.

В статье использованы следующие материалы исследования:

1. Научные работы отечественных и зарубежных авторов (С. И. Коданевой, О. М. Гришина, А. В. Волошина, А. Джонга, С. Уная и др.).
2. Эмпирические данные, отражающие изменения в законодательстве, управлении и социальной политике.

Методы исследования включают:

1. Компаративный анализ – для сравнения различных моделей глобального порядка (однополярности, биполярности, полицентричности).

2. Историко-логический метод для изучения эволюции глобализационных процессов и их влияния на государственность.

3. Системный подход для анализа взаимодействия различных факторов, влияющих на общественные процессы и государственное управление.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследование трансформации государства и общества в условиях глобализации и многополярности активно развивается как в зарубежной, так и отечественной науке. В частности, этой проблеме специально была посвящена Международная научно-практическая конференция «Многополярная глобализация и Россия» в 2021 г. (Южный федеральный университет). В трудах конференции «объясняются причины современного противоречивого мирового развития – разворота глобализации от господства однополярной модели к многополярности, формированию нескольких экономических, политических центров. Особое внимание уделяется стратегии развития России на основе современных механизмов и факторов экономического роста, процессов реиндустриализации, модернизации, представлены предложения по повышению эффективности экономической политики нашей страны» (Архипов, Мартишин, 2019. С. 300–301).

Российский исследователь С. И. Коданева в своем обзоре, посвященном анализируемой теме, выделяет многомерность современного государства, обращая внимание на изменение его функций и роли в мире. Глобализация, по мнению автора, стимулирует интеграцию, но одновременно вызывает утрату государственной идентичности, что ставит под угрозу суверенитет стран (Коданева, 2020). Эта мысль перекликается с выводами М. В. Залоило, который подчеркивает необходимость переосмысления суверенитета в контексте современных вызовов и обеспечения технологической независимости государств (Залоило, 2023. С. 14).

Влияние глобализационных процессов на национальную идентичность проанализировано В. В. Соловьевой. Она подчеркивает, что взаимодействие государства и гражданского общества подвергается трансформации, как специфическая реакция на требование адаптации национальных культур к глобальным изменениям (Соловьева, 2018. С. 174).

Важным для анализируемой темы является конструкт гибридной идентичности, разрабатываемый Ю. Г. Волковым и В. И. Курбатовым. Гибридная идентичность трактуется как смешение традиций, верований, культурных обычаев, языков и социальных практик. Механизмы гибридной идентификации основываются на социальной гибридации в виде гибридного социального пространства, выраженного в смешении территориально-географических локаций, политических, экономических, социокультурных, поколенческих и этнических границ и субкультур. Гибридизация трактуется как социальный процесс, который связан с интенсификацией социальных потоков,

в том числе мигрантских потоков, с взаимообусловленностью глобализации и локализации, размыванием отдельных культур и с многокультурной интеграцией (Волков, Курбатов, 2022).

О. М. Гришин обращается к законодательной сфере, подчеркивая, что становление многополярного мира становится ключевым фактором, влияющим на законодательные процессы (Гришин, 2024. С. 35). Это требует от государств балансировки между внутренними реформами и внешними вызовами.

Д. И. Кондратов рассматривает роль стран БРИКС в формировании новых центров силы, способных влиять на глобальную повестку (Кондратов, 2021. С. 42). Новые центры силы, в свою очередь, формируют собственные версии социокультурных, нормативных и институциональных аспектов в рамках глобальных трансформаций. Однако пока ясно не просматривается, вписываются ли эти сегментарные версии в глобальный мейнстрим, или они приведут, в конечном счете, к разрыву глобального общества как такового. Последствия подобного развития ситуации оказались бы непредсказуемыми и, возможно, более катастрофичными по своим последствиям, чем простое формирование «нового порядка», затрагивающего, по сути, ограниченную сферу межгосударственных и межблоковых отношений глобальной политики.

Особое место в анализируемых исследованиях занимает анализ цифровых технологий. С. Г. Еремин подчеркивает их важность для повышения эффективности государственного управления и сохранения в современных условиях национального суверенитета (Еремин, 2024. С. 103). Вопросы цифрового суверенитета России ставит Н. А. Троян, отмечая его значение и необходимость эффективного правового регулирования в условиях информационных угроз (Троян, 2024. С. 171). Л. В. Куделя, анализируя глобальные тренды, акцентирует внимание на влиянии цифровизации и демографических изменений на государственное управление (Куделя, 2021. С. 96).

Кризис национальной идентичности, вызванный транснационализмом, рассматривается Го Лишуаном. Автор утверждает, что этот масштабный вызов требует переосмысления основ государственной идентичности (Го, 2021. С. 19).

А. Н. Курюкин вводит концепцию «новой нормальности», показывая, как пандемия COVID-19 ускорила глобальные трансформации (Курюкин, 2021). А. В. Волошин предлагает сценарный подход к анализу социально-экономических изменений, выделяя три возможных сценария (оптимистичный, реалистичный, пессимистичный) развития глобализации и многополярности (Волошин, 2023. С. 31).

В зарубежной литературе анализируемая тема также рассматривается с различных сторон. Abbas Jong акцентирует внимание на неопределенности мирового порядка, где многополярность и космополитизация сосуществуют и влияют на глобальные процессы (Jong, 2024. Р. 147). Исследователи

С. Vlado, D. Chatzinikolaou, В. А. Iqbal анализируют «новую глобализацию», подчеркивая роль региональных соглашений (Всестороннее региональное экономическое партнёрство (Regional Comprehensive Economic Partnership RCEP)), и динамику, которую формируют Китай и BRICS (Vlados et al., 2022). Вместе с тем некоторые исследователи не видят в формирующемся полицентризме глобального мира радикального слома глобализационного тренда развития мирового сообщества. Н-р, Садык Юнай, критически анализируя БРИКС, рассматривает эволюцию теоретических дебатов в области политики, политической экономии и литературы по развитию – от традиционных моделей «центр – периферия» до более сложных формулировок многополярности. Исследователь показывает историческую эволюцию БРИКС от международной инвестиционной стратегии до широко распространенного символа предполагаемого упадка американской/западной гегемонии, и приходит к выводу о преждевременном, поверхностном или идеологически мотивированном характере различных анализов «упадка гегемонии» и аргументов о «смене власти» (Ünay, 2013).

Многие авторы отмечают, что глобализация оказывает двоякое воздействие на государственность. С одной стороны, усиливаются процессы интеграции, унификации стандартов и норм, с другой – возрастает необходимость защиты национального суверенитета. Как отмечает А. С. Бохан, глобализация способствует формированию новых институциональных форм, таких как международные организации и соглашения, однако одновременно усиливает риски культурного и экономического доминирования (Бохан, 2023. С. 410). С данным утверждением можно согласиться, поскольку международные институты действительно играют важную роль в унификации норм. Однако следует понимать, что без учета объективных и субъективно-исторических факторов такого доминирования противостояние подобным рискам будут не вполне эффективным. Формирование многополярности не снимает в принципе вопрос раскрытия механизмов противодействия доминированию глобальных центров силы, что важно для государств с меньшими ресурсами. Проблема эта, пока латентная, объективно будет актуализироваться по мере формирования реальной многополярности, о которой преждевременно говорить как о определенно свершившемся социальном факте.

Помимо всего, современное государство сталкивается с вызовами сохранения идентичности и суверенитета в условиях увеличивающейся миграции и размывания национальных границ. Для ряда регионов, в частности Европы и России, миграционные процессы стали вызовами, требующими более глубокого анализа их культурных, социальных и экономических последствий.

Современные исследования трансформации глобального миропорядка свидетельствуют о возможном бифуркационном переходе от однополярной системы, доминирующей после окончания холодной войны, к более слож-

ным и многослойным структурам, включающим элементы полицентричности и регионализации. Полагаем, что в условиях глобализации и становления многополярности трансформация международного правопорядка становится ключевым вызовом и в то же время новой возможностью для государств.

В статье А. А. Данельяна акцентируется внимание на том, что современные международные отношения характеризуются переходом от однополярной системы, где доминировали интересы одной державы, к многополярной, полицентричной архитектуре (Данельян, 2024). Это верно, так как текущая международная система демонстрирует потребность в равноправии. Однако сможет ли быть реализована эта потребность в новом мировом порядке, не очевидно. Ни нормативные, ни институциональные гарантии исключения в будущем возрастания нестабильности и конфликтности в отношениях между формирующимися под эгидой полюсов силы сегментами, так и внутри самих этих зон, пока не просматриваются. Хотя глобализация приводит к интернационализации юридических норм, что с одной стороны, способствует гармонизации отношений, но с другой – создает вызовы для национальных правовых систем, вынужденных адаптироваться к внешним воздействиям.

Характеристика моделей глобального миропорядка представлена в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика моделей глобального миропорядка

Модель	Описание
Однополярность	В однополярной модели глобального миропорядка одна сверхдержава (например, США) обладает экономическим, военным и политическим доминированием. Эта модель характеризуется попытками монополизировать влияние на международные институты и определять глобальную повестку
Биполярность	Биполярность предполагает глобальное соперничество между двумя доминирующими центрами силы, как это было в период холодной войны (США и СССР). Такая модель формирует устойчивую, но конфронтационную структуру международных отношений, базирующуюся на противостоянии блоков
Полицентричность (многополярность)	Полицентричная модель характеризуется наличием множества центров силы. Это могут быть государства (Китай, Россия) или объединения (БРИКС, ЕС). Каждый из этих центров имеет собственную повестку и интересы, что создает условия для конкуренции, но также для более сбалансированных решений в глобальной политике
Регионализация	Регионализация представляет собой формирование «больших пространств» или региональных блоков, таких как исламский мир, Индо-Тихоокеанский регион или Африка. Эта модель основывается на геополитической идентичности, культурной и экономической совместимости регионов

Окончание таблицы 1

Модель	Описание
Цивилизационная сегментация реального и виртуального пространства	Цивилизационная сегментация реального и виртуального пространства представляет собой надгосударственную и надрегиональную структуру, основанную на цивилизационном (конфессиональном) принципе. Может включать в себя модели полицентричности и регионализации

Источник: составлено автором на основе ряда работ¹.

Однополярный мир, сформировавшийся после окончания холодной войны, является примером временного глобального доминирования одной державы. США в этой модели стремились навязать единые ценности и подходы к международным отношениям, что вызвало рост напряженности в ряде регионов. Ограниченность данной модели заключается в неспособности учитывать разнообразие культурных, экономических и политических систем других стран, с одной стороны, и изменения безусловного приоритета в балансе сил международных акторов (стран и их объединений).

Биполярность, доминирующая в XX веке, привела к устойчивой, но конфликтной системе отношений. Разделение мира на два противоборствующих блока обеспечивало большую предсказуемость в международной политике, но также порождало риски глобальных конфликтов. Современные попытки возродить биполярную систему (например, Китай против США) указывают на возможность повторения прежних ошибок и, следовательно, чреваты рисками глобальной нестабильности.

Полицентричность отражает современные тенденции к расширению числа центров силы, таких как БРИКС и ЕС. Эта модель как будто более демократична и гибка, поскольку учитывает интересы разных регионов и государств. Однако множественность центров также увеличивает риск хаотичности и конфликта интересов, без внешнего арбитра, что требует разработки новых институтов и наработки механизмов координации.

Регионализация подчеркивает важность формирования локальных союзов и интеграционных проектов. Такие объединения, как исламский мир или Африка, обеспечивают странам больший контроль над своей судьбой, создавая возможную альтернативу глобализации, или глокализацию. Эта модель способствует сохранению культурной и экономической идентичности, но может привести к изоляционизму и неустойчивому развитию.

¹ Барановский В. Г., Кувалдин В. Б. Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации? // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 6. – С. 8–20; Гребнев Р. Д. Теоретические и методологические аспекты регионализации многополярного мира // Век глобализации. – 2023. – № 3(47). – С. 78–89; Гребнев Р. Д. Теоретические и методологические аспекты регионализации многополярного мира // Век глобализации. – 2023. – № 3(47). – С. 78–89.

В целом современный мир находится на этапе трансформации от однополярности к полицентричности. Контуры конечного пункта этой трансформации весьма неопределенны и полны рисков, обусловленных в первую очередь тем, что регионализация усиливает децентрализацию глобальной власти, а противостояние между основными центрами силы сигнализирует о возможности перехода к новой биполярности.

Россия активно выступает за полицентричность, развивая инициативы, направленные на укрепление региональных союзов (например, ЕАЭС) и стратегического партнерства в рамках БРИКС. Это подчеркивает значимость многополярности как способа баланса сил и нацелено в итоге на отстаивание своего суверенитета и повышение международной стабильности.

Статья О. В. Дамаскина посвящена анализу положения России в условиях глобального цивилизационного кризиса и перспектив ее развития в рамках четвертой промышленной революции (Дамаскин, 2021. С. 10). Автор справедливо акцентирует внимание на необходимости восстановления промышленности и социальной системы. На наш взгляд, развитие этого подхода требует дополнительных предложений по развитию собственной экономической модели как базиса для успешного проведения независимой международной политики.

Становление многополярного мира открывает перед государствами новые перспективы, но также ставит их перед вызовами. О. М. Гришин указывает, что многополярность способствует созданию новых международных альянсов и расширению сферы влияния отдельных стран (Гришин, 2024. С. 35). Данный подход представляется достаточно обоснованным. Следовательно, глобальные изменения требуют адекватного реагирования, в т. ч. большей гибкости в национальном законодательстве. В этом ключе Н. А. Троян подчеркивает важность правового обеспечения цифрового суверенитета, что включает в себя защиту национальных интересов в киберпространстве и разработку эффективных механизмов информационной безопасности (Троян, 2024. С. 10).

Как отмечает Р. Д. Гребнев, регионализация становится ключевым элементом многополярного мира, создавая условия для формирования новых геополитических центров и союзов (Гребнев, 2023. С. 81). Указанный тезис находит подтверждение на опыте, поскольку региональные союзы, такие как БРИКС, постепенно усиливают свою роль. Однако важно учитывать, что регионализация может привести к локальному доминированию сильнейших стран уже в рамках этих союзов. Как справедливо отмечает Tilak Doshi, мир изменился навсегда, хотя, возможно, не совсем так, как предсказывали некоторые. Это похоже не на «конец истории» Фукуямы, а на «столкновение цивилизаций» Хантингтона в перестройке мирового порядка (Doshi, 2024).

Современные вызовы глобализации, включая цифровизацию, транснациональные угрозы и усиление кибертерроризма, требуют от государств пере-

смотрa законодательных основ для обеспечения национального суверенитета. В условиях растущей зависимости от цифровых технологий и международных информационных потоков страны разрабатывают новые нормативные акты, направленные на защиту критической инфраструктуры, регулирование деятельности иностранных компаний и обеспечение кибербезопасности.

В таблице 2 представлены ключевые изменения в законодательстве, направленные на адаптацию государств к этим вызовам. Представленные инициативы отражают стратегические меры, которые способствуют укреплению суверенитета в цифровую эпоху.

Таблица 2

Изменения в законодательстве, направленные на укрепление национального суверенитета

<i>Законодательная инициатива</i>	<i>Описание</i>	<i>Пример</i>
Закон о цифровом суверенитете	Принятие законов, ограничивающих использование зарубежных IT-решений	Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ (Россия, 2017)
Регулирование работы иностранных компаний	Установление требований к локализации данных и серверов	GDPR (Европейский союз, 2018)
Законодательные меры по борьбе с киберугрозами	Ужесточение наказаний за кибератаки и установление стандартов кибербезопасности	Федеральный закон «О персональных данных» (Россия, 2006)

Источник: составлено автором на основе некоторых работ¹.

Анализ законодательных изменений показывает, что государства активно стремятся к адаптации к новым вызовам глобализации через развитие нормативной базы. Принятие законов о цифровом суверенитете и борьбе с ки-

¹ Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ (в ред. 10.07.2023). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42128> (дата обращения: 04.12.2024); Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (в ред. 06.06.2024). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24154> (дата обращения: 04.12.2024); Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). – URL: <https://ogdpr.eu/en/gdpr-2016-679> (дата обращения: 04.12.2024); Барановский В. Г., Кувалдин В. Б. Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации? // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 6. – С. 8–20; Гребнев Р. Д. Теоретические и методологические аспекты регионализации многополярного мира // Век глобализации. – 2023. – № 3(47). – С. 78–89.

беругрозами способствует снижению зависимости от зарубежных технологий. Регулирование деятельности иностранных компаний, как в случае GDPR (Общий регламент защиты персональных данных), подчеркивает важность локализации данных для сохранения контроля над национальной информационной безопасностью. Указанные меры укрепляют национальный суверенитет и создают условия для устойчивого функционирования государственных институтов в цифровую эпоху. Дальнейшее развитие законодательства требует комплексного подхода, включающего международное сотрудничество и адаптацию к новым технологическим угрозам.

Важно понимать, что сама цифровизация становится значимым инструментом адаптации государства к современным вызовам. С. Г. Еремин отмечает, что переход к модели цифрового управления (GovTech) является ключевым этапом в модернизации государственного аппарата (Еремин, 2024. С. 103). Вместе с тем процесс внедрения цифровых технологий требует значительных ресурсов и преодоления серьезных барьеров, связанных с бедностью, возникающими киберугрозами и информационной безопасностью.

Таким образом, глобализация оказывает двоякое воздействие на государственность: с одной стороны, усиливаются процессы интеграции, с другой – возрастает необходимость защиты национального суверенитета. Главным вызовом остается поиск баланса между сохранением национальной идентичности и интеграцией в глобальные процессы. Это значит, что государства, особенно в условиях глобальной нестабильности, должны активно участвовать в формировании нового миропорядка, сохраняя при этом свой суверенитет и свои социокультурные особенности.

Заключение

Современные глобализационные процессы оказывают двоякое воздействие на государственность, требуя от стран адаптации к внешним вызовам и трансформации их внутренних механизмов управления. Анализ показывает, что глобализация способствует как интеграции и унификации международных стандартов, так и размыванию национальной идентичности и суверенитета.

Переход от однополярной системы к многополярной архитектуре международных отношений позволяет более равномерно распределить влияние между различными центрами силы, такими как США, БРИКС, ЕС, Китай и Россия. Регионализация становится ключевым инструментом многополярности, способствуя укреплению локальных союзов и интеграционных проектов. Это создает возможности для снижения зависимости от глобальных центров, но также усиливает необходимость в координации внутри регионов, для снижения рисков изоляционизма и формирования новых противоречий.

Цифровизация управления играет центральную роль в модернизации государственного аппарата. Однако цифровые технологии создают новые вызовы, связанные с киберугрозами и необходимостью обеспечения информаци-

онной безопасности. Развитие цифрового суверенитета становится критически важным в условиях глобальной конкуренции.

Государствам на этом этапе следует сосредоточиться на развитии региональных объединений, таких как ЕАЭС или БРИКС, что позволит создать более устойчивую модель взаимодействия на основе общих экономических и культурных интересов. Необходимо инвестировать в развитие национальных цифровых платформ и систем информационной безопасности. Это позволит минимизировать риски, связанные с киберугрозами, и повысить независимость от внешних технологий.

На национальном уровне важно укреплять культурные и образовательные программы, направленные на сохранение национальной идентичности. Это особенно актуально в условиях транснационального влияния и увеличения миграционных потоков. В то же время недопустимы изоляционизм и автаркия на локальном уровне. В связи с этим рекомендуется разрабатывать гибридные модели государственного управления, которые учитывают как необходимость глобальной интеграции, так и сохранение национальных интересов. Такой подход требует некоторого пересмотра законодательной базы и внедрения инновационных управленческих практик.

В условиях глобальных изменений важно разрабатывать долгосрочные стратегии устойчивого развития, которые интегрируют культурные, экономические, экологические и социальные аспекты. Это позволит минимизировать последствия глобализационных кризисов и укрепить национальную устойчивость.

Список источников

Архипов А. Ю. Многополярная глобализация и Россия / А. Ю. Архипов, Е. М. Мартишин // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 1. – С. 300–309. – DOI 10.23683/2227-8656.2019.1.24. – EDN YZETJZ.

Барановский В. Г. Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации? / В. Г. Барановский, В. Б. Кувалдин // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 6. – С. 8–20. – DOI 10.17976/jpps/2023.06.02. – EDN BLAKCJ.

Бохан А. С. Глобализм: становление, развитие и формы институционализации / А. С. Бохан // Теории и проблемы политических исследований. – 2023. – Т. 12, № 9А. – С. 31–44. – DOI 10.34670/AR.2023.92.64.003. – EDN QRTYBC.

References

Arkhipov A. Yu., Martishin E. M. Multipolar Globalization and Russia. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2019; 8 (1): 300-309. DOI 10.23683/2227-8656.2019.1.24 (In Russ.).

Baranovsky V. G., Kuvaldin V. B. Global Conflict: An Attribute of a Changing World Order or an Outdated Instrument of Its Transformation? *Polis. Politicheskiye issledovaniya = Polis. Political Studies*. 2023; 6: 8-20. DOI 10.17976/jpps/2023.06.02 (In Russ.).

Bokhan A. S. Globalism: formation, development and forms of institutionalization. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy = Theories and problems of political research*. 2023; 12; 9A: 31-44. DOI 10.34670/AR.2023.92.64.003 (In Russ.).

Волков Ю. Г. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления / Ю. Г. Волков, В. И. Курбатов // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11, № 2. – С. 15–23. – DOI 10.18522/2227-8656.2022.2.1. – EDN HVDEAS.

Волошин А. В. Сценарии развития социально-экономической системы в условиях глобальной трансформации / А. В. Волошин // Вестник Сургутского государственного университета. – 2023. – Т. 11, № 3. – С. 30–43. – DOI 10.35266/2312-3419-2023-3-30-43. – EDN GQCKPI.

Го Л. Упразднение и преобразование: вызовы транснационализма, культурного сообщества, национальной и государственной идентичности / Л. Го // Дискурс-Пи. – 2021. – Т. 18, № 1(42). – С. 10–30. – DOI 10.24412/1817-9568-2021-1-10-30. – EDN NHVZLG.

Гребнев Р. Д. Теоретические и методологические аспекты регионализации многополярного мира / Р. Д. Гребнев // Век глобализации. – 2023. – № 3(47). – С. 78–89. – DOI 10.30884/vglob/2023.03.06. – EDN AAMMCS.

Гришин О. М. Трансформация российского законодательства в условиях становления многополярного мира: реалии и перспективы / О. М. Гришин // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 3 (71). – С. 29–39. – DOI 10.24412/2072-9391-2024-371-29-39. – EDN TJPKTW.

Дамаскин О. В. Россия в современном мире: уроки истории и перспективы современности в четвертой промышленной революции / О. В. Дамаскин // Военное право. – 2021. – № 4(68). – С. 10–20. – EDN SROXQN.

Данельян А. А. Становление нового международного экономического правопорядка / А. А. Данельян // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2024. – № 3. – С. 27–32. – EDN TWMFHL.

Еремин С. Г. Применение цифровых технологий в сфере государственного управления на федеральном уровне и направления их совершенствования / С. Г. Еремин // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – Т. 17,

Volkov Yu. G., Kurbatov V. I. Hybrid identity: factors of formation and forms of manifestation. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2022; 11 (2): 15-23. DOI 10.18522/2227-8656.2022.2.1 (In Russ.).

Voloshin A. V. Scenarios for the development of the socio-economic system in the context of global transformation. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Surgut State University*. 2023; 11 (3): 30-43. DOI 10.35266/2312-3419-2023-3-30-43 (In Russ.).

Go L. Abolition and transformation: challenges of transnationalism, cultural community, national and state identity. *Diskurs-Pi = Discourse-Pi*. 2021; 18; 1(42): 10-30. DOI 10.24412/1817-9568-2021-1-10-30 (In Russ.).

Grebnev R. D. Theoretical and methodological aspects of regionalization of a multipolar world. *Vek globalizatsii = The century of globalization*. 2023; 3(47): 78-89. DOI 10.30884/vglob/2023.03.06 (In Russ.).

Grishin O. M. Transformation of Russian legislation in the context of the emergence of a multipolar world: realities and prospects. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024; 3(71): 29-39. DOI 10.24412/2072-9391-2024-371-29-39 (In Russ.).

Damaskin O. V. Russia in the Modern World: Lessons of History and Prospects of Modernity in the Fourth Industrial Revolution. *Voyennoye pravo = Military Law*. 2021; 4 (68): 10-20 (In Russ.).

Danelyan A. A. Formation of a New International Economic Legal Order. *Elektronnoye setevoye izdaniye «Mezhdunarodnyy pravovoy kur'yer» = Electronic Network Publication "International Legal Courier"*. 2024; 3: 27-32 (In Russ.).

Eremin S. G. Application of digital technologies in the sphere of public administration at the federal level and directions for their improvement. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economy. Taxes. Law*. 2024; 17 (1): 98-105. DOI 10.26794/1999-849X-2024-17-1-98-105 (In Russ.).

Zaloilo M. V. Transformation of the role of the state in the modern world: paradigmatic shifts in the concept of sovereignty. *Vest-*

№ 1. – С. 98–105. – DOI 10.26794/1999-849X-2024-17-1-98-105. – EDN CUSLVC.

Залоило М. В. Трансформация роли государства в современном мире: парадигмальные сдвиги концепции суверенитета / М. В. Залоило // Вестник МГПУ «Юридические науки». – 2023. – № 2 (50). – С. 5–18. – DOI 10.25688/2076-9113.2023.50.2.01.

Коданева С. И. Трансформация государства в эпоху глобализма / С. И. Коданева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2020. – № 2. – С. 7–13. – EDN ZFOPWG.

Кондратов Д. И. Страны БРИКС в условиях глобальной нестабильности: новые вызовы и перспективы развития / Д. И. Кондратов // Белорусский экономический журнал. – 2021. – № 1(94). – С. 23–44. – DOI 10.46782/1818-4510-2021-1-23-44. – EDN YZBMNP.

Куделя Л. В. Влияние глобальных мегатрендов на развитие государственного управления на современном этапе / Л. В. Куделя // Современная мировая экономика: вызовы и реальность: материалы IV Международной научно-практической конференции. Посвящается 100-летию ДОННТУ, Донецк, 07 декабря 2021 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2021. – 264 с. – EDN FGKENW.

Курюкин А. Н. «Новая нормальность» экономики, политики и социума в условиях COVID-19 и после / А. Н. Курюкин // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2021. – Т. 12, № 2. – С. 160–181. – DOI 10.18184/2079-4665.2021.12.2.160-181. – EDN AYBUPS.

Соловьева В. В. Влияние глобализационных процессов на трансформацию современного государства / В. В. Соловьева // Вестник Прикамского социального института. – 2018. – № 2(80). – С. 168–175. – EDN XQRTZZ.

Троян Н. А. Правовое обеспечение цифрового суверенитета России: актуальные проблемы и перспективные направления /

nik MGPU “Yuridicheskiye nauki” = Bulletin of Moscow State Pedagogical University “Legal Sciences”. 2023; 2 (50); 5-18. DOI 10.25688/2076-9113.2023.50.2.01 (In Russ.).

Kodaneva S. I. Transformation of the state in the era of globalism. *Sotsial'nyye i humanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo = Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and law.* 2020; 2: 7-13 (In Russ.).

Kondratov D. I. BRICS countries in the context of global instability: new challenges and development prospects. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal = Belarusian Economic Journal.* 2021; 1(94): 23-44. DOI 10.46782/1818-4510-2021-1-23-44 (In Russ.).

Kudelya L. V. The Impact of Global Megatrends on the Development of Public Administration at the Present Stage. *Sovremennaya mirovaya ekonomika: vyzovy i real'nost': Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Posvyashchayetsya 100-letiyu DONNTU, Donetsk, 07 dekabrya 2021 goda. Donetsk: Donetskii natsional'nyy tekhnicheskii universitet = Modern World Economy: Challenges and Reality: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference. Dedicated to the 100th Anniversary of Donetsk National Technical University, Donetsk, December 07, 2021. Donetsk: Donetsk National Technical University.* 2021; 264 p. (In Russ.).

Kuryukin A. N. “New Normality” of Economy, Politics and Society in the Context of COVID-19 and after. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye) = MIR (Modernization. Innovations. Development).* 2021; 12 (2): 160-181. DOI 10.18184/2079-4665.2021.12.2.160-181 (In Russ.).

Solovieva V. V. The Impact of Globalization Processes on the Transformation of the Modern State. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta = Bulletin of the Prikamsky Social Institute.* 2018; 2(80): 168-175 (In Russ.).

Trojan N. A. Legal Support for Russia's Digital Sovereignty: Current Issues and Promising Directions. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i*

Н. А. Троян // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 6(234). – С. 169–172. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_6_169. – EDN NPSHLS.

Jong A. Multipolarization or Cosmopolitanization? Moving Towards an Indeterminate World / A. Jong // Russian Sociological Review. – 2024. – Vol. 23, No. 2. – P. 147–175. – DOI 10.17323/1728-192x-2024-2-147-175. – EDN OJFYUH.

Ünay S. Reality or Mirage?: BRICS and the Making of Multipolarity in the Global Political Economy / S. Ünay // Insight Turkey. – 2013. – Vol. 15, No. 3. – P. 77–94.

Vlados C. New Globalization and Multipolarity: A Critical Review and the Regional Comprehensive Economic Partnership Case / C. Vlados, D. Chatzinikolaou, B. A. Iqbal // Journal of Economic Integration. – 2022. – Vol. 37 (No. 3). – P. 458–483. – DOI: 10.11130/jei.2022.37.3.458.

praktika = Law and State: Theory and Practice. 2024; 6(234): 169-172. DOI 10.47643/1815-1337_2024_6_169 (In Russ.).

Jong A. Multipolarization or Cosmopolitanization? Moving Towards an Indeterminate World. *Russian Sociological Review*. 2024; 23 (2): 147-175. DOI 10.17323/1728-192x-2024-2-147-175.

Ünay S. Reality or Mirage?: BRICS and the Making of Multipolarity in the Global Political Economy. *Insight Turkey*. 2013; 15 (3): 77-94.

Vlados C., Chatzinikolaou D., Iqbal, B. A. New Globalization and Multipolarity: A Critical Review and the Regional Comprehensive Economic Partnership Case. *Journal of Economic Integration*. 2022; 37(3): 458-483. DOI: 10.11130/jei.2022.37.3.458.

Для цитирования: Сампиев И. М. Трансформация государства и общества в условиях глобализации и становления многополярности // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 1 (71). – С. 110–123.

DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.7

EDN TBZYGB

История статьи:

Поступила в редакцию – 26.12.2024

Одобрена после рецензирования –
28.01.2025

Принята после публикации – 31.01.2025

Сведения об авторе

Сампиев Исрапил Магометович

Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии
и политологии Ингушского
государственного университета
SPIN-код: 5514-2108
AuthorID РИНЦ: 429056
israpil@yandex.ru

Information about author

Israpil M. Sampiev

Doctor of Political Sciences, Professor,
Head of the Department of Sociology
and Political Science,
Ingush State University
Scopus AuthorID: 58163008200
israpil@yandex.ru

УДК 14 + 008

DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.8

EDN UGTIPN

Научная статья

О СВЯЗИ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ С РАЗНОВИДНОСТЯМИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

THE CONNECTION OF MATHEMATICAL CULTURE WITH THE VARIETIES OF COGNITIVE CULTURE

А. С. Аскеров* **

ORCID: 0009-0001-7680-7068

Alautdin S. Askerov* **

* Дагестанский государственный
педагогический университет
имени Р. Гамзатова,

** Профессиональное образовательное
частное учреждение «Гуманитарно-
педагогический колледж»,
Махачкала, Россия

* Dagestan State Pedagogical University
named after R. Gamzatov,

** Professional educational private
institution «Humanitarian
and Pedagogical College»,
Makhachkala, Russia

Цель исследования – изучение влияния различных форм познавательной культуры на математическую культуру.

Objective of the study is to define the influence of various forms of the cognitive culture on the mathematical culture.

Методологическая база исследования основана на принципах объективности, конкретности и историзма, присущих диалектическому видению процессов, и использован системный подход, позволяющий рассмотреть события и процессы духовной жизни в их взаимодействии, а также структурно-функциональный анализ в сочетании с историческим и логическим подходами.

The methodological basis of the study is based on the principles of objectivity, concreteness and historicism inherent in the dialectical vision of the processes; a systems approach is used, which allows to consider the events and processes of spiritual life in their interaction; structural and functional analysis in combination with historical and logical approaches are used.

Результаты исследования. В своей работе автор стремится показать глобальную эволюцию математической культуры и связать ее с изменениями в математической культуре Дагестана.

The results of the study. The author seeks to show the global evolution of mathematical culture and to connect it with the changes in the mathematical culture in Dagestan.

Перспективы исследования. В будущем идеи этноматематики могут найти свое во-

Prospects of the study. In the future, the ideas of ethnomathematics can be embodied in Russian

Аскеров А. С., 2025

площение в российской школе через реализацию принципов народности, развитие практико-ориентированных и личностных технологий обучения, а также посредством внедрения двуязычных и политехнических методов преподавания.

Ключевые слова: математика, культура математического знания, культура познания, этноматематика, этнические традиции, развитие

scientific school by the implementation of the principles of nationality, the development of practice-oriented and personal teaching technologies, as well as by the implementation of bilingual and polytechnic teaching methods.

Keywords: mathematics, mathematical knowledge culture, cognitive traditions, ethnomathematics, ethnic heritage, development

Введение

Математическая культура, которая изучается автором, развивается как в рамках уникальной дагестанской культуры, так и в контексте широкой цивилизационной парадигмы, включающей дагестанскую культуру в течение многих веков. Одновременно она существует и как часть глобальной, общепланетарной культуры, объединяющей эти два относительно автономных компонента.

Методика и методология

Безусловно, всеобщее, особенное и индивидуальное находятся во взаимодействии, хотя их взаимовлияние и взаимосвязь зачастую трудно проследить. Но есть избранная нами методология и методика изучения этих соотношений – их содержательного пересечения, интенсивности взаимовлияний, структурных видоизменений как элемента или компонента познавательной культуры личности, социума, этноса, общества и т. п. Исходя из понятия познавательной культуры субъекта, включающего в себя традиции, нормы и идеалы как научного, так и повседневного познания, а также социальные аспекты существования человека, мы пришли к выводу о ее неоспоримой научной ценности. Этот термин можно рассматривать наравне с нравственной, эстетической, политической и правовой культурами, что также подтверждает его методологическую значимость. С использованием этой методологии и методики рассмотрены структура и содержание математической культуры, раскрыты и осмыслены ее сущность, факторы становления, развития и совершенствования данного феномена, в том числе культурно-языковые средства совершенствования, и особо важные для современного этапа информационного общества – фактор цифровизации как инструмент совершенствования модели математической культуры в сетевой и информационной культуре. При этом анализировался собственный опыт автора статьи, опыт отечественных и зарубежных коллег и достижения учреждений образования в учебном процессе школьников и студентов.

В данной статье рассматривается влияние различных форм познавательной культуры на математическую культуру. Для анализа этого влияния не-

обходимо учитывать многообразие познавательной культуры. Как отмечает М. Билалов, определение содержательных элементов познавательной культуры представляет сложность ввиду их многочисленности. Существуют блоки схожих элементов, которые включают культуру мышления, методологические подходы, традиции познания и стили мышления. Исторические типы познавательной культуры, такие как предмодернизм, модернизм и постмодернизм, могут быть дополнительно разделены на отдельные роды: религиозные, этнонациональные, философские, научные и другие. В рамках этих родов выделяются такие виды, как исламская, немецкая, софистическая, естественнонаучная, женская и детская культуры. Их уникальные особенности зависят от интерпретации субъекта познания в конкретных исторических и социальных условиях (Билалов, 2017. С. 8–9). С другой стороны, важным аспектом принятой методологии является вопрос о природе математического знания: является ли математика «произведением свободного разума» или представляет собой результат «социальных взаимодействий и коммуникаций с культурно-историческим контекстом»? Как известно, основной вопрос философии заключается в исследовании взаимосвязи между сознанием и бытием. Аналогично этому, философия математики сосредоточена на изучении отношений математических понятий с объективной реальностью, ставя перед собой задачу определения сущности математического знания. При таком подходе математика рассматривается как явление культурно-исторического характера, определяющее и научную, и культурную жизнь людей.

История математики представляет собой постепенное осмысление этих вопросов, что позволило исследователям выделить методологические проблемы математики. Со временем приходит осознание того, что математическое знание обладает универсальным и абстрактным характером. Ранние представления о математике, существовавшие до XVIII и в первой половине XIX века, определяли ее как науку, изучающую количественные отношения и пространственные формы реального мира. Эти подходы продолжают находить отражение и в современных интерпретациях. Так, А. Н. Колмогоров описывал математику как исследование «численных отношений и пространственных форм», а С. А. Яновская определяла ее как изучение «количественных свойств и отношений»¹.

О первоначальных попытках увязать математику с непосредственными естественными свойствами вещей пишут многие. «Существует, – пишет О. Шпенглер, – несколько миров чисел, потому что существует несколько культур. Мы встречаем индийский, арабский, античный, западноевропейский числовой тип, каждый по своей сущности совершенно своеобразный и единственный, каждый являющийся выражением совершенно особого миро-

¹ Сборник статей по философии математики / под ред. проф. С. А. Яновской. – М.: ГУПИ 1936. – 136 с. – URL: <https://djvu.online/file/vAPihfCtIbDf> (дата обращения: 18.09.2024).

чувствования, символом отграниченной значимости, также и в научном отношении принципом распорядка ставшего, в котором отражается глубокая сущность именно этой и никакой другой души, той, которая является центральным пунктом как раз соответствующей и никакой другой культуры. Таким образом, существует несколько математик» (Шпенглер, 1993. С. 113).

Определения, предложенные А. Н. Колмогоровым и С. А. Яновской, можно рассматривать как попытку выделить общие характеристики математических культур: «численные отношения и пространственные формы», а также «количественные свойства и отношения». Эти подходы, на наш взгляд, фиксируют базовые представления о математике как науке, прежде всего связанной с числами. Однако в таких древних цивилизациях, как Греция, Вавилон, Персия или Индия, понимание чисел и их роли в устройстве мира существенно различалось, что обусловило уникальность математических традиций каждого народа. В дальнейшей истории математики предпринимаются попытки обобщения математических культур разных народов. При этом навыки и умения, необходимые для практического изучения математики, формируются в уникальных социокультурных условиях. Именно поэтому математика, развивающаяся в повседневной деятельности человека, неизбежно приобретает характерные черты культуры, в рамках которой она возникла. Это позволяет говорить о существовании множества уникальных форм математики, которые служат отправной точкой для ее дальнейшего развития.

Одновременно становится понятно, что невозможно свести предмет и метод современной математики к простому и однозначному определению. Определение должно выражать общую суть, однако математическое знание отличается сложностью и системным характером. Предмет математики не остается статичным: он претерпевает изменения в процессе исторического развития науки. Эти трансформации затрагивают также ее структуру, что неизбежно порождает новые вопросы, связанные с обоснованием математического знания. Почему и как меняется предмет математики, чем конкретно обусловлена та или иная математическая культура (социума, народа, личности) – задача особая, и не данной статьи. Мы здесь просто фиксируем факт наличия ее связи с некими социокультурными ценностями исторического прошлого народов, с тем, что в научном творчестве того же профессора М. И. Билалова обозначено как «познавательная культура», разбитая на множество разновидностей в соответствии с интересами, потребностями и другими свойствами субъектов творчества – этническими, религиозными, половозрастными и др. Скорее всего, проблема кроется в рациональном и иррациональном, логическом и чувственном, интуитивном и мистическом и других параметрах интеллектуального свойства этносов и индивидов. Разумеется, мы не собираемся генерировать культуру из этих гносеологических и философских рассуждений, а тем более, их копировать для выявления со-

циокультурных воздействий на математическую культуру. Хотя мы обращаем внимание на влияние разновидностей познавательной культуры различных этносов, наций и народов на математическую культуру.

Язык философии и математики значительно различается несмотря на то, что обе дисциплины являются универсальными и абстрактными науками. Ключевой особенностью математики выступает ее универсальный характер, позволяющий применять ее в различных областях знаний – от эмпирического до теоретического и метатеоретического уровней. Подобно философскому языку, математический аппарат находит применение во всех областях науки, оставаясь при этом независимым от конкретного эмпирического опыта.

В то же время подходы философии и математики к описанию реальности существенно отличаются. Философия опирается на предельные категории и понятия, формируя абстракции на основе восхождения от конкретного. В свою очередь, математика базируется на искусственном языке, использующем формально-логический метод, который значительно удален от реальности. Такая формализация является одновременно сильной и слабой стороной математики по сравнению с философией. Именно поэтому эти науки выполняют разные функции в процессе познания, несмотря на их всеобщий характер и интегрирующую роль.

Философия сосредоточена на изучении предельных вопросов бытия, требующих высокой степени абстракции. Современная математика также работает с абстрактными структурами, что позволяет определять ее как науку о «чистых формах» (П. С. Александров), «абстрактных структурах» (Н. Бурбаки) или «различных математических многообразиях» (Б. Риман, С. Ли). Все эти определения пересекаются и акцентируют внимание на исследовании идеальных сущностей, являющихся продуктом конструктивной деятельности математического мышления.

Американский математик и логик XX века Х. Карри разделяет математиков на две группы: контенсивистов, считающих, что математика имеет предметное содержание (например, числа, множества, отношения), и формалистов, для которых математика определяется скорее методом, чем предметом. Контенсивисты рассматривают математические утверждения как истинные, если они соответствуют фактам, в то время как формалисты подчеркивают значимость формализации¹.

На начальном этапе развития математики, называемом «предматематикой», возникали уникальные формы этноматематики, представляющие собой элементарные математические практики, обусловленные культурной спецификой. Исследования в рамках этноматематики подтверждают существование множества различных математик, каждая из которых отражает уни-

¹ *Kapri X.* Основания математической логики. – Москва, 1969. – 568 с. – URL: <https://djuv.online/file/4iBt0e2RBTC5K> (дата обращения: 18.09.2024).

кальные черты культурной среды, в которой она зародилась. Как указывает Б. Бартон, математическая культура тесно связана с особенностями самобытной культуры, что подчеркивалось еще Н. Я. Данилевским и О. Шпенглером. Формалистский подход, напротив, акцентирует внимание на методах, а не на предметах изучения математики¹.

На наш взгляд, второй этап в развитии математики характеризуется осознанием ее универсальности, уникальности и значимости, которые становятся очевидными для всех времен и народов. Современная математика выступает как теоретическая и академическая дисциплина, изучаемая в средних и высших учебных заведениях. Ее фундаментальные понятия, такие как «число», «числовая прямая», «симметрия», «прямая линия» и другие, сохраняют свою универсальность и остаются актуальными для различных культур (Метлов, 1976. С. 84). Обе представленные концепции математики можно считать обоснованными, так как они тесно связаны с ее историческим происхождением и развитием. Различные формы математики, упоминаемые исследователями, отражают последовательные этапы ее эволюции. Первый из этих этапов – так называемая «предматематика», которая получила подробное освещение в нашей кандидатской диссертации (Аскеров, 1999). С углублением обобщения и ростом уровня абстракции математика начинает охватывать все более сложные аспекты реального мира, постепенно переходя к изучению структур.

В развитии математики мы улавливаем удивительное (а вообще-то – естественное и вполне закономерное) свойство – параллелизм с развитием всеобщей философской познавательной культуры. Параллелизм здесь вовсе не риторическая фигура, речь не идет о расположении тождественных элементов речи в семантической структуре. Как ценности, скажем, этнические ценности генерируют идентичность этноса, становятся отправным пунктом для постепенного вызревания национальной, религиозной, а затем и некоей цивилизационной идентичности, так и категориальные ценности математической культуры эволюционируют от этноматематики до универсальных идей современной академической математики. Указанную динамику ценностей М. И. Билалов демонстрирует в ряде работ на примерах политических, нравственных и гносеологических идеалов и норм «в системе евразийских ценностей», которые впоследствии «могут быть отнесены к числу фундаментальных, образующих глобализационные стыки Запада и Востока» (Билалов, 2024. С. 197). Для демонстрации реального характера эволюции ценностей автор ссылается на конкретное философское наследие. При изучении онтологии исламского философа аль-Фараби исследователи выявляют элементы, заимствованные из мировоззрения древних тюрков, такие как космоцентризм,

¹ Barton B. Making sense of ethnomathematics: Ethnomathematics is making sense // Educational Studies in Mathematics. – 1996. – No. 31(1). – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/BF00143932> (дата обращения: 18.09.2024).

открытость, благоговение перед природой, гуманизм и высокий эстетический заряд. Эти идеи нашли свое отражение в этнических традициях, тенгрианстве и шаманизме. Со временем «данные элементы тюркской мыслительной традиции, наряду с философскими идеями арабоязычного перипатетизма и неоплатонизма, стали органической частью ценностей мусульманской цивилизации» (Телебаев, 2019. С. 297). То есть развитие человеческого духа свидетельствует о качественных метаморфозах познавательной культуры, когда ее отдельные свойства преемственно сохраняются в истории, обретая новое качество, более высокий уровень движения духа к сущности процессов.

В своем исследовании автор стремится показать глобальную эволюцию математической культуры и связать ее с изменениями в математической культуре Дагестана. Эта проблема имеет ключевое значение для образовательного процесса преподавания математики в школах и вузах региона. В настоящее время отдельные идеи уже находят применение, когда учителя интегрируют этнокультурные и национально-региональные компоненты, что способствует формированию математических понятий. На первом этапе этого процесса формируется так называемая «предматематика». С ростом уровня обобщения и абстракции математика начинает охватывать все больше аспектов реальной действительности. В перспективе идеи этноматематики могут быть реализованы в российских школах через внедрение принципа народности, развитие технологий, ориентированных на практическое и личностное обучение, а также через использование двуязычного и политехнического подходов в преподавании математики.

Список источников

Аскеров А. С. Формирование математических понятий в V–IX классах с учетом особенности дагестанской национальной школы: автореф. дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.02 / А. С. Аскеров. – Махачкала, 1999. – 15 с. – EDN NLNTPN.

Билалов М. И. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость [науки, философии, религии, народы, цивилизации, культуры] / М. И. Билалов. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2017. – 373 с. – ISBN 978-5-297-01936-2.

Билалов М. И. Концептуальный характер духовно-нравственных ценностей народов Евразийского содружества / М. И. Билалов // Материалы XVIII Международной научно-практической конференции «Новый ори-

References

Askerov A. S. Formation of Mathematical Concepts in Grades V–IX Taking into Account the Peculiarities of the Dagestan National School: Abstract of Candidate of Pedagogical Sciences Dissertation: 13.00.02. *Makhachkala*. 1999; 15 p. (In Russ.).

Bilalov M. I. Comprehensibility of Truth: Capability, Explainability, Expressibility [of Science, Philosophy, Religion, Peoples, Civilizations, Cultures]. *Makhachkala: Dagestanskoye knizhnoye izdatel'stvo = Makhachkala: Dagestan Book Publishing House*. 2017; 373 p. (In Russ.).

Bilalov M. I. "The Conceptual Nature of the Spiritual and Moral Values of the Peoples of the Eurasian Commonwealth". *Materialy XVIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konfer-*

ентир регионального развития – встраивание в Евразийскую экономическую перспективу» / под редакцией Г. Н. Сеидовой. – Ставрополь: Институт Дружбы народов Кавказа, 2024 – 346 с. – ISBN 978-5-903174-53-3.

Kappi X. Основания математической логики. – Москва, 1969. – 568 с.

Метлов В. И. Диалектика оснований и развития научного знания / В. И. Метлов // Вопросы философии. – 1976. – № 1. – С. 117–128.

Телебаев Г. «Тюркская философия: основные категории в исторической перспективе» / Г. Телебаев // Milli Fəlsəfə (Национальная философия / The National Philosophy). – № 08(19). – Баку: «Азербайджан» Нашрият, 2019. – С. 295–312.

Шпенглер О. Закат Европы. В 2 т. Т. 1 / О. Шпенглер. – Москва: Мысль, 1993. – 606 с.

entsii «Novyy oriyentir regional'nogo razvitiya – vstraivaniye v Yevraziyskuyu ekonomicheskuyu perspektivu». Pod redaktsiyey G. N. Seidovoy. Stavropol': Institut Druzhby narodov Kavkaza = Proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference “New Landmark of Regional Development. Integration into the Eurasian Economic Perspective”. edited by G. N. Seidova. Stavropol: Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus. 2024; 346 p. (In Russ.).

Curry H. Foundations of Mathematical Logic. Moscow. 1969; 568 p. (In Russ.).

Metlov V. I. Dialectics of the Foundations and Development of Scientific Knowledge. Voprosy filosofii = Questions of Philosophy. 1976; 1: 117-128 (In Russ.).

Telebayev G. “Turkic Philosophy: Basic Categories in Historical Perspective”. Milli Fəlsəfə (Natsional'naya filosofiya. The National Philosophy). Baku: «Azerbaydzhan» Nashriyat = Milli Fəlsəfə (National Philosophy. The National Philosophy). Baku: “Azerbaijan” Nashriyat. 2019; 08(19): 295-312 (In Russ.).

Spengler O. The Decline of Europe. In 2 vols. Vol. 1. Moskva: Mysl = Moscow: Though Publ. 1993; 606 p. (In Russ.).

Для цитирования: Аскеров А. С. О связи математической культуры с разновидностями познавательной культуры // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 1(71). – С. 124–131.

DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.8

EDN UGTIPN

История статьи:

Поступила в редакцию – 29.11.2024

Одобрена после рецензирования – 15.01.2025

Принята к публикации – 17.01.2025

Сведения об авторе

Аскеров Алаутдин Садитдинович

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики Дагестанского государственного педагогического университета, директор Профессионального образовательного частного учреждения «Гуманитарно-педагогический колледж»
SPIN-код: 5710-0272
AuthorID РИНЦ: 263412
askerov963@yandex.ru

Information about author

Alautdin S. Askerov

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Higher Mathematics, Dagestan State Pedagogical University; Director, Professional Educational Private Institution «Humanitarian and Pedagogical College»
askerov963@yandex.ru

О РОЛИ ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К (ПОСТ)ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

THE ROLE OF CULTURAL PHENOMENON IN TERMS OF TRANSITION TO (POST)INDUSTRIAL ECONOMY

М. В. Гречко*

ORCID: 0000-0002-8196-3807

А. А. Плешивецва*

ORCID: 0000-0001-7200-6100

Mikhail V. Grechko*

Anna A. Pleshivtseva*

* Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования. В текущий момент мы находимся точке фазной трансформации при переходе от индустриальной к (пост)индустриальной системе развития, в результате чего происходит качественная трансформация известных ранее феноменов и категорий. Применительно к постановке исследовательской задачи таковым выступает культурный фактор. Представленный текст посвящен исследованию качественного содержания, роли и значения культурного фактора при переходе к (пост)индустриальной модели развития экономики в контексте эволюционной динамики и трансформации макросистем, находящихся в различных фазных состояниях.

Методология исследования. Методологическая палитра исследования представлена следующими инструментами: диалектический метод, метод научной абстракции, функциональный подход, дополненный отдельными элементами институционального анализа.

Результаты исследования. Аргументировано, что культура является метакатегорией, которая в научном поле соотносится с концепциями практически всех без исключения

Objective of the study. Nowadays our society is at the point of phase transformation in the process of transition from industrial to (post)industrial system of development. It results in a qualitative transformation of previously known phenomena. The cultural factor is considered as one of them in the context of the research task. The article is devoted to the study of the qualitative content, role and significance of the cultural factor in the transition to the (post-)industrial model of economic development in terms of evolutionary dynamics and transformation of macrosystems in different phase states.

The methodological basis of the study. The methodological palette of the research is represented by the following tools: dialectical method, method of scientific abstraction and functional approach, supplemented by some elements of institutional analysis.

Results of the study. The author argues that culture is a meta-category, which correlates with the concepts of almost all without exception humanities and social sciences in the scientific

© Гречко М. В., 2025

© Плешивецва А. А., 2025

гуманитарных и общественных наук и зачастую используется без строгого определения. При движении к (пост)индустриальной экономике культура является важным элементом в системе производственных отношений, для перехода от репродуктивного к творческому труду, который создает культурный феномен и преодолевает отчуждение. Для прогресса культуры необходимо снятие отношений отчуждения; лишь в этом случае будет происходить качественное развитие креатосферы, служащей базисом (пост)индустрии. В тексте представлены качественные характеристики творческого труда, как основного элемента воспроизводства соответствующей культуры. Одним из институтов воспроизводства субъекта-носителя созидательного потенциала (пост)индустриальных изменений являются креативные индустрии.

Перспективы исследования. Дальнейшее развитие высказанных положений заключается в возможности исследования диалектики генезиса креативного класса и роли творческого труда в экономике XXI века.

Ключевые слова: культура, постиндустрия, эволюция, творческий труд, отчуждение, креативные индустрии

field and it is often used without a strict definition. Culture is an important element in the system of production relations for the transition from reproductive to creative labor during the transition to (post)industrial economy. It creates a cultural phenomenon and overcomes alienation. It is necessary to remove the relations of alienation for the progress of culture. Only in this case there will be a qualitative development of the creatosphere, which serves as the basis of (post)industry. The article presents the qualitative characteristics of creative labor as the main element of reproduction of the corresponding culture. Creative industries are one of the institutions of reproduction of the subject – the bearer of creative potential of (post)industrial changes.

Prospects of the study. Further development of the mentioned points are connected with the possibility of study the dialectics of the creative class genesis and the role of creative labor in the economy of the XXI century.

Keywords: culture, (post)industry, evolution, creative labor, alienation, creative industries

Культура и культурное творчество являются и интегральной целью, и объектом перво-степенной заботы философа.

(Н. А. Бердяев)

Искусство – это мера.

(А. П. Елдьшев)

Введение

Как известно, XXI век может быть определен как время глобальной трансформации идеологии, культуры, экономики, ценностей. Современный человек живет в технологически и социально изменяющемся неоднородном мире – пространстве, где активно воспроизводятся знаки и смыслы. Он постоянно должен адаптироваться, меняя как окружающую действительность, так и себя, т. е. выступая в качестве Творца.

В текущий момент мы находимся точке фазного перехода от индустриальной к (пост)индустриальной системе развития, который возможен вследствие разрешения диалектического противоречия одновременно сосуществующих качественно различных макрообъектов, находящихся в соответствующих фазах своего бытия. В процессе эволюционных переходов происходит как генезис абсолютно новых феноменов и категорий, так и качественная трансформация роли и значения уже известных. Одним из таковых является культурный фактор. Дальнейшее исследование роли культурного фактора, в аспекте перехода к (пост)индустриальной модели развития экономики, представляет собой значимую и достаточно слабо специфицированную научную проблему в современном поле общественных наук, требующую всесторонней проработки и конкретизации.

Обзор литературы по проблеме исследования

Введение в научный оборот феномена «культура» в контексте исследования экономической динамики причин формирования богатства наций, в ретроспективе, следует отнести к XVIII веку и работам классиков политической экономии. Ряд экономистов пытались содержательно определить то, что позднее будет названо «культурным контекстом» в экономической деятельности (Смит, 2020. С. 1056).

Позднее, в XIX веке К. Маркс (Маркс, 1960. С. 920), формируя контуры исторического развития, говорил о роли творческого труда как инструмента перехода от мира отчуждения к миру, где основная ценность – человек. Развитие идей классиков политической экономии находит свое дальнейшее преломление и развитие в работах К. Менгера (Менгер, 2005. С. 496), Т. Веблена и др. Так, по мнению автора теории праздного класса Т. Веблена, мы живем в мире денежной культуры, которая детерминирует соответствующие поведенческие установки и культурные феномены.

В XX веке взаимосвязь культуры и экономики в западной науке исследовали Д. Норт, Л. Харрисон (Harrison, 2000. Р. 348), С. Хантингтон, высказавший мысль, что культура имеет значение для развития экономики. Также нельзя не упомянуть работы Дж. Уоллиса, Б. Вайнгаста, С. Бастена (Basten, 2013. Р. 67–91), Д. Родрика (Rodric, 1996. Р. 9–41), Д. Аджемоглу, Г. Хофстеде, Р. Инглхартата (Инглхарт, 2011. С. 464) и др.

В отечественной науке исследования роли и значения культурного фактора в экономическом развитии отражены в работах Е. Г. Ясина (Ясин, 1998. С. 29–41), В. М. Полтеровича (Полтерович, 1998. С. 30–39), А. А. Аузана (Аузан, 2023. С. 160), Д. Л. Данилова и др. В частности, В. М. Полтерович является наряду с китайским экономистом Цянь Инью автором идеи т. н. «промежуточных институтов».

Что касается представителей марксизма во всех соответствующих школах и ответвлениях, то их вклад в исследовательский предмет отражен в ра-

ботах Г. Н. Цаголова (Цаголов, 2017. С. 267), А. В. Бузгалина (Бузгалин, Колганов, 2018. С. 904), А. И. Колганова, Л. С. Гребнева (Гребнев, 2012. С. 9), О. К. Ананьиной (Ананьин, 2007. С. 72), М. А. Стасева (Стасев, Гречко, 2023. С. 31), Lane D. (Lane, 2014. P. 112), Truel J. L. (Truel, 2015. P. 27), Freeman A. (Freeman, 2008. P. 41), Galbraith J. (Galbraith et al., 1999. P. 28), Arkhipov A. (Arkhipov et al., 2023. P. 143) и др. Следует отметить, что обозначенные авторы стремятся к диалектическому развитию методологии и теории К. Маркса, при этом делая акцент не только на реактуализации его идей.

Что касается авторского вклада в исследуемую проблему, то он представлен в ряде предшествующих публикаций (Гречко, 2016. С. 27; Гречко и др., 2022. С. 3709; Гречко, 2023. С. 116), выполненных в рамках диалектического метода, метода восхождения от абстрактного к конкретному и применением отдельных элементов инструментария поведенческих наук.

Методы и методология

В научной практике считается, что методологический инструментарий должен быть адекватен поставленной исследовательской проблеме. Следуя такой логике, сначала определим цель исследования и лишь затем приведем соответствующие доводы касемо востребованной методологии.

Исследовательская цель представленного текста состоит в идентификации качественного содержания, роли и значения культурного фактора в аспекте перехода к (пост)индустриальной модели развития экономики в эволюционной динамике трансформации макросистем, находящихся в различных фазных состояниях.

Методологическая палитра исследования представлена следующими инструментами. Остановимся на их представлении более детально.

Диалектический метод. Логика применения познавательного потенциала диалектического метода к процессу исследования влияния культурного фактора на переход к (пост)индустриальной модели развития экономики обусловлена тем, что он позволяет исследовать онтологию феномена, выявить системно-исторические черты и причинно-следственные связи между элементами. Исследуется вся совокупность форм бытия существующих субъектов-феноменов экономики, а также соответствующих отношений в их развитии.

Метод научной абстракции. В общественных науках применение научной абстракции обусловлено необходимостью системного представления и выведения категорий или законов. Одной из важнейших абстракций в координатах постиндустриальной экономической макросистемы выступает «творческий труд» как преодоление отчуждения и «распредмечивания» субъекта как феномена культуры.

Функциональный подход. Познавательный потенциал функционального подхода позволяет исследовать макросистемы в их постоянном воспроизводстве в том или ином качественном и количественном приложении.

Результаты исследования

Понятийная часть исследования логически начинается с содержательно-го представления понятий, феноменов и категорий. В нашем случае таковыми являются: во-первых, феномен «идеальное», служащий соответствующим базисом продуктивной деятельности и основой воспроизводства культурного феномена, и, во-вторых, категория «постиндустрия». В границах настоящего текста, говоря о постиндустрии, мы будем придерживаться точки зрения, опирающейся на высказанный ранее тезис об эволюционной динамике типов экономических систем, основанной на качественных трансформациях производительных сил. Основным компонентом производительных сил в (пост)индустриальной экономике выступает творческая деятельность, воспроизводящая культурные феномены (основанные на авторской идее, т. е. «идеальном» представлении) и трансформация природы материальных факторов производства (вместо сырья – знания, идеи, информация). В настоящий момент времени мы находимся в состоянии фазного перехода от текущей системы хозяйствования к более прогрессивной форме, опосредованной дискретной рекомбинацией материально-технического потенциала в соответствующие производительные силы (Arkhipov et al., 2023. P. 143–158).

Что касается феномена «идеальное» – это некое представление материального в другом материальном, которое формируется в процессе творческой деятельности. Результатом становится преобразование материального в соответствующий культурный феномен. При этом артикулируется, что именно творческая деятельность воспроизводит феномены культуры, которые можно только «распредмечивать», но нельзя «потребить».

Для человека видообразующей характеристикой является возможность оперирования вторичными моделирующими системами, такими как искусство, культура, наука. Индивид, осваивая культуру и воспроизводя культурный феномен посредством включенности в практику социального творчества, формирует качественно иное общественное бытие и становится социальным актором.

В 1999 г. WBG публично объявил, что культура является важнейшим компонентом экономического развития. Отмечено, что категория культура относится к т. н. метакатегориям, использование которых осуществляется представителями разных наук, что обуславливает одномоментное сосуществование ряда трактовок, позволяющих качественно раскрыть ее содержание (см. табл. 1).

Обобщая качественный анализ представленных трактовок, сформулируем следующие выводы:

- категория «культура» является объективной, т. е. существующей независимо от нашего восприятия и оценок;
- протейстическая природа культуры подчеркивает сложности в формальном определении данной категории;

Таблица 1

Качественный анализ трактовок метакатегории «культура»

<i>Автор</i>	<i>Аспекты, на которых концентрируется внимание исследователя</i>
К. Маркс	Культуре в структуре экономической системы принадлежит роль надстройки, однако способной стать одним из конституирующих условий для перехода от т. н. «мира отчуждения» к «царству свободы».
Ж. Бодрийяр	Расположение культуры в меняющемся универсуме осязаемых и неосязаемых социальных и экономических феноменов.
Г. Коши	Интерпретация культуры как социального актива, включенного в производительные функции единиц трудовой эффективности.
У. Джексон	Представление «культурного материализма» как средства реинтеграции культуры в экономику.
С-Х. М. Сяо	Культурные факторы должны рассматриваться как набор упорядоченных, институционализированных культурных образований на уровне общества.
Д. Норт	Культура – фундамент экономических процессов, что обуславливает необходимость рассмотрения «любого человеческого поведения как культурного».
А. Аузан	Культура имеет не меньшее значение для экономики, чем экономика для культуры. Культура воздействует на экономику посредством т. н. «культурных кодов», т. е. набора ценностей и поведенческих установок.

Источник: авторская разработка.

– в нашем представлении это метакатегория, которая в научном поле соотносится с концепциями практически всех без исключения гуманитарных и общественных наук и зачастую используется без строгого определения.

Что касается применения категории «культура» в экономике, то, с одной стороны, она определяется как убеждения, нравы, обычаи, ценности, которые свойственны соответствующей социальной группе или классу (например, классовая культура в СССР). С другой стороны, культура в экономике может раскрываться в функциональном аспекте, позволяя идентифицировать определенные виды хозяйственной деятельности. Посредством функциональной идентификации культуры производится формальное определение «культурных благ» и отдельных видов услуг как специфической формы в рамках экономического анализа. В приведенных трактовках культура определяется как некий феномен (в общефилософском значении – вещь), а не как процесс. Таким образом, в расширенном толковании, экономика и культура с полным основанием могут рассматриваться как две фундаментальные движущие силы, формирующие человеческое бытие.

Онтологически культура является гетерогенным динамическим и эволюционирующим феноменом, который познается при помощи опыта и ощущений. В целом, социально-историческая эпоха и эволюционное движение ци-

визации детерминированы не только качеством структуры экономической системы, но и сферой культуры, формирующей общественное сознание и воспроизводящей культурное пространство. Культура служит маркером для выявления особенностей отдельных социальных групп внутри общественного поля, охватывая, по мнению Р. Уильямсона, интеллектуальные и творческие функции индивида. Творческая деятельность трансформирует саму экономическую сущность человека, качественно обогащая ее и привнося качественно иные элементы в производственные отношения. Приведем соответствующие пояснения.

Как известно, значительный вклад в системное представление экономической сущности человека внесли представители т. н. классической политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс). Напомним, именно А. Смит впервые в экономической науке вводит в научный оборот концепцию *homo economicus* – «человека экономического». В своих теоретических построениях он основывался на заделе философов-политэкономов (Дж. Локк, Д. Юм), исследующих природу рационального, производящего человека. Именно *человек производящий* (*homo faber*) у А. Смита есть причина богатства народов.

Позднее К. Маркс, исследуя человека как носителя экономических отношений и главную производительную силу, доказал, что в основе его сущности находится общественная природа; человек – продукт общественных отношений. При этом экономическая природа человека внешне проявляется в хозяйственной практике.

Основным направлением развития человека будущего, по мнению Маркса, является всестороннее развитие творческой личности (*homo creator*), посредством активной трудовой деятельности, являющейся главной движущей силой этого процесса на пути к пониманию окружающей действительности и «царству свободы». *Homo creator* есть в каждом, однако господствующая система общественных отношений в рамках рыночного капитализма его уничтожает. Человек становится функцией капитала (наемный работник как «превращенная» форма человеческого капитала). Тем самым продукт труда отчужден от субъекта. Отчуждение может быть снято только в процессе социального творчества, т. е. «разотчуждения» как особого вида творческой деятельности, результатом которой является овеществление воспроизводимого (идеального) культурного феномена.

Воспроизводится человек как капитал в той мере, в какой труд превращается в творческий или репродуктивный. Подобного рода отчуждение порождает воспроизводство различных ценностных установок (неформальных институтов) и противоречий, возникающих вследствие дифференцированной культурной идентичности. Результатом разрешения противоречий является трансформация в отношениях господства/подчинения. Подобные изменения

свидетельствуют о качественных скачках и являются результатом сдвигов в соотношении противоположностей.

Разрешение имманентно присущих капитализму противоречий, равно как и снятие отчуждения посредством воспроизводства *homo creator*, невозможны без изменения господствующих общественных отношений при переходе к постиндустриальной экономике. Следует понимать, что развитие общественных отношений происходит либо на архаичном, либо на адекватном технологическом базисе.

Общественные отношения (производственные, экономические и социальные) составляют основу экономики, в общем ее понимании. Опираясь на результаты множества исследований в экономической науке, в общем виде структура общественных отношений в рамках (пост)индустриальной модели экономики состоит из трех элементов:

- 1) отношений, в которых присутствуют как минимум два активных субъекта;
- 2) отношений, возникающих по поводу соответствующего объекта – результата творческой деятельности;
- 3) отношений, которым присуще соответствующее содержание (возмездный, безвозмездный, эксплуатация, равенство и др.).

Воспроизводственный цикл общественных отношений обусловлен тем обстоятельством, что в рамках постиндустриальной экономики потребление неразрывно связано с производством, хотя и запаздывает в рамках фазы генезиса экономической системы по отношению к соответствующим производительным силам, что выражается в соответствующем диалектическом противоречии (Arkhipov et al., 2023. P. 143).

Переход к постиндустриальной экономике напрямую обусловлен соответствующими качественными трансформациями в структуре производительных сил, выражающихся в переходе от репродуктивного к творческому труду, создающего культурный феномен. При этом культура оказывает значимое влияние на скорость и направление экономического развития в рамках конкретного ценностного кода нации. Иными словами, воспроизводство культурного феномена может быть реализовано только в рамках реальной хозяйственной практики с учетом специфики конкретных общественных отношений.

В соответствии со сказанным, считаем необходимым зафиксировать и тот факт, что в отечественном научно-публицистическом поле все отчетливее начинает звучать нарратив о необходимости отказа от существующей модели развития, основанной на инновациях, НТП и создании добавочной стоимости за счет перераспределения эмиссионного долга. Необходим концептуальный переход к экономике, базирующейся на творческом труде как основном элементе прогрессивных производительных сил. Однако для того, чтобы все это стало реальностью, следует выполнить ряд условий, одним из которых

является обязательное снятие существующих отношений отчуждения, существующих в рамках господства рынка и капиталистического способа производства.

Далее, опираясь на познавательный потенциал функционального подхода и метода научной абстракции, представим качественные характеристики творческого труда как основного элемента воспроизводства соответствующей культуры в рамках перехода к постиндустриальной экономике.

Во-первых, продукт творческого труда нельзя «потребить» в привычном смысле слова. Главное – идея, т. е. идеальное. Продукт творческой деятельности можно только распродметить – «вытащить» идею.

Во-вторых, «распродметить» продукт творческой деятельности можно только в другой творческой деятельности. Отсюда следствие: творчество создает феномены культуры, которые можно только «распродмечивать», а «распродмечивание» – это труд, причем не обязательно продуктивный.

В-третьих, «распродмечивание» происходит во времени и пространстве. Парадоксально, но процесс сотворчества не живет вне материального мира репродуктивного производства. В процессе творческой деятельности происходит появление чего-то нового, как результат субъект-субъектного диалога в пространстве и времени.

В-четвертых, культурная ценность получаемого продукта всеобща и не ограничена в использовании; культурные феномены неконкурентны.

В-пятых, творческий труд есть инструмент для качественного развития человека, познания и преобразования окружающей действительности. Для творческой деятельности нет границы между рабочим временем и досугом. Свободное время выступает одновременно и как мотив и как ресурс. Кроме того, творческий труд включает в себя массу репродуктивных функций и развивается вследствие возникающего диалектического противоречия.

Следствием вышесказанного является вывод, согласно которому культурный феномен достаточно плохо воспроизводится в условиях рынка и капиталистического способа производства. В качестве примера можно привести СССР, в котором культура получила высочайшую степень развития вне рыночных отношений в рамках социалистической модели общественного устройства. Разрушение СССР и переход от социализма к капитализму, то есть на более низкую ступень общественного развития, обернулись для России невосполнимыми потерями, в том числе и в культурном плане.

Обсуждение

Культура, являясь надстройкой, выступает как системное условие для перехода от т. н. «мира отчуждения» к «царству свободы». Сегодня при переходе к постиндустриальной экономике возникает крайне актуальная проблема: диалектика одномоментного сосуществования в рамках «мира отчуждения» репродуктивного и творческого труда (отношений отчуждения и креатосферы).

Не вызывает сомнений, что для дальнейшего прогресса культуры необходимо снятие отношений отчуждения. Лишь в этом случае будет происходить качественное развитие креатосферы, служащей базисом постиндустрии. Для решения поставленной проблемы необходима трансформация существующей структуры системы общественных отношений: перераспределение трудовых ресурсов в сферы, где востребован творческий труд¹. Предположительно, таковыми являются креативные индустрии. Поясним высказанную мысль.

В современной модели развития, основанной на массовизации инновационно-креативных практик, главным субъектом рынка является креативный предприниматель (капиталист), который отвечает за адаптивность и экономическую эффективность посредством формирования институций для расширенного воспроизводства творческого труда. Несомненно, в сложившихся условиях востребовано расширенное воспроизводство как субъекта-носителя созидательного потенциала социально-экономических изменений, так и адекватных креативных институтов. Подобным институтом являются креативные индустрии. Креативные индустрии (creative industries) наряду с цифровыми платформами составляют каркас построения экономики постиндустрии. В основе креативных индустрий лежат эмоциональный интеллект и соответствующие инструменты его продуцирующие.

Сегодня креативные индустрии классифицируются как некая система, посредством своей конструктивной природы аккумулирующая в себе сложно структурированную информацию; объединяющим компонентом здесь выступает творческая составляющая. Драйвером развития данной сферы являются цифровые технологии. Показательна статистика, согласно которой капитализация предприятий соответствующих индустрий около 2,3 трлн, долл. США и свыше 30 млн занятых.

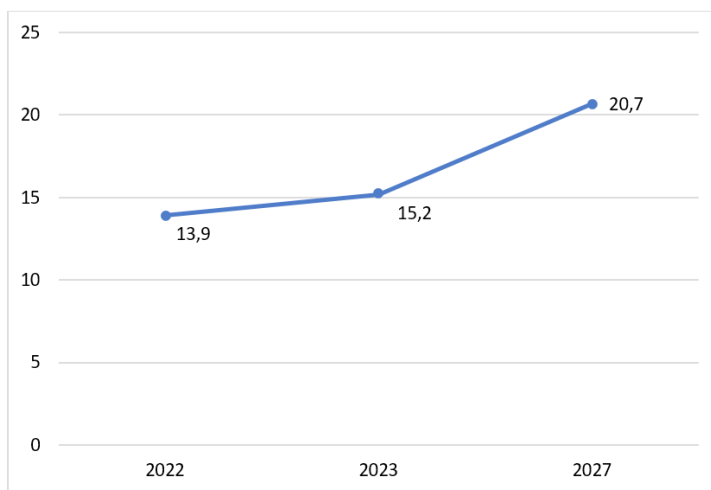
Что касается отечественной экономики, то вклад креативных индустрий в ВВП пока недостаточен для совершения качественного скачка в этом направлении². Отметим, что в России, по различным оценкам, около 2 % ВВП приходится на креативные индустрии, в то время как среднемировое значение находится на уровне 6 % от ВВП. В 2019 г. объем рынка креативных индустрий составил 3,8 трлн руб.

По оценке UNESCO, в 2022 году вклад креативных индустрий и соответствующих секторов в глобальный ВВП оценивался на уровне 3 %, а доля занятых 6,2 %. В глобальном разрезе мы можем обнаружить, что креативные индустрии и ИТ-услуги выступают в качестве одной из моделей развития т. н. экономики

¹ *Справка:* отметим, творчество в общественном сознании ассоциируется с воспроизводством качественно прогрессивных форм в любой сфере общественной деятельности. Также творчество связывается со сферой формирования нравственных ценностей, культуры, искусства, литературы (т. е. традиционно «нерыночных»).

² *Справка:* по оценкам ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, составил 2,64 %.

услуг. Согласно статистическим оценкам, прогнозируется рост рынка IT-услуг с 94,12 млрд долл. (2021 г.) до 211,79 млрд долл. (2030 г.)¹. В свете сказанного показателен повышательный тренд роста рынка сервиса в мире (рис. 1).

Рис. 1. Прогноз роста рынка сервиса в мире (трлн долл.)

Источник: составлено автором с использованием: Statista (2024). URL: <https://www.statista.com> (дата обращения: 03.08.2024).

Показательна также тенденция трансформации современного рынка изолированных и обособленных производителей креативных продуктов и услуг в тотальный рынок сетей, контролируемый глобальным капиталом и ТНК. Однако именно расширенное воспроизводство креативных индустрий способно развернуть подобный тренд, преодолевая отношения отчуждения путем выстраивания партнерских взаимодействий и совладения результатами труда.

В качестве некоего резюме отметим, что для снятия отношений отчуждения востребованы соответствующие предпосылки культурного прогресса. В первичном приближении таковых можно выделить три.

Во-первых, необходим рост производительности труда с опорой на соответствующие культурные формы, обеспечивающий соответствующий прогресс производительных сил, основой которых выступают творческий труд и креативные индустрии.

Во-вторых, необходим прогресс личных качеств человека для скачка «по ту сторону» материального производства.

В-третьих, необходимо развитие т. н. креативного протокласса, сочетающего в себе набор как индустриальных, так и постиндустриальных характеристик и образующего т. н. второй эшелон формирования посткапитализма,

¹ По данным Straits Research (2024). IT Services Market. – URL: <https://straitresearch.com/report/it-services-market> (дата обращения: 03.08.2024).

в рамках которого воспроизводятся элементы/параметры новой социально-экономической системы, направленные на прогресс развития Человека.

Подводя итог, заметим, что культура не есть нечто заданное. Это одно из условий человеческой жизнедеятельности, цивилизационного и экономического развития. В современной позднекапиталистической эпохе человек постепенно трансформировался в функциональный придаток господствующих сил отчуждения, таких как тотальный рынок, информационные технологии (воспроизводящие «знаки» и «символы»), социальные цифровые платформы и т. д. Затруднена оценка объективной реальности, которая воспринимается сквозь призму превращенных форм и трансценденций. В итоге мы получаем разворачивающуюся практику цифрового и функционального рабства, в рамках которого происходит замещение творческого потенциала личности различного рода цифровыми технологиями и симулякрами.

В условиях цифровой цивилизации наш внутренний мир превращается в мозаично-хаотичное образование. Именно культура, по нашему мнению, способна собрать из осколков единую картину-образ, тем самым провоцируя сознание к критическому осмыслению реальности. Сегодня миллионы людей чувствуют себя «отчужденными» – вырванными из привычной системы координат, которая складывалась эволюционно не одно столетие. Нет выработанных новых механизмов, позволяющих формировать из хаоса новую общественную систему. Современный мир позднего капитализма управляется инфлюенсерами, т. н. «лидерами мнений», которые достаточно примитивны и работают в узких горизонтах планирования и управления.

Таким образом, в начале XXI века настоятельно востребован разворот экономической системы к «царству свободы». «Царство свободы» есть диалектическое отрицание отчужденной жизни, выступающей как элемент предыстории. Это путь к креатосфере и построению соответствующей системы, способствующей максимальному прогрессу творческих потенций Человека. В данном процессе можно выделить как минимум наличие двух фаз: фазы формального освобождения труда (творческая деятельность характерна для отдельных сфер – креативных) и фазы реального освобождения труда (гармония творческого содержания труда и общественная форма его выражения). Сегодня мы находимся только в начале соответствующего пути, однако общий вектор движения уже прослеживается достаточно отчетливо...

Заключение

Проведенное исследование позволило получить следующие выводы, отраженные в представленных ниже положениях:

Во-первых, в тексте дано терминологическое определение категории «культура», являющейся метакатегорией, которая в научном поле соотносится с концепциями практически всех без исключения гуманитарных и общественных наук и зачастую используется без строгого определения.

Во-вторых, аргументировано, что процесс движения производственных отношений (их воспроизводственный цикл) обусловлен тем обстоятельством, что в рамках (пост)индустриальной экономики потребление неразрывно связано с производством, хотя и запаздывает в рамках фазы генезиса экономической системы по отношению к соответствующим производительным силам, что выражается в соответствующем диалектическом противоречии.

В-третьих, приведена система аргументов, о том, что при переходе к постиндустриальной экономике культура является важным элементом в системе производственных отношений и служит для перехода от репродуктивного к творческому труду, который создает культурный феномен и преодолевает отчуждение. Для прогресса культуры необходимо снятие отношений отчуждения; лишь в этом случае будет происходить качественное развитие креатосферы, служащей базисом постиндустрии.

В-четвертых, опираясь на познавательный потенциал функционального подхода и метода научной абстракции, представлены качественные характеристики творческого труда как основного элемента воспроизводства соответствующей культуры в рамках перехода к (пост)индустриальной экономике.

В-пятых, определено, что одним из институтов воспроизводства субъекта – носителя созидательного потенциала постиндустриальных изменений, являются креативные индустрии.

Список источников

Ананьин О. Карл Маркс и его «Капитал»: из девятнадцатого в двадцать первый век / О. Ананьин // Вопросы экономики. – 2007. – № 9. – С. 72–86. – DOI 10.32609/0042-8736-2007-9-72-86. – EDN JVJAYV.

Аузан А. А. Культурные коды экономики: как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2023. – 1472 с. – ISBN 978-5-17-148122-3.

Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. Т. 2: Теория: глобальная гегемония капитала и ее пределы. В 2 т. – Москва: ООО «ЛЕНАНД», 2018. – 904 с. – ISBN 978-5-9710-1634-2.

Гребнев Л. С. Политическая экономия «по Марксу»: реанимация или развитие? / Л. С. Гребнев // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10, № 2. – С. 9–11. – EDN PUVOEP.

Гречко М. В. Исследование взаимосвязи новых общественных ценностей и развития отечественной экономики / М. В. Гречко // Конкурентоспособность в глобальном мире:

References

Ananyin O. Karl Marx and his «Capital»: from the nineteenth to the twenty-first century. *Voprosy ekonomiki = Economic issues*. 2007; 9: 72-86. DOI 10.32609/0042-8736-2007-9-72-86 (In Russ.).

Auzan A. A. Cultural codes of the economy: how values influence competition, democracy and the well-being of the people. *Moskva: OOO "Izdatelstvo AST" = Moscow: AST Publishing House LLC*. 2023; 1472 (In Russ.).

Buzgalin A. V., Kolganov A. I. Global capital. Vol. 2: Theory: the global hegemony of capital and its limits. In 2 volumes. *Moskva: OOO "LENAND" = Moscow: LLC LENAND*. 2018. 904 p. (In Russ.).

Grebnev L. S. Political economy «according to Marx»: resuscitation or development? *Terra Economicus = Terra Economicus*. 2012; 10 (2): 9-11 (In Russ.).

Grechko M. V. Study of the relationship between new social values and the development of the domestic economy. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka,*

экономика, наука, технологии. – 2016. – № 1(13). – С. 27–33. – EDN WIJSNT.

Гречко М. В. О диалектическом подходе к исследованию эволюции экономических систем / М. В. Гречко // Вопросы политической экономии. – 2023. – № 3. – С. 116–130. – DOI 10.5281/zenodo.8320052. – EDN VCMKQL.

Гречко М. В. Эволюция экономических систем: диалектика развития / М. В. Гречко, А. А. Плешивцева, Л. А. Кобина // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16, № 10. – С. 3709–3726. – DOI 10.18334/ce.16.10.116421. – EDN LMGMMK.

Инглхарт Р. Модернизация, культурные ценности и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – Москва: ООО «Новое издательство». 2011. – 464 с. – ISBN 978-5-98379-144-2.

Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т. 23. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 908 с.

Менгер К. Избранные работы / К. Менгер. – Москва: ООО Издательский дом «Территория будущего». 2005. – 495 с. – ISBN 5-7333-0175-9.

Полтерович В. М. Факторы коррупции / В. М. Полтерович // Экономика и математические методы. – 1998. – Т. 34, № 3. – С. 30–39.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит; [перевод с английского П. Клюкина]. – Москва: Эксмо, 2020. – 1056 с. – ISBN 978-5-17-117450-7.

Стасев М. А. Представление структурно-логической модели процесса повышения конкурентоспособности специалистов креативной индустрии (на примере сферы услуг) / М. А. Стасев, М. В. Гречко // Сервис в России и за рубежом. – 2023. – Т. 17, № 5 (107). – С. 31–44. – DOI 10.5281/zenodo.10420682. – EDN HNODVS.

Цаголов Г. Н. Сквозь призму времени марксист с особо человеческим лицом / Г. Н. Цаголов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2017. – Т. 204, № 2. – С. 142–152. – EDN ZEGVXZ.

Ясин Е. Г. Российская экономика и экономическая политика // Общество и экономика – 1998. – № 1, – с. 29–41.

tehnologii = Competitiveness in the global world: economics, science, technology. 2016; 1 (13): 27-33 (In Russ.).

Grechko M. V. On the dialectical approach to the study of the evolution of economic systems. *Voprosy politicheskoy ekonomii = Issues of political economy.* 2023; 3: 116-130. – DOI 10.5281/zenodo.8320052 (In Russ.).

Grechko M. V., Pleshivtseva A. A., Kobina L. A. Evolution of economic systems: the dialectic of development. *Kreativnaya ekonomika = Creative economy.* 2022; 16 (10): 3709-3726. DOI 10.18334/ce.16.10.116421 (In Russ.).

Inglehart R., Welzel K. Modernization, cultural values, and democracy: the sequence of human development. *Moskva: OOO "Novoye izdatel'stvo" = Moscow: LLC "New Publishing House".* 2011; 464 p. (In Russ.).

Marx K., Engels F. Capital. Vol. 1. Marx K., Engels F. Works. 2nd edition. Vol. 23. *Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury = Moscow: State Publishing House of Political Literature.* 1960; 908 p. (In Russ.).

Menger K. Selected Works. *Moskva: OOO Izdatel'skiy dom "Territoriya budushchego" = Moscow: LLC Publishing House "Territory of the Future".* 2005; 495 p. (In Russ.).

Polterovich V. M. Factors of Corruption. *Ekonomika i matematicheskiye metody = Economics and Mathematical Methods.* 1998; 34; 3: 30-39 (In Russ.).

Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations [translated from English by P. Klyukin]. *Moskva: Eksmo = Moscow: Eksmo.* 2020; 1056 p. (In Russ.).

Stasev M. A., Grechko M. V. Presentation of a structural and logical model of the process of increasing the competitiveness of creative industry specialists (using the service sector as an example). *Servis v Rossii i za rubezhom = Service in Russia and Abroad.* 2023; 17. 5 (107): 31-44. DOI 10.5281/zenodo.10420682 (In Russ.).

Tsagolov G. N. Through the prism of time, a Marxist with a particularly human face. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia.* 2017; 204 (2): 142-152 (In Russ.).

Yasin E. G. Russian Economy and Economic Policy. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economy.* 1998; 1: 29-41 (In Russ.).

Arkhipov A. Y. Dialectics of the evolution of economic systems / A. Y. Arkhipov, V. N. Kurochkin, S. G. Goriainov, M. V. Grechko, M. A. Stasev // *International Journal of Trade and Global Markets*. – 2023. – Vol. 18, No. 2-3. – P. 143–158. – DOI: 10.1504/IJTGM.2023.135615.

Basten C. Beyond work ethic: Religion, individual, and political preferences / C. Basten, F. Betz // *American Economic Journal: Economic Policy*. – 2013. – No. 5 (3). – P. 67–91.

Freeman A. Culture, Creativity and Innovation in the Internet Age; seminar presentation to the Freeman institute, Sussex University, 31st October 2008 / A. Freeman. – P. 41.

Galbraith J. K. Inequality and Unemployment in Europe: The American Cure / J. K. Galbraith, P. Conceicao, P. Ferreira. – *New Left Review*. 1999. – P. 28–51.

Harrison L. E. Culture matters: How values shape human progress / L. E. Harrison, S. P. Huntington. – NY: Basic books, 2000.

Lane D. Unemployment and Transformation: Incidence, Policies and Remedies. // *Sotsiologiya (Kiev Academy of Sciences)*. – 2014. – No 1. – P. 112–131.

Rodric D. Understanding Economic Policy Reform / D. Rodric // *Journal of Economic Literature*. – 1996. – Vol. XXXIV. – P. 9–41.

Truel J. L. Innovation as a Factor of Re-Industrialisation: Concrete Example / J. L. Truel // *Theoretical economy*. – 2015. – No. 5. – P. 25–29.

Arkhipov A. Y., Kurochkin V. N., Goriainov S. G., Grechko M. V., Stasev M. A. Dialectics of the evolution of economic systems. *International Journal of Trade and Global Markets*. 2023; 18; 2-3: 143-158. DOI: 10.1504/IJTGM.2023.135615.

Basten C., Betz F. Beyond work ethic: Religion, individual, and political preferences. *American Economic Journal: Economic Policy*. 2013; 5 (3): 67-91.

Freeman A. Culture, Creativity and Innovation in the Internet Age; seminar presentation to the Freeman institute, Sussex University, 31st October. 2008; p. 41.

Galbraith J. K., Conceicao P., Ferreira P. Inequality and Unemployment in Europe: The American Cure. *New Left Review*, 1999; 28-51.

Harrison L. E., Huntington S. P. Culture matters: How values shape human progress. NY: Basic books. 2000.

Lane D. Unemployment and Transformation: Incidence, Policies and Remedies. *Sotsiologiya (Kiev Academy of Sciences)*. 2014; 1: 112-131.

Rodric D. Understanding Economic Policy Reform. *Journal of Economic Literature*. 1996; XXXIV: 9-41.

Truel J. L. Innovation as a Factor of Re-Industrialisation: Concrete Exmpl. *Theoretical economy*. 2015; 5: 25-29.

Для цитирования: Гречко М. В., Плешивцева А. А. О роли феномена культуры в контексте перехода к постиндустриальной экономике // *Гуманитарий Юга России*. – 2025. – Т. 14. – № 1 (71). – С. 132–147. DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.9 EDN PCBDPJ

История статьи:

Поступила в редакцию – 12.12.2024

Одобрена после рецензирования –
16.01.2025

Принята после публикации – 17.01.2025

Сведения об авторах

Гречко Михаил Викторович

Кандидат экономических наук, доцент
института туризма, сервиса и креативных
индустрий Южного федерального
университета
SPIN-код: 1943-6396
AuthorID РИНЦ: 303065
mygrechko@inbox.ru

Плешивцева Анна Алексеевна

Кандидат экономических наук, доцент
института туризма, сервиса и креативных
индустрий Южного федерального
университета
SPIN-код: 6264-5815
AuthorID: 999584
pleshivtseva_anna@mail.ru

Information about authors

Mikhail V. Grechko

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Institute of Tourism,
Service and Creative Industries,
Southern Federal University
WoS. ResearcherID: AAU-1891-2020
Scopus AuthorID: 57224404888
mygrechko@inbox.ru

Anna A. Pleshivtseva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Institute of Tourism,
Service and Creative Industries,
Southern Federal University,
pleshivtseva_anna@mail.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

**ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ
РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ
ПОЛИТИКИ
В НАЦИОНАЛЬНО-
СИТУАТИВНОМ КОНТЕКСТЕ**

**HISTORICAL LESSONS
OF THE IMPLEMENTATION
OF LANGUAGE POLICY
IN A NATIONAL SITUATIONAL
CONTEXT**

Д. Н. Иванова*

ORCID: 0000-0003-3824-7300

А. Ю. Поленова*

ORCID: 0000-0001-9473-2066

Dinara N. Ivanova*

Anna Yu. Polenova*

** Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия*

** Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования – на примере периодов СССР и постсоветского пространства рассмотреть социально-исторические уроки реализации языковой политики в национально-ситуативном контексте.

The objective of the study is to examine the socio-historical lessons of the implementation of language policy in a national-situational context using the case of the USSR and the post-Soviet space.

Методологическая база исследования. В статье предпринята попытка сделать определенные выводы на основе анализа конкретных практических решений в области языковой политики и планирования в разные исторические периоды в нашей стране. Основным инструментом исследования в данной работе стал исторический метод, причем акцент авторы делают на кратком описании разных аспектов конвенциональной исторической парадигмы, а также проблем и парадоксов, возникающих в обозначенном поле исследования.

Methodological basis of the study. The article attempts to draw certain conclusions based on the analysis of specific practical solutions in the field of language policy and planning in different historical periods in our country. The main methodological tool in this work is the historical method, and the authors focus on a brief description of various aspects of the conventional historical paradigm, as well as problems and paradoxes arising in the designated field of research.

Результаты исследования. Авторы статьи отмечают, что в контексте стремительно меняющейся геополитической ситуации

Results of the study. The authors of the article note that in the context of the rapidly changing geopolitical situation, the issues of language

© Иванова Д. Н., 2025

© Поленова А. Ю., 2025

вопросы языковой политики – как важной части политики национальной, приобретающей особое звучание. В статье рассмотрены следующие этапы в проведении языковой политики: алфавитная революция, языковая ассимиляция, реализуемая в основном через русификацию, трансформация русского языка во второй родной и, наконец, ориентация на этническое возрождение через развитие миноритарных языков. В нестабильные периоды истории в общественных умонастроениях доминирующими становились призывы к возрождению этнической идентичности. В такие эпохи символическая роль миноритарных языков, безусловно, повышалась с точки зрения разграничения «свой – чужой». Авторы работы делают вывод, что суть языковой политики на всех исторических этапах заключалась не в решении языковых вопросов, а главным образом, в идеологизации через язык и культуру.

Перспективы исследования. Мы считаем, что сделать правильные выводы и выработать эффективные механизмы решения проблем в конкретном региональном и историческом контексте без подробного анализа отечественного и зарубежного опыта довольно трудно. Мы также придерживаемся мнения, что нельзя игнорировать исследования советского периода по данной проблематике. В перспективе было бы интересно более подробно изучить методологический инструментарий решения социолингвистических проблем. Только максимально полная и точная методологическая картина может помочь найти оптимальные пути разрешения этнических разногласий в языковом поле.

Ключевые слова: языковая политика, языковое планирование, языковая ассимиляция, русификация, идеологизация, второй родной язык, этнократия, мажоритарный язык, миноритарный язык, языковые права

policy as an important part of national policy acquire a special sound. The article offers insight into the next stages in the implementation of language policy: the alphabetic revolution, linguistic assimilation, implemented mainly through russification, the transformation of the Russian language into a second native language and, finally, orientation towards ethnic revival through the development of minority languages. In unstable periods of history, calls for the revival of ethnic identity became dominant in public attitudes. In such epochs, the symbolic role of minority languages, of course, increased from the point of view of the distinction between «friend and foe». The authors conclude that the essence of language policy at all historical stages was not to solve language issues, but mainly to ideologize through language and culture.

Prospects of the study. We believe that it is quite difficult to draw the right conclusions and develop effective mechanisms for solving problems in a specific regional and historical context without a detailed analysis of domestic and foreign experience. We also hold the opinion that research from the Soviet period on this issue cannot be ignored. In the future, it would be interesting to study in more detail the methodological tools for solving sociolinguistic problems. Only the most complete and accurate methodological picture can help find optimal ways to resolve ethnic differences in the language field.

Keywords: language policy, language planning, language assimilation, russification, ideologization, second mother tongue, ethnocracy, majority language, minority language, language rights

Введение

В данной работе авторы попытались рассмотреть магистральные тренды, характеризующие особенности реализации языковой политики в Российской Федерации и СССР в разные исторические периоды, причем акцент сделан на выводах исторического опыта.

Материалы и методы

В статье предпринята попытка сделать определенные выводы на основе анализа конкретных практических решений в области языковой политики и планирования в разные исторические периоды в нашей стране. Историческая перспектива занимает важное место в большинстве публикаций, посвященных вопросам языковой политики, как на микроуровне межличностной коммуникации, так и на национальном макроуровне. В своих рассуждениях мы исходим из пресуппозиции, что в истории существует достаточно большое количество эмпирически проверенных примеров, анализ которых может помочь объяснить и прогнозировать современные тенденции социолингвистической динамики.

Результаты исследования

Реализация языковой политики: исторические уроки

Наша страна всегда воспринималась как многонациональное государство и фактически была им. На протяжении многовековой истории ее существования языковая политика постоянно менялась и не отличалась особой последовательностью. В этом плане, учитывая стремительный характер перемен, возникающих время от времени во всех сферах жизни в нашей стране, анализ исторического опыта будет иметь уникальную практическую значимость. Для западного мира столь радикальные и драматичные социальные сдвиги, сжатые в пространстве и времени, не совсем характерны. Поэтому ретроспективный анализ практических решений в области реализации языковой политики и исторические уроки, которые можно извлечь, дают обширный эмпирический материал гипотетически и для других национально-ситуативных контекстов.

Как было сказано выше, стремление к интеграции практически всегда лежало в основе российской языковой политики в различные исторические периоды. Однако данное направление языковой политики получало противоречивые оценки исследователей и неоднократно подвергалось критике. Но даже поверхностный компаративный анализ языковой ситуации той исторической эпохи в Российской империи с тем, что сложился в большинстве стран Европы в XIX и в первой половине XX веков, показывает, что сравнение будет не в пользу западной цивилизации. В качестве примера можно привести установку на наказание учеников в Великобритании, а более конкретно в Уэльсе, за любое произнесенное ими слово на материнском языке (Williamson, 1991). Мы также не можем не вспомнить относительно недавний скандал в запад-

ной прессе, который раскрыл правду общественности о школах-интернатах в Канаде и США, предназначенных для коренных народов, в первую очередь, индейцев, в которых были под запретом не только материнские языки, но и другие элементы их родной культуры.

Великая Октябрьская революция, свершившиеся в 1917 году, заложила в качестве базиса проведения национальной языковой политики необходимость способствовать формированию культурной и языковой идентичности для всех этносов, которые проживали на территории нашего государства в тот период времени. Именно этим стремлением продиктовано принятие резолюции о национальной политике XX съездом РКП(б) в 1921 году, в которой говорилось о необходимости перевести работу практически всех государственных учреждений на этнические языки.

Одним из пионеров, кто откровенно сформулировал мечту пролетариата о победе коммунистической идеологии во всем мире, был Н. Я. Марр, который в начале 20-х годов XX века призывал перейти на всемирный язык, а любую форму языкового планирования рассматривал как «паллиатив», иными словами, как нечто не имеющее четких ориентиров и дефиниций. В то время многие искренне верили во всемирную победу коммунизма, а как следствие, в рождение и распространение всемирного языка, понятного всем жителям нашей планеты (Марр, 1993).

Очевидно, что в самом начале своего существования советская власть четко сформулировала цели и задачи языковой политики, отвечающие общественным умонастроениям той исторической эпохи. Даже в западной научной масли было отмечено, что «среди русских революционных партий лишь у большевиков была конкретная программа действий по отношению к этническим меньшинствам» (Light, 2001).

Но успешной реализации новой языковой политики препятствовал тот факт, что многие языки были недостаточно развиты. Только некоторые народности в СССР 1920-х годов имели научно разработанные литературные нормы языка и письменность. Такая ситуация актуализировала практическую задачу по созданию письменности на таких языках, к решению которой были привлечены многие видные ученые того времени. Среди них стоит отметить Н. Ф. Яковлева, Е. Д. Поливанова, Л. П. Якубинского, Н. Н. Поппе и Д. В. Бубриха.

Ретроспективный анализ каждого из этапов развития языковой политики в национально-ситуативном контексте подтверждает тот факт, что все они по отдельности занимали достаточно много времени и заслуживают отдельного изучения. Например, на введение латиницы, а позже кириллицы как основ для создания письменности для народностей СССР понадобились десятилетия. Однако длительность трансформационных процессов не должна нивелировать признание того, что переход на новые алфавиты, а зачастую

их внедрение в языки, у которых алфавиты вообще отсутствовали, а также создание на их основе письменности, задавал новые ориентиры и имел явные идеологические обоснования. Сегодня сама идея перехода с латиницы на кириллицу (или наоборот) воспринималась бы очень отрицательно в любом обществе. Тем не менее западные лингвисты не могут не признавать тот факт, что данная мера была продиктована чисто практическими обоснованиями: обстановка в стране требовала развития единого языка, в качестве которого был выбран русский (Иванова, Поленова, 2022).

Центральное место в реализации языковой политики в молодом советском государстве занимал процесс внедрения русского языка во все сферы жизни. Как признают отечественные и западные специалисты, занимающиеся вопросами языковой политики, одним из ключевых событий, повлиявшим на дальнейшее продвижение миноритарных языков в нашей стране и, как следствие, определившим судьбу носителей этих языков, явилось постановление ЦК ВКП(б) от 1938 года «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Коль мы исходим из того, что данное постановление сыграло решающую роль в экспансии русского языка на всей территории нашей многонациональной страны, то необходимо отметить, что оно продолжало работать и в постсоветской России вплоть до 1994 года.

Обратим внимание на то, что реализация новых стратегий и тактик в области языковой политики и планирования шла не только в русле распространения русского языка. Являясь неотъемлемой и наиболее заметной частью языковой политики в то время, русификация актуализировала еще одну тенденцию, направленную на вытеснение более мелких языков (миноритарных) более крупными (мажоритарными). Здесь, однако, требуется одна существенная оговорка. К таким мажоритарным языкам относился не только русский язык, но и все языки, имеющие статус региональных и титульных республиканских языков. Какую реакцию вызвал этот процесс у местного населения? Ведь по поводу языковой ассимиляции нередко возникают конфликты, а сам процесс редко проходит гладко. Естественно, что картина реакции со стороны местного населения была очень многогранной и противоречивой. Разберем конкретный пример перехода на мажоритарные языки в Абхазии и Южной Осетии. В конце 1930-х годов грузинский язык (мажоритарный) начал активно вытеснять местные (миноритарные) языки. При этом реакция местного населения на языковую ассимиляцию была неоднозначной. Традиционно абхазы и осетины всегда крайне негативно относились к переходу на грузинский язык, иными словами, грузинизации. И для абхазов, к примеру, переход на русский язык воспринимался как нечто более предпочтительное, чем насильственная культурная ассимиляция и переход на грузинский язык. Что касается сванов и мегрелов, то они, как правило, не демонстрировали негативное отношение к грузинскому языку. А. Е. Кибрик следующим образом

сказал об этом: «Несмотря на значительное количество сванов, многие сваны в качестве родного языка называют грузинский» (Кибрик, 1992. С. 70).

Анализ социолингвистической динамики в области языковой политики с середины XX века и примерно до середины 1980-х годов свидетельствует о том, что в целом в данный период развития нашего государства не было четкой и продуманной языковой политики. Состояние стагнации и инертности, которое было характерно для общественных умонастроений тех лет, периодически нарушали административные кампании, инициированные сверху. В качестве примера такого рода мероприятия мы бы хотели вкратце описать кампанию, цель которой было превратить русский язык во «второй родной». В июне 1962 года в Нальчике состоялась Объединенная научная сессия Института языкознания АН СССР, на которой участники особое внимание уделили роли русского языка как средства межнационального общения народов СССР. В октябре того же года в Алма-Ате прошла Всесоюзная конференция, посвященная вопросам языковой политики. Основной темой этой конференции был ориентир на пользование двумя языками, а именно одним национальным, а другим интернациональным, каким считался традиционно русский.

Все проблемы, связанные с реализацией языковой политики, приобрели особое звучание и актуальность в период, который вошел в историю нашей страны как «перестройка» или «ускорение». Эта эпоха началась в 1985 году и была инициирована генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым. Учитывая тот факт, что общий политический курс был сохранен, неудивительно, что стремительно меняющаяся политическая, экономическая и социокультурная ситуация вызвала разочарование прежней идеологией в обществе. Тот идеологический вакуум, который возник в социуме при отсутствии национальной идеи, начал ускоренно заполняться различными национальными идеями, которым не были чужды националистические оттенки. Провозглашенный идеологами перестройки принцип гласности дал возможность и пространство обсуждать эти идеи публично. Одной из ключевых идей того времени стала потребность в идентичности (Kirkwood, 1993).

Ко времени полного коллапса Советского Союза официальное руководство не имело четко продуманной языковой политики, и его реакция на агрессивные лозунги «национал-сепаратистов» была достаточно пассивной. Политические события августа и декабря 1991 года придали новую окраску национально-языковым вопросам. Геополитические процессы, характерные для данной эпохи, были основаны на принципе «разделяй и властвуй». С возникновением пятнадцати новых государств на политической карте мира можно говорить о появлении принципиально новых языковых ситуаций и языковых политик.

Через изменение статуса республиканских языков местная политическая элита стремилась существенным образом изменить правила политической

игры на языковом поле, повлияв тем самым на отношение к русскому языку и, следовательно, группе носителей этого языка. Все бывшие союзные республики стремительно взяли курс на строительство обществ, в основе которых лежал принцип этнократии, а представители народностей, которые не являлись титульными, были практически вычеркнуты из участия в общественной жизни. Многие из этих государств немедленно разработали и выпустили свои Законы «О государственном языке».

Тщательно изучив эти документы, мы пришли к выводу, что реально существующая языковая ситуация в этих странах может быть признана удовлетворительной по отношению к русскому языку только в Белоруссии, где за ним закреплён статус государственного наряду с белорусским языком. Довольно благожелательное отношение к носителям русского языка характерно для Казахстана, где за русским языком сохраняется статус официального языка. Такой же статус у русского языка и в Киргизии, который он получил лишь в 2021 году. Что касается остальных регионов – Армении, Грузии, Литвы, Молдавии, Туркменистана, Узбекистана и Эстонии – официально статус русского языка на данных территориях не зафиксирован.

Какие важные уроки можно извлечь на основе анализа данного исторического опыта? Прежде всего, надо учитывать, что желаемые сценарии, разыгрываемые на бумаге, не всегда можно обеспечить и поддержать реальными мероприятиями. Особенно такое противоречие заметно в стране, где законы длительное время имели скорее декларативно-символический характер. Поэтому провозгласить на бумаге обязательное изучение какого-нибудь миноритарного языка, скажем, адыгейского, – одно дело, а реальное его изучение – совсем другое. Осознав реальную угрозу того, что придется учить новый для себя язык, люди начинали открыто протестовать. Эйфория суверенизации, захлестнувшая страну в 1990-х годах, очень напоминала языковую политику 1920-х годов, хотя идеологические лозунги, конечно, существенно отличались. Поэтому сегодня важно учитывать исторический опыт 1920-х годов, поскольку тот период истории Советского государства был важной вехой в эволюции языковой ситуации и языковой политики.

Сегодня, когда ажиотаж по поводу приобретения суверенитетов немного улегся, появляется все больше и больше сомнений по поводу правильности проводимой языковой политики в большинстве регионов. Нередко возникает ситуация, когда этнические элиты видят в языковой политике инструмент для укрепления этнократических режимов. Нам импонирует высказывание В. Филиппова, который отметил: «Не выдерживая конкуренции с “высокой” мировой профессиональной культурой (ее ретранслятором в культуру российских народов служит русский язык), носители “национальной идеи” стремятся административными мерами расширить свою потенциальную и реальную аудиторию» (Филиппов, 1995. С. 155–156).

Перспективы исследования

Мы считаем, что сделать правильные выводы и выработать эффективные механизмы решения проблем в конкретном региональном и историческом контексте без подробного анализа отечественного и зарубежного опыта довольно трудно. Мы также придерживаемся мнения, что нельзя игнорировать исследования советского периода по данной проблематике. В перспективе было бы интересно более подробно изучить методологический инструментарий решения социолингвистических проблем. Только максимально полная и точная методологическая картина может помочь найти оптимальные пути разрешения этнических разногласий в языковом поле.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, мы хотели бы сделать следующие выводы.

В Советском Союзе русский язык сыграл примерно такую же роль, какую в большинстве стран западной цивилизации сыграл английский. Он стал своего рода лингва франка, то есть средством межэтнического общения абсолютно во всех регионах СССР.

В периоды относительной стабильности государства преобладала потребность во взаимопонимании, поэтому проводился курс на поддержку единого языка (русского) и его изучения всеми без исключения гражданами страны. В практическом плане этот курс сводился к концепции «второго родного языка», что было возможно признать своеобразным компромиссом между потребностью взаимопонимания и учетом потребности в идентичности.

В нестабильные периоды истории в общественных умонастроениях доминирующими становились призывы к возрождению этнической идентичности. В такие эпохи символическая роль миноритарных языков, безусловно, повышалась с точки зрения разграничения «свой – чужой».

В СССР существовало объективное противоречие, которое сохранилось и у его реликтов. С одной стороны, во все исторические периоды имела место тенденция усиления роли русского языка и расширения сфер его влияния. С другой стороны, государство поддерживало развитие практически всех других языков.

Список источников

Иванова Д. Н. Исторические модели в исследовании проблем языковой политики / Д. Н. Иванова, А. Ю. Поленова // Инженерный вестник Дона. – 2022. – № 2 (86). – С. 471–485. – EDN PNCQYJ.

Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: (универсальное, типовое и специфическое в языкознании) / А. Е. Кибрик. – Москва: Изд-во МГУ, 1992. – 335 с. – ISBN 5-211-01538-X.

References

Ivanova D. N. Historical models in the study of language policy problems. *Inzhenernyy vestnik Dona = Engineering Bulletin of the Don*. 2022; 2 (86): 471-485 (In Russ.).

Kibrik A. E. Essays on general and applied issues of linguistics: (universal, typical and specific in linguistics). *Moskva: Izd-vo MGU = Moscow: Moscow State University Press*. 1992; 335 p. (In Russ.).

Март Н. Я. Избранные работы / Н. Я. Март; Акад. наук СССР, Гос. акад. истории материальной культуры. Т. 2. – Ленинград: ГАИМК, 1936. – 524 с.

Филиппов В. Р. Язык в доктрине национализма / В. Р. Филиппов // Этническое и языковое самосознание: материалы конференции, Москва, 13–15 декабря 1995 года / Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике; Институт народов России; Редакция: Р. А. Агеева, В. П. Нерознак (ответственный редактор), М. В. Орешкина, С. М. Толстая, Е. Л. Хелимский. – Москва: Институт народов России, 1995. – С. 155–156. – EDN SHSENT.

Kirkwood H. Glasnost, “The National Question” and Soviet Language Policy / H. Kirkwood // Soviet Studies. – 1991. – Vol. 43. – No. 1. – P. 318.

Lewis G. E. Implementation of Language Planning in the Soviet Union. Progress in Language Planning. International Perspectives / G. E. Lewis. – Berlin – New York – Amsterdam, 1983.

Light M. Russia and Transcaucasia / M. Light // Transcaucasian Boundaries. – London, 2001.

Williamson O. Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives / O. Williamson // Administrative Science Quarterly. – 1991. – Vol. 36. – No. 2. – P. 269–296.

Marr N. Ya. Selected works. Akad. nauk SSSR, Gos. akad. istorii material'noy kul'tury. T. 2. Leningrad: GAIMK = Academician Sciences of the USSR, State acad. history of material culture. Vol. 2. Leningrad: State Academy of the History of Material Culture. 1936; 524 p. (In Russ.).

Filippov V. R. Language in the doctrine of nationalism. Etnicheskoye i yazykovoye samosoznaniye: materialy konferentsii, Moskva, 13–15 dekabrya 1995 goda. Ministerstvo Rossiyskoy Federatsii po delam natsional'nostey i regional'noy politike; Institut narodov Rossii = Ethnic and linguistic self-awareness: Conference materials, Moscow, December 13–15, 1995. Ministry of the Russian Federation for Nationalities and Regional Policy. Institute of the Peoples of Russia; Editorial board: R. A. Ageeva, V. P. Neroznak (executive editor), M. V. Oreshkina, S. M. Tolstaya, E. L. Khelinsky. Moskva: Institut narodov Rossii = Moscow: Institute of Peoples of Russia. 1995: 155–156 (In Russ.).

Kirkwood H. Glasnost, “The National Question” and Soviet Language Policy. Soviet Studies. 1991; 43, 1, 318.

Lewis G. E. Implementation of Language Planning in the Soviet Union. Progress in Language Planning. International Perspectives. Berlin. New York – Amsterdam. 1983.

Light M. Russia and Transcaucasia. Transcaucasian Boundaries. London. 2001.

Williamson O. Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives. Administrative Science Quarterly. 1991; 36 (2): 269–296.

Для цитирования: Иванова Д. Н., Поленова А. Ю. Исторические уроки реализации языковой политики в национально-ситуативном контексте // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 1 (71). – С. 148–157. DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.10 EDN PSSXNN

История статьи:

Поступила в редакцию – 19.12.2024

Одобрена после рецензирования –
28.01.2025

Принята после публикации – 31.01.2025

Сведения об авторах

Иванова Динара Нургалиевна

Кандидат социологических наук, доцент
Института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации Южного
федерального университета
SPIN-код: 9838-9485
AuthorID РИНЦ: 329635
dina0901@yandex.ru

Поленова Анна Юрьевна

Кандидат педагогических наук, доцент
Института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета
SPIN-код: 1136-8841
AuthorID РИНЦ: 634933
aiupolenova@sfn.ru

Information about authors

Dinara N. Ivanova

Candidate of Sociological Sciences, Associate
Professor, Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication,
Southern Federal University
dina0901@yandex.ru

Anna Yu. Polenova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor, Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication,
Southern Federal University
WoS. ResearcherID: J-6755-2017
Scopus AuthorID: 57203785401
aiupolenova@sfn.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

ПРОБЛЕМА МНОГОМЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

THE PROBLEM OF MULTIDIMENSIONAL PERSONAL IDENTITY IN POSTMODERN SOCIETY

И. В. Ковтуненко*

ORCID: 0000-0002-9559-6227

И. А. Кудряшов*

ORCID: 0000-0001-5449-864X

Ю. Б. Бондаренко**

Inna V. Kovtunenکو*

Igor A. Kudryashov*

Yuriy B. Bondarenکو**

* Южный федеральный университет

** Донской государственный технический
университет,
Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University

** Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования состоит в рассмотрении постмодернистских тенденций в процессе конструирования личности индивидом, принадлежащим к социуму эпохи постмодерна, на материале романа Ч. Паланника «Бойцовский клуб».

Методологическую базу исследования составляют психоаналитический и гендерный подходы к явлениям культуры как сосредоточения травмирующих процессов идентификации индивидом своего «Я», а также положения концепции З. Фрейда о вытеснении и «жутком», постмодернистской теории о бинарной оппозиции «активность – пассивность».

Результаты исследования. В формате философии культуры, доминирующей в обществе в конкретный период, всегда обнаруживаются травмирующие опасения, связанные с конструированием индивидом своей идентичности. В статье эта проблема многомер-

Objective of the study is to consider postmodern trends in the process of personality construction by an individual belonging to postmodern society, based on the material of the novel by Ch. Palahniuk “Fight Club”.

The methodological basis of the study consists of psychoanalytic and gender approaches to cultural phenomena as a concentration of traumatic processes of identification by an individual of his / her *Self*, as well as the provisions of the concept of Z. Freud’s theory of repression and the “supernatural”, the postmodern theory of the binary opposition “activity – passivity”.

Results of the study. In the format of the philosophy of culture that dominates society in a particular period, traumatic fears associated with the construction of an individual’s identity are always revealed. This problem is traced multidimensional on the material of the novel

© Ковтуненко И. В., 2025

© Кудряшов И. А., 2025

© Бондаренко Ю. Б., 2025

но прослеживается на материале романа «Бойцовский клуб» Ч. Паланика, в котором исчерпывающе выявляется вся психологическая палитра кризисного состояния идентичности рассказчика, являющегося ярким представителем социума постмодерна. На материале данного текста в исследовании анализируются культурно-философские паттерны, которые проявляются в повествовании рассказчика о своем экзистенциальном кризисе, обостряющемся по мере того, как у него развивается чувство социальной неполноценности, растет неудовлетворенность своей нынешней идентичностью. Установлено, что эта неудовлетворенность приводит к тому, что рассказчик: 1) присоединяется к контркультурному движению, чтобы принять гиперболизированную форму своей социально предписанной гендерной роли, что приводит к ложному ощущению искусственной зрелости своей личности; 2) прибегает к коммуникативному взаимодействию с персонажами женского пола не для формирования романтической привязанности, а в силу скрытых психологически деструктивных мотивов; 3) принимает на себя, по крайней мере, частичную ответственность за смерть индивида, который воспринимается как обладающий «целостной», но противоречивой идентичностью.

Перспективы исследования. Проблема осмысления психологической и гендерной идентичности индивида в эпоху постмодерна представляет особый научный интерес в связи с необходимостью анализа культурно-философских паттернов фрагментации личности, которая предопределяется травмирующими предписаниями, доминирующими в социальной идеологии общества потребления.

Ключевые слова: постмодернизм, идентичность личности, гендерные бинарные категории, травма, культура общества потребления

“Fight Club” by Ch. Palahniuk. In the novel the entire psychological palette of the identity crisis of the narrator, who is a prominent representative of the postmodern society, is exhaustively revealed. Based on the material of this text, the study analyzes cultural and philosophical patterns that manifest themselves in the narrator’s narrative about his existential crisis, which worsens as he develops a sense of social inferiority and dissatisfaction with his current identity grows. It is established that this dissatisfaction leads to the fact that the narrator: 1) joins the countercultural movement in order to assume an exaggerated form of his socially prescribed gender role, which leads to a false sense of artificial maturity of his personality; 2) chooses communicative interaction with female characters not for romantic attachment, but due to hidden psychologically destructive motives; 3) assumes at least partial the responsibility for the death of an individual who is perceived as having a “holistic” but contradictory identity.

Prospects of the study. The problem of understanding the psychological and gender identity of an individual in the postmodern era is of particular scientific interest due to the need to analyze cultural and philosophical patterns of personality fragmentation, which is predetermined by traumatic prescriptions dominating the social ideology of consumer society.

Keywords: postmodernism, personal identity, gender binary categories, trauma, consumer society culture

Введение

В романе «Бойцовский клуб» Ч. Паланика рассказчик переживает острый экзистенциальный кризис, поскольку начинает осознавать себя ущербной личностью. Его идентичность разрушается вследствие деструктивного воздействия доминирующей культурно-философской идеологии, которая отдает предпочтение строго определенному набору гендерных бинарных категорий. Наряду с признанием своей раздробленной идентичности, рассказчик пытается уничтожить более слабую из бинарных систем, а не безоговорочно принять одновременно обе эти системы. Из-за предполагаемой фрагментации своей личности рассказчик присоединяется к контркультурному движению, чтобы начать процесс радикального воссоздания самого себя. В рамках этого движения культурно-философским предписанием, доминирующим в социуме, отводится маргинальная позиция, что наделяет рассказчика искусственным ощущением полноценности и экзистенциальной зрелости. Участие в таком движении оказывается обманчиво очищающей деятельностью: рассказчику дается ложная надежда на то, что он в действительности расширяет возможности более сильного из своих «двойников» и, таким образом, меняет «старую» идентичность на «новую» тождественность с социальной общностью. Любопытно, что рассказчик также пытается наладить дружеские отношения с гипермаскулинным смертельно больным персонажем. Неспособность принять двойственность своей личности препятствует возникновению у рассказчика романтических отношений с противоположным полом. Испытывая привязанность к представительнице женского пола, он, в конечном счете, удаляется от этих отношений. Отвергая то, что предопределено как культурно-философские приемлемые конвенции, рассказчик в ходе проектирования своей идентичности демонстрирует способность к игнорированию этих предписаний, оказывается не в состоянии отказаться от имманентной предрасположенности к фрагментированному состоянию своей личности.

Сюжет романа также включает в себя образы других персонажей с «объединенными» и противоречивыми идентичностями, которые выходят за рамки традиционных бинарных границ, что, в свою очередь, еще больше угрожает кризисному состоянию рассказчика. Сама эта трансцендентность, по-видимому, разрушает «усиливающуюся» целостную идентичность рассказчика. К его колебаниям и экзистенциальной тревоге добавляется тот факт, что окружающие его персонажи способны достичь такой трансцендентности. Смерть одного из этих персонажей неявно фиксирует болезненную попытку рассказчика избавиться от экзистенциального беспокойства по поводу того, что чья-то социальная идентичность одновременно может быть как противоречивой, так и целостной.

Повествование начинается с момента текущего существования рассказчика, который также вспоминает события, предопределившие многомерность его

«Я». В заключительной главе воспоминания о прошлом вклиниваются в текущий момент повествования, финальные суждения рассказчика, фактически, нейтрализуют основное смысловое содержание текста. Тривиальные элементы в явном содержании «расстающихся» «Я» рассказчика вызывают искажение повествовательного смысла, являются проявлением ментальной цензуры той информации, которая излагалась до этого «слабым» «Я», фрейдистского вытеснения, отстранения от внутриличностных перманентных конфликтов.

Методологическая база исследования (теоретические основы)

Экзистенциальные тревоги, испытываемые рассказчиком в романе «Бойцовский клуб», становятся очевидными при анализе корреляции между культурно предопределенной маскулинностью и психоаналитическим проектированием личностной идентичности с опорой на концепцию З. Фрейда о «жутком». Развиваясь из «инфантильного желания», «жуткое» вызывает стрессовую ситуацию, когда:

1) индивид одновременно придерживается конфликтующих идеологических воззрений;

2) то, что некогда было известно в детстве, в настоящий момент подавляется доминирующей идеологией (Фрейд, 1995. С. 266–268).

Австрийский психоаналитик прослеживает этимологический подтекст дихотомии «heimlich» («домашнее») – «unheimlich» («жуткое»), приходит к выводу, что эти понятия скорее являются синонимами, нежели выявляют контрастное противопоставление. Причем «unheimlich» фиксирует вытесненное. В попытке обеспечить свое «бессмертие» ребенок порождает множество «Я», которое побуждает принять противоречивые идеи об окружающем мире. По мере того, как индивид вырастает, наблюдается вытеснение множественных «Я». Напоминания о прежних Я вызывают травмирующие чувства тревоги и испуга. Термины «heimlich» и «unheimlich» начинают функционировать как бинарные противоположности (более подробный анализ рассматриваемых категорий на разнообразном практическом материале см. в сборнике исследований «On Freud's "the Uncanny"», изданном Международной психоаналитической ассоциацией (On Freud's the Uncanny, 2020)).

Структурируя язык индивида и его субъективное восприятие окружающего мира, эти противоположности формируют теоретические отношения, которые фиксируются посредством категорий отрицания и противопоставления. Внутри каждого набора бинарных противоположностей одна реляционная концепция всегда привилегированна, другая – подавлена. Философы, психологи и лингвисты утверждают, что процесс мышления индивида функционирует преимущественно через бинарные иерархические оппозиции (Воронина, 2019; Маланов, 2004, 2023; Шафилов, 2019).

Изучение взаимоотношений между бинарными противоположностями свидетельствует, что индивид всегда отдает предпочтение одной бинарной

составляющей перед другой: доминирующая культурно-философская идеология возводится в ранг поведенческого стандарта, противоположная же сущность рассматривается как маргинальная личностная характеристика. Преобладающая идеология отдает предпочтение мужчине и активности, женщина и пассивность – маргинальные сущности. Мужчина является либо активным субъектом, либо он не существует для общества (Ласкова и др., 2016. С. 47–52).

Исследователи творчества Ч. Паланика сосредоточиваются, в том числе, на откровенных нападках автора на современную философию потребления, его экзистенциальных тревогах по поводу утраченной маскулинности. В некоторых исследованиях подчеркивается предопределенность этих феноменов (Ковтуненко, Кудряшов, 2022; Лазарев, Ларина, 2022). В данной статье эти критические замечания применяются для дальнейшей детализации модели личности, которая возникает в результате кризиса идентичности. «Бойцовский клуб» начинается с того, что анонимный рассказчик критикует культурно-философскую природу своего существования.

Результаты

Неспособный восстать против общества, очарованного потребительской культурой и охваченного психологической безличностью, рассказчик романа «Бойцовский клуб» выплескивает свой гнев, выступая в роли «случайного посетителя» в многочисленных группах поддержки. Подсознательно неудовлетворенный тем, кем он стал, ощущая беспомощность в целостном воссоздании самого себя, Тайлер Дерден появляется словно по мановению волшебной палочки и «спасает» рассказчика. Бойцовские клубы – посредством актов агрессивного насилия – позволяют мужчинам проявлять то, что воспринимается как маскулинность, эволюционируют в субкультурное движение, философия которого заключается в том, чтобы спасти мир от человеческой расы. В конце концов, рассказчик приходит к осознанию, что он и Тайлер – это одно и то же лицо, причем Тайлер является девиантной личностью. Среда бойцовского клуба разоблачает «погружение» личности в безумие в попытке воссоздать не только себя, но и весь мир.

Экзистенциальная травма, переживаемая рассказчиком при создании новой идентичности, откладывает отпечаток на поверхностную структуру повествования. В основе акта порождения текста закладывается психологический механизм преодоления травмированным осознанием «жуткого» и испытываемой фрагментации личности. Рассказчик повествует с точки зрения жертвы, хотя можно утверждать, что он в такой же степени является губителем. Неспособность взять на себя ответственность за убийство Тайлера подтверждает бессилие рассказчика в принятии двойственности своей натуры. Тайлер – сверхъестественное проявление экзистенциальной тревоги рассказчика из-за присущей ему ущербности и неполноценности. Хотя Тайлер

является воплощением исполнения желаний рассказчика, сосуществование между ними невозможно. Сразу же после знакомства с Тайлером рассказчик идентифицирует себя с ним, определяя «слабости» своей натуры, что существенно усиливает негативно сконструированную и неполноценную идентичность. Тайлер – это все, чем стремится быть рассказчик. В момент угрозы боссу страховой компании в сознании рассказчика всплывает «жуткое», слова Тайлера просачиваются в его сознание.

Непоследовательные и несовместимые акты повествования рассказчика параллельны его противоречивому «Я». Как координатор страховой компании, он выполняет заурядную задачу по сведению человеческой жизни к математическому уравнению, что является принижением его индивидуальной идентичности. Борясь с удручающим реализмом, являющимся ненавистным проявлением сферы статистики, рассказчик надевает на себя маску Тайлера, разыгрывает бойцовские клубы, разрабатывая проект «Разгром», одновременно переживает экзистенциальный кризис, поскольку начинает осознавать себя пассивным представителем общества.

Идентифицируя себя с «поколением мужчин, воспитанных женщинами» (Паланик, 2005. С. 52), рассказчик возлагает вину на свое материнское воспитание, проецирует на себя феминизированную, а значит, пассивную идентичность, берет на себя ответственность за свои тревоги, обвиняя материнское влияние и культуру потребления. Он считает, что люди становятся самодовольными в повседневной рутине. С точки зрения идеологической бинарности, те, кто проходит обучение в бойцовском клубе, играют роль феминизированных и пассивных субъектов.

Обсуждение

В ходе трансформации ущербного «Я» в проекцию личностных характеристик на окружающую реальность рассказчик раскрывает планы «взорвать мир, освободив его от истории» (Паланик, 2005. С. 119). Идентичность оказывается своего рода проекцией субъективной индивидуальности на окружающий мир. Однако при отсутствии удовлетворенности от реализуемой экзистенциальной проблемы, целостной эпистемической позиции, плодотворной для развития общества, оказывается, что проецировать практически совсем нечего, за исключением все той же ущербности.

Рассказчик также идентифицирует личностное «Я» в соответствии с накопленным имуществом, определяет себя в качестве идеального самодовольного потребителя: «Мой дом – это квартира на пятнадцатом этаже кондоминиума, расположенного в многоквартирном доме, напоминающем ... стеллаж для пожилых вдов и молодых профессионалов» (Паланик, 2005. С. 36). Он одержим стяжательством, рассматривает имущество в зеркально противоположном ракурсе: «И вот ты стал пленником своего уютного гнездышка и вещи, хозяином которых ты некогда был, становятся твоими хозяевами» (Па-

ланик, 2005. С. 40). Рассказчик распознает свое «Я» в терминах статистики, проецируя личностные интернализированные проявления на все человечество: «Все мои знакомые, которые раньше сидели в туалете с порнографическим журналом в руках, теперь сидят с каталогом фирмы “ИКЕА”» (Паланик, 2005. С. 39). Смещение массового внимания с вульгарного контента на потребительские каталоги демонстрирует радикальное изменение ценностных ориентаций социума. Желание утолить плотские потребности заменяется принуждением приобрести ненужные предметы. Потребительство обязывает к пассивности и приводит к феминизации культуры. Индивиды идентифицируют себя в терминах накопленного имущества. Рассказчик сетует, что идентичности подобны «...дому, полному приправ, и никакой настоящей еды» (Паланик, 2005. С. 41). Экзистенциальная тревога незначительности содержится в метафорическом суждении рассказчика о том, что в его жизни нет реальной сущности. Тайлер становится спасителем рассказчика, попавшего в ловушку беспечного и безрассудного потребления.

Как мы уже отметили, рассказчик работает координатором крупной страховой компании, которая безлично оценивает человеческую жизнь в денежном эквиваленте: «Возьмите общее количество проданных на настоящий момент автомобилей (А), умножьте на среднее количество серьезных отказов (В), а затем умножьте произведение на среднюю стоимость урегулирования иска родственников пострадавших во внесудебном порядке (С). $A \times B \times C = X$. Вот во сколько нам обойдется проблема, если мы не будем отзывать модель на доработку. Если X превышает стоимость доработки, то мы производим доработку, и аварий больше не бывает. Если X меньше, чем стоимость доработки, то мы доработку не производим» (Паланик, 2005. С. 26–27).

Расчетливая потребительская логика дегуманизирует и сводит монотонную человеческую жизнь (как и бытие рассказчика) к статистическим данным. В бесконечных служебных поездках проявляется эмоциональное беспокойство рассказчика: «...садясь в самолет, я мечтал о том, чтобы он упал» (Паланик, 2005. С. 165), что является очевидным признаком глубинного желания чего-то, что могло бы вырвать субъекта повествования из мирской рутины. Рассказчик сопоставляет недосыпание и нарколепсию, что, в свою очередь, порождает бинарность бессонницы и сна. Отдавая предпочтение сну, рассказчик ищет убежища от бессонницы в нарколепсии. Однако присвоенное рассказчику значение в двоичном коде несовершенно, поскольку не учитывается степень контроля, которую человек имеет над любым из этих недугов. И бессонница, и нарколепсия – это состояния, которые практически не контролируются страдающим субъектом. Ошибочно оценивая бинарные значения, рассказчик задействует иррациональную логику, которая будет продолжать препятствовать его попыткам минимизировать свои тревоги. Воображаемое крушение самолета – это своего рода потенциальная мольба

о переменах, внутренняя катастрофа, которая провоцирует создание образа Тайлера в раскалывающемся сознании рассказчика.

Попытки игнорировать ограничения бинарных противоположностей вскрывают принуждение продолжать действовать в рамках существующих ограничений, поскольку отсутствует шаблон для альтернативной жизнедеятельности. Предполагая неспособность достичь целостной идентичности, рассказчик проявляет повышенную тревожность, воссоздавая свою личность с опорой на стилистический прием синекдохи. Признавая: «Я – скрежещущий зубами Джо... ухмыляющаяся месть Джо» (Паланик, 2005. С. 54, 109), рассказчик демонстрирует, что при текущем состоянии сознания он не способен посвятить себя целостному «Я», делает выбор в пользу фрагментарной идентификации своей личности. Иррациональность ощущается не только внутренне, но и проявляется во взаимоотношениях рассказчика с повседневностью. С этими проекциями рассказчик воспринимает себя как все более пассивного и бессильного индивида.

В группе поддержки онкологических больных он вспоминает об упражнении на расслабление, предназначенном для придания душевных сил больным. Но когда рассказчику предлагается вообразить животное, представляющее активную сторону бинарности, такое, которое заставляет его чувствовать контроль, он сосредоточивается на образе морской птицы, воспроизводимом в метафорических терминах: «Клои вводит нас в пещеру, где мы встречаем покровительствующих нам животных, символизирующих нашу волю. Мое животное – это пингвин» (Паланик, 2005, С. 16). Неспособность пернатого существа летать отражает иррациональность рассказчика в определении своей идентичности. Активируемый в сознании образ пингвина также свидетельствует о попытке рассказчика признать гибридность своей натуры: пингвин имеет внешность птицы и наделен способностью плавать подобно рыбе. Гиперболизируя чувство беспомощности, рассказчик фокусируется на неспособности человека контролировать смерть, которая становится для него навязчивой идеей из-за ее двуликой природы: неизбежности и неопределенности. Неспособность контролировать идентичность своей личности становится для рассказчика неразрывно связанной с понятием смерти. Пытаясь обуздать свою идентичность, он одновременно делает все возможное, чтобы контролировать смерть. Однако разрешение амбивалентности в отношении смерти невозможно. Человек может только ждать ее неожиданного прихода. В этом случае он находится во власти неизвестной уверенности или может стать причиной смерти. При выборе совершить самоубийство или убийство определенный конечный результат достигается лишь частично. Даже если активно создается идентичность как «убийца» или «самоубийца», целенаправленная деятельность в этом направлении является лишь иллюзией, поскольку единственным результатом может быть только смерть.

Рассказчик перекладывает бремя собственной пассивности на читателя, используя местоимение второго лица, чтобы создать глубинную личностную связь с аудиторией: «Это твоя жизнь, и с минуты на минуту ей придет конец» (Паланик, 2005. С. 25). Побуждая читателей примириться с неизбежным концом, он не приближается к ощущению завершенности, но заставляет отождествлять себя с его образом как с тем, кого тоже ждет подобный неизбежный конец. Это попытка подвергнуть других боли, испытываемой им же. Неоднократно напоминая читателю, что его личность является всего лишь сосредоточием статистических данных, рассказчик подчеркивает неминуемость смерти: «На достаточно длительном отрезке времени коэффициент выживаемости для всех упадет до нуля» (Паланик, 2005. С. 11). Дегенерация отводит рассказчику пассивную роль в социуме, он совершает серию саморазрушительных поступков, чтобы установить полновластный контроль над дефрагментацией своей личности. Саморазрушение является следствием осознания пассивности существования. Физическая, ментальная и эмоциональная дегенерация личности (как и смерть) оказывается неизбежным итогом в условиях современного социума. Прибегая к деструктивному поведению, индивид иллюзорно восстанавливает контроль над своим вырождением. Чтобы стать активным и мужественным членом социума, рассказчик намеренно разрушает свою личность в попытке избавиться от пассивного «Я». Он порождает в сознании образ Тайлера, чтобы исправить «погрешности» собственной личности, облегчить ущербное и надломленное «Я».

Аллюзия на роман «Долина кукол» Жаклин Сюзанн в «Бойцовском клубе» активизирует ассоциативную взаимосвязь с тенденциями, связанными с дестабилизацией личности. Главные персонажи романа Ж. Сюзанн – эстрадные звезды, которые отождествляют себя с деятельностной сферой бинарности активность/пассивность. Рассказчик «Бойцовского клуба» придерживается исключительно инертной стороны этой бинарности. Вместе с тем персонажи Ж. Сюзанн и Ч. Паланика выявляют сходные жизненные обстоятельства, поскольку ими руководит самодеструктивное поведение. Получается, что вне зависимости от того, какую сферу рассматриваемой бинарной системы репрезентирует индивид, в социуме всегда будет проявляться тенденция к саморазрушению личности и индивидуальности.

Чтобы утвердиться в качестве активного члена общества, рассказчик «Бойцовского клуба» участвует в создании контркультурного движения, в формате которого принимает гиперболизированную гендерную роль. Идеализируя обретенную идеологию, он верит, что пробудил в себе чувство самоконтроля. В соответствии с завышенной маскулинностью рассказчик выражает оптимизм в том, что сопротивление доминирующей культуре провоцирует революцию, результатом которой станет воссоздание мира. Когда аффект от нового экзистенциального опыта спадает, становится очевидным, что контркуль-

турное движение воссоздает структуру власти в социуме, против которого восстал рассказчик, приходит осознание тщетности предпринятых действий, пассивность подтверждается. Как компенсация этого рассказчик принимает гипермаскулинный образ. В процессе уравнивания физической силы и активности насилие становится «основным языком» в романе «Бойцовский клуб».

Детально воспроизводя переход от пассивности к активности, рассказчик документирует психологический портрет набранных членов клуба: «Большинство парней вступают в бойцовский клуб из-за чего-то, с чем они слишком напуганы, чтобы бороться. После нескольких драк ты боишься намного меньше» (Паланик, 2005. С. 49). Храбрость и агрессию он относит к маскулинным проявлениям идентичности мужчин: разбитая губа или опухший глаз, полученные в бойцовском клубе, являются знаком мужества. Как только фиксируется взаимосвязь между представлениями об активности и применением физической силы, Тайлер и рассказчик подразделяют население мира на два типа людей, а именно, тех, кто: 1) поддерживает проект «Разгром»; 2) препятствует реализации этого проекта. Рассказчик объясняет: «Ты видишь паренька, что работает в копировальном бюро... Мы встречаемся каждый день, но нельзя даже и словом никому обмолвиться о том, какой он классный боец» (Паланик, 2005. С. 45), что указывает на разделение двух различных сфер: бойцовского клуба и остального мира. Бойцовский клуб становится безопасным убежищем для рассказчика, сосредоточием реализации его личности. В его представлениях новообразованное учреждение должно стать очагом культурной революции.

Привилегии бойцовского клуба – это инновационные проявления идентичности современного мужчины, которые обнаруживаются вне доминирующих социально-культурных кодов. Клуб становится пространством для восстановления утраченной маскулинности. Рассказчик возлагает особые надежды на «Разгром», полагая, что именно этот проект «...спасет мир. Наступит ледниковый период для культуры. Искусственно вызванные темные века. “Проект Разгром” вынудит человечество погрузиться в спячку и ограничить свои аппетиты на время, необходимое Земле для восстановления ресурсов» (Паланик, 2005. С. 120). Говоря о преобразованиях, направленных на революцию «мира», рассказчик задействует потенциал риторики, предвосхищающий трансформацию, которая призвана принести пользу всей планете.

Однако проект «Разгром» не создает прочную основу для новой, уникальной идентичности, поскольку воссоздает ту же властную структуру, которая спровоцировала исходный бунт. Объясняя иерархию проекта, рассказчик восклицает: «Каков будет следующий этап “Проекта Разгром”, не знает никто, кроме Тайлера» (Паланик, 2005. С. 120). Подчиняясь Тайлеру, его последователи, называемые «обезьянками-астронавтами», не приобретают новую идентичность, как это было обещано, происходит всего лишь передача под-

чинения от первоначальной структуры к власти Тайлеру. Рассказчик сводит работу «обезьянки-астронавта» к нажатию на рычаг. «Нажми на кнопку» – лейтмотив, лежащий в основе как реализации проекта, так и пассивности и незначительности, которые испытываются рассказчиком. Этот лейтмотив выявляет недостатки архитектоники проекта: его структура имитирует то, что члены клуба намереваются разрушить.

В ходе вхождения в рутинную деятельность контркультурного движения к рассказчику возвращается экзистенциальная тревога, связанная с отсутствием целостности личности и иррациональной идентификацией в социуме. Обнаружив, что члены клуба могут выработать терпимость к дракам, рассказчик начинает ощущать, что испытываемая им пассивность нуждается в искоренении. Но рассказчик/Тайлер вскоре приходят к заключению, что любая система, использующая ту же самую социальную иерархию, никогда не поможет им избавиться от перманентного тревожного состояния.

Рассказчик обожествляет Тайлера, делая его избавителем не только от себя, но и от окружающих индивидов. Чувствуя себя пойманным в ловушку своей нынешней идентичности, он умоляет Тайлера избавить его от совершенства. Рассказчик также проецирует образ своего отца на Тайлера: «От меня отец ушел, когда мне уже исполнилось шесть лет, но я все равно его не помню. У моего отца привычка заводить новую семью в новом городе каждые семь лет. Он, очевидно, считает, что семья – это что-то вроде сети фирменных ресторанов» (Паланик, 2005. С. 46). Между смысловым содержанием этих суждений и проекцией семейного франчайзинга отца на бойцовские клубы и проект «Разгром» формируется устойчивая ассоциативная связь. В результате Тайлер наделяется статусом отца и начинает олицетворять собой отцовство.

Тайлер переводит рассказчика во временный статус активности, однако правила его вмешательства в действительности предопределяют состояние перманентной пассивности рассказчика, который в подчинении социально предписанной маскулинности осуществляет поиск общения с женщиной, что в итоге приводит к выхолащиванию его личности, унижению и пассивности. Поскольку активность желательна для достижения оптимальной идентичности, пренебрежение женщиной становится отказом от пассивности. В конце романа рассказчик признается, что он не любит Марлу.

Образ Марлы тесно переплетается с кризисом идентичности рассказчика. Он связывает ее появление с проектированием в сознании образа Тайлера: «Я знаю даже, откуда взялся Тайлер. Тайлер любил Марлу. С первой нашей встречи часть меня влюбилась в Марлу, и эта-то часть и стала Дерденом» (Паланик, 2005. С. 187). Присутствие Марлы в группах поддержки поддерживает пассивность рассказчика. Ее приверженность нигилизму лишает ее реальных эмоциональных способностей, у нее отсутствуют моральные ценности: она

способна не только противостоять постоянным ругательствам рассказчика, но и без колебаний наносить ему ущерб равной величины. Рассказчик не может определиться, какую линию поведения ему следует избрать в отношении Марлы.

Несмотря на постоянные оскорбления в адрес Марлы рассказчик время от времени проявляет чувство романтической привязанности к ней. В тексте романа упоминается единственный случай сострадания к Марле, что, в свою очередь, указывает на противоречивое мнение рассказчика о ней. Несмотря на игнорирование ее попытки к самоубийству, когда рассказчик по ее просьбе проверяет тело Марлы на наличие опухолей, он ощущает страх перед онкологическим заболеванием, чувствует себя обязанным улучшить настроение героини: «Марла не смеется. Я хочу, чтобы она смеялась, чтобы у нее поднялось настроение» (Паланик, 2005. С. 101). В любовном треугольнике «Тайлер – Марла – рассказчик» доказывается теорема героини «ты всегда убиваешь того, кого любишь» (Паланик, 2005. С. 10). Признавшись в своих чувствах Тайлеру, рассказчик, в конце концов, пытается его убить. До этого предполагается, что Тайлер попытается убить Марлу. В покушении на убийство Тайлера рассказчик также пытается убить Марлу. Как только рассказчик понимает, что Тайлер – это средство исполнения его желаний, и «если Тайлер любит Марлу, я люблю Марлу», он признает, что у него развилась некоторая привязанность к Марле (Паланик, 2005. С. 195).

Рассказчик, однако, чаще проявляет к Марле вопиющее неуважение и ненависть, чем нежность. Он пытается настроить читательскую аудиторию против Марлы, называя ее безумной: «Марле нужен не любовник, а психиатр» (Паланик, 2005. С. 58). Поскольку она является еще одним случайным лицом в группах поддержки, ее присутствие также предопределяет пассивность рассказчика, осознание которой становятся импульсом к его словесным тирадам в адрес Марлы. Фактически, эти оскорбления направляются не конкретно на Марлу, а на неприятие рассказчиком собственной пассивности и женственности. Чувствуя себя феминизированным в рамках доминирующей культуры, рассказчик отвергает Марлу: «Мне тридцать лет, но я по-прежнему мальчик. Чем тут может помочь другая женщина?» (Паланик, 2005. С. 47). Обнаружив, что отождествляет себя с Марлой, рассказчик вынужден оскорбить ее, чтобы отделить себя от того, что она собой представляет. Отдаляя ее от себя, он не может пробудить свою потребность в пассивности: присутствие Марлы мешает рассказчику проявить активность, что в итоге оправдывает тот факт, почему Тайлер стремится убить ее. Окончательный разрыв с Марлой наблюдается, когда рассказчик сажает ее в автобус, следующий в неизвестном направлении, уточняет причину, по которой он помогает ей: «Я говорю, потому что я думаю, что ты мне нравишься. Марла спрашивает: ‘Не любовь?’ Это достаточно дрянной момент, говорю я. Не настаивай» (Паланик, 2005.

С. 192). Обмен диалогическими репликами с Марлой выявляет неспособность рассказчика одновременно стремиться к активности и поддерживать свою пассивность. В основе попытки рассказчика избавиться от Тайлера также лежит стремление отказаться от потребности в Марле и пассивности.

Черты феминизации, приобретенные Бобом вследствие болезни, ставят его личность внутри бойцовского клуба в аналогичное противоречивое состояние: персонаж физически достигает андрогинного состояния в гендерной бинарности. Способность этого персонажа преодолевать потребность отождествлять себя с той или иной личностью непреднамеренно возводит борьбу рассказчика за идентичность в ранг банальной деятельности. Спорная ответственность рассказчика за его смерть отражает решение предпочесть бинарность существованию в состоянии перманентного противоречия. Летальный исход этого персонажа фиксирует болезненную попытку рассказчика избавиться от экзистенциального беспокойства по поводу того, что личность человека может быть противоречивой и, одновременно, целостной.

Подавление потребности рассказчика в Марле позволяет Бобу принять образ утешающей матери. Раз в неделю в церковном подвале Боб и рассказчик эмоционально сближаются, посещая группу поддержки для мужчин, борющихся со смертоносной болезнью или выживших после нее. Они утешают друг друга, когда психологически адаптируются к повседневности после хирургической операции, ухода из действенной сферы бинарной системы «активность – пассивность». Члены группы поддержки принимают свое неполноценное «Я», придерживаясь социально предопределенного феминизированного поведения: в эмоциональном плане через рыдания и объятия они компенсируют разочарование сложившейся жизненной ситуацией. Рассказчик не позволяет себе плакать в присутствии Марлы, однако он говорит о своих экзистенциальных тревогах, проливая слезы в огромную грудь Боба. Он страдает от чувства ущербности и тем самым зарабатывает достойное место в группе поддержки.

Образ Боба порождает два смысловых слоя в повествовании, каждый из которых фиксирует экзистенциальную тревожность рассказчика:

1) андрогинность персонажа, становящегося физическим воплощением страха ущербности;

2) гипермаскулинный образ персонажа, олицетворяющий квинтэссенцию мужчины, который растворился в прошлом.

Рассказчик передает читательской аудитории прежнюю гипермужественность персонажа: «Большой Боб поведал мне, что раньше он был качком. Сидел на анаболиках... Его еще скаковым лошадям дают. Боб владел собственным залом, где собирались качки. Он был женат три раза. Он рекламировал продукты для качков по телевизору. Может, я видел, у него еще программа такая была: “Как увеличить грудную клетку?”» (Паланик, 2005. С. 17).

Физическая неполноценность Боба отражает тревоги рассказчика относительно собственной пассивности, является своего рода наказанием за то, что персонаж бросил вызов проекту «Разгром». В глазах рассказчика Боб никогда не сможет вернуть себе статус активного субъекта. Боб смиряется с выполнением одной-единственной утомительной задачи в клубе, ассимилируется с «обезьянками-астронавтами» и, следовательно, снова становится пассивным. Довольствуясь тем, кем стал, единственное, что идентифицирует Боба, – это старая фотография, на которой он запечатлен в момент занятий бодибилдингом. По его словам, прошлое было лучше, чем текущая жизнь. Тогда он действительно ощущал свою маскулинность. Андрогинность Боба является доказательством того, что человек может существовать в противоречии. Персонаж приукрашивает противоречивую идеологию клуба своим статусом лакея и идеализацией эгоцентризма.

Когда рассказчик нажимает на спусковой курок, он восстает против Тайлера как отца, доказывая, что все насилие, которому он подвергся, было тщетным. К нему приходит осознание того, что, отрицая Тайлера, он вовлекается в активную поведенческую стратегию. Рассказчик нарушает модель поведения, принятую в бойцовском клубе, утверждая, что лучше пытаться активно действовать, чем быть подавленным Тайлером и обреченным на пассивность. Для читателя не совсем ясно, какая из личностей рассказчика (если не обе) проявляются в заключительной главе романа, однако появляется уверенность, что рассказчик бросил вызов авторитету Тайлера, застрелившись сам.

Заключение

Кризис идентичности, который переживает рассказчик, является результатом действия социально запрещенных идеологий. Экзистенциальные тревоги становятся настолько обременительными для него, что он совершает серию самодеструктивных поступков, чтобы воссоздать себя, а именно он:

1) участвует в создании контркультурного движения, и в рамках этой социальной структуры принимает гипермаскулинную идентичность (и наслаждается временной властью над членами клуба);

2) развивает эмоциональную привязанность к отдельным членам клуба, усиливающую маскулинность контркультурного движения;

3) эксплуатируют взаимоотношения с персонажем-женщиной без каких-либо романтических намерений;

4) несет бремя ответственности за гибель персонажа, обладающего полноценной, но противоречивой идентичностью.

Рассказчик не достигает окончательного разрешения проблемы, связанной с раздробленной идентичностью своей личности. Роман заканчивается тем, что рассказчик проявляет активное поведение, пытаясь покончить с жизнью как своей, так и Тайлера. У читателя складывается впечатление, что постмодернистская культура обрекает человека на идентичность, которая одно-

значно отождествляется исключительно с одной сферой основополагающей гендерной бинарности «активность – пассивность», следствием чего оказываются экзистенциальные тревоги и деструктивная модель психологического поведения. Очевидной является идентификация личности с материальными ценностями (выступающая индикатором культурной идентичности). Одновременно рассказчик демонстрирует необходимость создания идентичности, которая опирается на то, что культурно запрещено.

Психоаналитические теории выявляют свою особую актуальность, поскольку формулируют опасность предпочтения только одного члена оппозиции в бинарной системе, чрезмерного насаждения культурно сконструированных гендерных ролей. Экзистенциальный кризис рассказчика и избранные им модели поведения предстают прямым результатом взаимодействия между восприятием личностью своей фрагментированной идентичности и западной идеологией. Рассказчик примерил на себя гибридную идентичность. По мнению Ч. Паланика, для индивида, который идентифицирует себя с рассказчиком, принятие идентичности, охватывающей двойственность, никогда не может быть полной. Будучи продуктом укоренившейся социальной идеологии, этот индивид будет отступать всякий раз, когда гендерная иерархия будет находиться под угрозой. Другими словами, вера в то, что предпочтение отдается только одному члену бинарной системы, которая конструирует представления индивида о себе, аналогичным образом исключает трансценденцию в гибридизованное единство личности.

Список источников

Воронина О. А. Конструирование и деконструкция гендера в современном гуманитарном знании / О. А. Воронина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2019. – № 1. – С. 5–16. – DOI 10.17072/2078-7898/2019-1-5-16. – EDN LEXKFM.

Ковтуненко И. В. Творческая рецепция концепции Ж. Бодрийяра в постмодернистской картине мира Ч. Паланика: симулякры, посредничество, исчезающая реальность / И. В. Ковтуненко, И. А. Кудряшов // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11. – № 6. – С. 241–254. – DOI: 10.18522/2227-8656.2022.6.14. – EDN EMXMSP.

Лазарев В. А. Интерпретация романа Ч. Паланика «Бойцовский клуб» в терминах философии нигилизма Ф. Ницше / В. А. Лазарев, Т. Ю. Ларина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингви-

References

Voronina O. A. The construction and deconstruction of gender in modern humanitarian knowledge. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologiya. Sociologiya = Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2019; 1: 5-16 (In Russ.).

Kovtunenکو I. V., Kudryashov I. A. Creative reception of the concept of Zh. Baudrillard in the postmodern picture of the world of Ch. Palanik: simulacra, mediation, disappearing reality. Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia. 2022; 11; 6: 241-254 (In Russ.).

Lazarev V. A., Larina T. Y. Interpretation of C. Palahniuk's novel "Fight Club" in terms of Nietzsche's philosophy of nihilism. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki = Actual issues of philology and pedagogical linguistics. 2022; 4: 193-203 (In Russ.).

Laskova M. V., Lazarev V. A., Ivchenko M. V. Gender asymmetry in linguistic embodiment.

стики. – 2022. – № 4. – С. 193–203. – DOI 10.29025/2079-6021-2022-4-193-203. – EDN ENHILT.

Ласкова М. В. Гендерная асимметрия в языковом воплощении / М. В. Ласкова, В. А. Лазарев, М. В. Ивченко. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. – 112 с. – ISBN 978-5-9275-2152-4. – EDN XHISRB.

Маланов С. В. Психологические механизмы мышления человека: мышление в науке и учебной деятельности / С. В. Маланов. – Москва: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004 (ФГУП ИПФ Воронеж). – 480 с. ISBN 5-89502-447-5 (МПСИ).

Маланов С. В. От феноменологии мышления к теории формирования мыслительных операций и действий / С. В. Маланов // Актуальные проблемы психологического знания. – 2023. – № 1(62). – С. 33–45. – DOI 10.51944/20738544_2023_1_33. – EDN YCTMMG.

Паланик Ч. Бойцовский клуб. Удушье. Колыбельная: романы / Ч. Паланик. – Москва: АСТ, ВЗОИ, 2005. – 704 с. ISBN 5-9660-1461-2.

Фрейд З. Жуткое / З. Фрейд // Фрейд З. Художник и фантазирование. – Москва: Республика, 1995. – 396 с. – ISBN 5-250-02522-6.

Шафиков С. Г. Язык, мышление и язык мышления / С. Г. Шафиков // Вестник Башкирского университета. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 947–952. – DOI 10.33184/bulletin-bsu-2019.4.30. – EDN RISDFM.

On Freud's «the Uncanny» / ed. by C. Bronstein, Seulin Ch. – L., NY.: Routledge, 2020. – 151 p.

Rostov-na-Donu: UFU = Rostov-on-Don: SFU, 2016: 112 p. (In Russ.).

Malanov S. V. Psychological mechanisms of human thinking: thinking in science and educational activities. Moskva: Moskovskiy psihologo-social'nyy universitet; Voronezh: Izd-vo NPO "MODEK" = Moscow: Moscow psychological and social University; Voronezh: Publishing House of the Scientific and Production Association "MODEK". 2004: 480 p. (In Russ.).

Malanov S. V. From the phenomenology of thinking to the theory of formation of mental operations and actions. Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya = Actual issues of psychological knowledge. 2023; 1 (62): 33-45 (In Russ.).

Palahniuk Ch. Fight Club. Choke. Lullaby: novels. Moskva: AST = Moscow: AST Publ. 2005: 700 p. (In Russ.).

Freud Z. Uncanny. Freud Z. The artist and fantasy. Moskva: Respublica = Moscow: Republic Publ. 1995: 265-281 (In Russ.).

Shafikov S. G. Language, thinking and the language of thinking. Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University. 2019; 24; 4: 947-952 (In Russ.).

On Freud's «the Uncanny». Ed. by C. Bronstein, Seulin Ch. L., NY.: Routledge. 2020: 151 p.

Для цитирования: Ковтуненко И. В., Кудряшов И. А., Бондаренко Ю. Б. Проблема многомерной идентичности личности в обществе эпохи постмодерна // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 1 (71). – С. 158–174. DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.11 EDN IZJDHN

История статьи:

Поступила в редакцию – 12.12.2024

Одобрена после рецензирования –
16.01.2025

Принята после публикации – 17.01.2025

Сведения об авторах

Ковтуненко Инна Викторовна

Доктор филологических наук, профессор
Южного федерального университета
SPIN-код: 9889-7701
AuthorID РИНЦ: 671852
iv.kovtunenکو@yandex.ru

Кудряшов Игорь Александрович

Доктор филологических наук, профессор
Южного федерального университета
SPIN-код: 8810-79-54
AuthorID РИНЦ: 186103
igalk@mail.ru

Бондаренко Юрий Борисович

Кандидат филологических наук, начальник
управления профессиональной ориентации
и поддержки талантливой молодежи
Донского государственного технического
университета
SPIN-код: 3721-4372
AuthorID РИНЦ: 1239778
whitemachine@mail.ru

Information about authors

Inna V. Kovtunenکو

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Southern Federal University
Scopus AuthorID: 57202188059
iv.kovtunenکو@yandex.ru

Igor A. Kudryashov

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Southern Federal University
Scopus AuthorID: 57214118052
igalk@mail.ru

Yuriy B. Bondarenko

Candidate of Philological Sciences, Head
of the Department of Career Guidance
and Support for Talented Youth at the Don
State Technical University
whitemachine@mail.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

**ТИПОЛОГИЯ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ
КУЛЬТУРЫ В СФЕРЕ
ГАСТРОНОМИИ ЖИТЕЛЕЙ
ГОРОДА-МИЛЛИОНИКА
(НА ПРИМЕРЕ
г. РОСТОВА-НА-ДОНУ)**

**THE TYPOLOGY
OF CONSUMER CULTURE
IN THE GASTRONOMIC FIELD
AMONG THE RESIDENTS
OF A MILLIONAIRE CITY
(THE CASE
OF ROSTOV-ON-DON)**

А. В. Попов*
Д. А. Щекотин*

Alexander V. Popov*
Denis A. Shchekotin*

** Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия*

** Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования выявить структурные особенности и распространенность разных типов потребительской культуры жителей города-миллионника.

Objective of the study is to identify the structural features and prevalence of different types of consumer culture among the residents of a millionaire city.

Методологическая база исследования: концепция габитуса П. Бурдьё, позволяющая исследовать потребление в сфере гастрономии как один из способов воспроизводства статуса и поддержания членства в группе, а также концепция общества потребления Ж. Бодрийяра, эвристический потенциал которой дает возможность увидеть роль потребления в определении разных аспектов социального бытия.

The methodological basis of the study: P. Bourdieu's concept of habitus, which allows us to study consumption in the field of gastronomy as one of the ways of reproducing status and maintaining membership in a group, as well as J. Baudrillard's concept of consumer society, which heuristic potential makes it possible to see the role of consumption in determining various aspects of social existence.

Результаты исследования. Были выявлены особенности когнитивного, аксиологического и деятельностного структурных компонентов высокого, среднего и низкого типов потребительской культуры в сфере гастрономии. Данные исследования показали, что потребительская культура жителей Ростова-на-Дону в сфере гастрономии сохраняет функцию

Results of the study. The features of cognitive, axiological and activity components of high, medium and low types of consumer culture in the sphere of gastronomy were identified. The data of the study showed that the consumer culture of Rostov-on-Don residents in the sphere of gastronomy retains the function of marking social differences for a certain part of consumers. This is

© Попов А. В., 2025

© Щекотин Д. А., 2025

маркировки социальных различий для определенной части потребителей. Как правило, это носители высокого типа потребительской культуры, для которых посещение кафе/ресторанов остается способом идентификации, поддержки социальных связей. Носители среднего типа потребительской культуры – это люди, для которых еда является не способом подчеркивания социальных различий, а отражает их стиль жизни. Носители низкого типа потребительской культуры не стремятся разнообразить свою жизнь с помощью еды вне дома или сделать ее способом идентификации. Они в большей степени испытывают на себе влияние тенденций унификации потребления в сфере гастрономии.

Перспективы исследования. Полученные результаты могут быть использованы для работы в социологических исследованиях поведения потребителей в условиях унификации потребительских практик, а также в маркетинге при разработке стратегии позиционирования заведений общественного питания для разных типов потребителей.

Ключевые слова: потребительская культура, сфера гастрономии, город-миллионник, социальная идентификация, унификация потребления

a group of the carriers of a high type of consumer culture. Visiting cafes/restaurants remains a way of identification, maintaining social ties for them. The carriers of the medium type of consumer culture are people for whom food is not a way of emphasizing social differences, but reflects their lifestyle. The carriers of a low type of consumer culture do not seek to diversify their lives with the help of food outside the home or make it a way of identification. They are more influenced by the trends of unification of consumption in the sphere of gastronomy.

Prospects of the study. The obtained results can be used in sociological studies of consumer behavior in terms of unification of consumer practices, as well as in marketing when developing a strategy for positioning catering establishments for different types of consumers.

Keywords: consumer culture, gastronomy, millionaire city, social identification, unification of consumption

Введение

В обществе постмодерна потребление, в какой бы сфере оно не лежало, выходит за рамки экономического действия и становится социокультурной практикой. Это значит, что оно определяет разные аспекты социального бытия человека: статус, принадлежность к группе, стиль жизни, отражает запас социального, символического и культурного капиталов. Жан Бодрийяр считал потребление способом поддержания идентификации (Бодрийяр, 2006. С. 85–89). Понимание потребления в таком ключе выводит его из поля исключительно экономического анализа и перемещает в плоскость социального, что, в свою очередь, актуализирует социологическое изучение практик потребления.

Потребление в сфере гастрономии в этой связи является неоднозначным и потому интересным. С одной стороны, питание обусловлено габитусом группы и поэтому, как утверждает П. Бурдьё, потребление в сфере гастроно-

мии является символическим маркером принадлежности к классу (Бурдые, 2005). Габитус формирует вкусы, вкусы детерминируют стиль питания, обуславливают выбор заведений, следование определенным нормам столового этикета, потребность в персонифицированном обслуживании и т. д. Таким образом, культура потребления в сфере гастрономии является маркером классовой принадлежности и средством разграничения «своих» и «чужих». С другой стороны, в ситуации мобильности форм культурного самоопределения, разнообразия гастрономических предложений и высоких темпов повседневной жизни потребление в сфере гастрономии становится более унифицированным и упрощенным, а питание вне дома – вынужденной практикой, а не средством поддержания статуса. Особенно актуально это для жителей городов-миллионников, которые одновременно выступают пространством высокой социальной дифференциации и унификации потребления. В связи с этим интересно понять, носителями каких типов потребительской культуры в сфере гастрономии являются жители российского города-миллионника и насколько посещение кафе и ресторанов для них остается маркером социальных различий.

В данной работе выявление типов потребительской культуры жителей города-миллионника выполнено на эмпирическом материале, собранном в Ростове-на-Дону. Одним из направлений стратегии бренда этого города является позиционирование его как гастрономической столицы Юга России. Знакомство со специализированными ресурсами показывает разнообразие гастрономических заведений (по видам кухни, организации сопутствующего досуга, формам оказания услуг и т. д.) и стабильное попадание ряда из них в страновые и международные рейтинги. Оборот общественного питания по всем каналам реализации из года в год показывает стабильный рост¹. В городе широко представлены как сетевые кафе и рестораны, так и аутентичные заведения. Все это делает Ростов-на-Дону подходящей локацией для поисков ответов на поставленные вопросы.

Методология исследования

В отличие от экономистов социологи рассматривают структуру потребительской культуры через систему ценностей. Так, М. Р. Гриф определяет потребительскую культуру как результат социального взаимодействия (Гриф, 214. С. 151). С. А. Казанский рассматривает ее через представления о потребительских ценностях и нормах (Казанский, 2007. С. 7). Как подчеркивает С. Лури, потребительская культура обеспечивает условия, в рамках которых самоидентификация не только реализуется, но и конструируется (Lury, 1996.

---

¹ Оборот общественного питания по всем каналам реализации в разрезе форм собственности // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области (офиц. сайт). – URL: [https://61.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Оборот%20общественного%20питания\(70\).pdf](https://61.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Оборот%20общественного%20питания(70).pdf) (дата обращения: 03.12.2024).

Р. 8). Потребительская культура становится ресурсом создания личного мира благ, который отражает опыт индивида, его представления о себе и мире. Таким образом, потребительская культура создает условия для политики идентичности (Douglas, Isherwood, 1996. Р. 66).

В научной литературе представлены разные варианты типологии потребительской культуры: в зависимости от того, кто является субъектом потребления (индивид, группа, общества; городские и сельские сообщества; возрастные группы) (Лопатина, 2016), по критерию фаз потребительского поведения (культура принятия решения, приобретения товара или услуги, культура потребления и т. д.) (Ростовцева, 2004. С. 12), по характеру структурных элементов. На наш взгляд, последняя типология обладает высоким эвристическим потенциалом, т. к. ее применение позволяет наиболее полно отразить специфику потребительской культуры жителей современных миллионников.

Говоря о том, как может быть представлена структура потребительской культуры, приведем точки зрения некоторых авторов. Л. И. Ростовцева выделяет следующие компоненты: когнитивный (знания), ценностно-нормативный (ценности, нормы и образцы), символический (Ростовцева, 2004. С. 11). Н. И. Толмачев на первый план выводит деятельностный компонент потребительской культуры, интерпретируя ее через поступки и действия человека, связанные с приобретением товаров и услуг (Толмачев, 2001. С. 39). Т. А. Степченко выделяет три компонента потребительской культуры: личностный (ориентации, социальные мотивы, эмоции и воля), когнитивный (знания, правовая подкованность в системе выбора товаров и услуг), операционный (нравственно-этическая сторона потребления) (Степченко, 2007. С. 17). И. В. Долгова дает определение потребительской культуры исходя из диспозиционной концепции В. А. Ядова и выделяет в ее структуре когнитивный, аксиологический и поведенческий компоненты; их характер является результатом диспозиций индивида, закрепленных в социальном опыте (Долгова, 2013. С. 8).

В научной литературе сложилось несколько подходов к типологизации потребительской культуры с точки зрения различий в характере ее структурных компонентов.

Л. И. Ростовцева типологизирует потребительскую культуру в зависимости от соотношения в сознании ее носителей материальных и духовных потребностей. Исходя из этого автор выделяет благоразумный, аскетический и гедонистический типы. Благоразумный тип потребительской культуры характеризуется рациональностью выбора, подчинению материальных благ реализации нематериальных целей, умеренной сдержанностью в потреблении. Аскетический тип отличается самоограничением, минимизацией материальных потребностей, практичностью потребления. Обладатели гедонистического типа потребительской культуры стремятся через материальное

потребление получить максимум удовольствия; они в большинстве случаев нерациональны в выборе, нацелены на увеличение потребностей и демонстративное потребление. Такие люди плохо информированы об особенностях товаров и услуг, легко поддаются коллективным настроениям и именно эти качества делают их управляемыми со стороны субъектов формирования моделей потребления (Ростовцева, 2004. С. 19–22).

М. Р. Гриф использует понятие «культура потребительского поведения» и в качестве критериев ее типологизации выделяет взаимодействия «личности с самой собой (поступки и внутреннее состояние); личности с членами семьи (человек и ближний круг); личности с кругом знакомых (человек и дальний круг)»¹. Чем ниже уровень конфликтности в системе указанных взаимодействий, тем выше уровень культуры потребительского поведения. Исходя из этого, высокий уровень культуры потребительского поведения характеризуется высокой степенью осведомленности о новинках моды и ассортимента, грамотным планированием доходов и расходов, минимизацией спонтанных покупок и ненужных трат, корректностью к финансовым и временным ресурсам близкого окружения, редкими случаями сожаления и том или ином потребительском опыте. Средний уровень культуры потребительского поведения выражается в менее критичном выборе брендов и товаров, ориентированностью на полезность объектов потребления, стремлении к экономии. В потреблении такие потребители не ориентированы на коллективные нормы, из-за чего могут происходить конфликты с ближайшим окружением. Низкий уровень культуры потребительского поведения характеризуется сочетанием высокой покупательской активности и низким уровнем знаний о приобретаемых товарах, частыми спонтанными покупками, неспособностью планировать расходы, нежеланием и неспособностью ориентироваться на коллективные нормы ближайшего окружения (Гриф, 2014. С. 150–153).

И. В. Долгова также выделяет высокую, среднюю и низкую потребительскую культуру, однако основу ее типологизации составляет характер ее структурных элементов. Автор выделяет когнитивный, аксиологический и деятельностный компоненты. Первый представлен знаниями о потребляемых товарах и услугах, второй – отношением к ним, третий – готовностью потреблять те или иные объекты потребления. Высокий тип потребительской культуры характеризуется знанием и пониманием специфики объекта потребления; сформированными представлениями об идеальном потреблении конкретных товаров или услуг; отношением к объектам потребления как к инструменту улучшения качества жизни и выраженными ценностными потребительскими ориентациями. Средний тип потребительской культуры отличается поверхностными знаниями об объектах потребления, основан-

¹ Гриф М. Р. Культура потребительского поведения россиян. – URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/2/pedagogika/grif.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

ными, скорее, на интуиции, нежели анализе информации; частично сформированными ценностными потребительскими ориентациями; отсутствием четкой установки на потребление конкретных товаров и услуг. Низкий тип потребительской культуры характеризуется отсутствием знаний об объектах потребления и четкого понимания их специфики; несформированностью потребительских ценностных ориентаций; отсутствием установки на потребление конкретных товаров и услуг. Автор подчеркивает, что рассматриваемая в таком разрезе потребительская культура имеет тесные связи с условиями первичной и вторичной социализации человека, его уровнем притязаний, а также испытывает на себе влияние СМИ, семьи, государства и институтов образования (Долгова, 2013. С. 59–62).

На наш взгляд, для более полного понимания различий среди разных групп потребителей представленные типологии необходимо дополнить индикаторами, направленными на выявление идентификационного потенциала потребительской культуры в сфере гастрономии. Объединяя представленные подходы, выделим собственное представление о том, какие характеристики присущи высокой, средней и низкой потребительской культуре в сфере гастрономии (табл. 1).

Выделенные эмпирические индикаторы высокой, средней и низкой потребительской культуры легли в основу анкеты исследования. Сбор данных проводился в ноябре 2024 г. – январе 2025 г. Объем выборки составил 300 человек (возраст от 18 лет, жители Ростова-на-Дону). Основными признаками отбора респондентов были пол и возраст. При этом для сохранения возможности сравнения результатов опроса по возрастным группам отбиралось одинаковое количество респондентов в каждой когорте. Соотношение респондентов в зависимости от половой принадлежности: мужчины – 51,7 %; женщины – 48,3 %. Соотношение респондентов по принадлежности к возрастным группам: от 18 до 24 лет – 20 %; от 25 до 34 лет – 20 %; от 35 до 44 лет – 20 %; от 45 до 59 лет – 20 %; от 60 лет и старше – 20 %. Анкета также учитывала такие параметры, как уровень образования, вид профессиональной деятельности, давность проживания в Ростове-на-Дону. Однако они несли вспомогательный функционал, и соотношение респондентов по этим признакам имеет фактический характер.

Результаты исследования

Итак, каковы структурные особенности и распространенность разных типов потребительской культуры жителей города-миллионника?

Первый тип потребительской культуры – высокий. Это люди, для которых потребление в сфере гастрономии является значимым элементом их стиля жизни, а также социальной идентификации. В чем это выражается?

Помимо того, что носители высокого типа потребительской культуры ценят качество еды и сервиса, они делают потребление в сфере гастрономии

Таблица 1

Типы потребительской культуры в сфере гастрономии

Типы потребительской культуры		Высокая потребительская культура	Средняя потребительская культура	Низкая потребительская культура
Компоненты потребительской культуры	Типы потребительской культуры			
	Когнитивный компонент	– стремление узнать как можно больше нового (о кухнях разных стран мира, практиках гастрономического потребления, заведениях, поставщиках) – хорошее знание преимуществ посещаемых заведений – хорошее знание новинок моды и ассортимента в сфере гастрономии	– эпизодически проявляемый интерес к получению новых знаний – знание некоторых преимуществ посещаемых заведений – знание некоторых новинок моды и ассортимента в сфере гастрономии	– отсутствие интереса к поиску новой информации о потреблении в сфере гастрономии – отсутствие сформированных знаний о преимуществах посещаемых заведений – отсутствие знаний новинок моды и ассортимента в сфере гастрономии
	Аксиологический компонент	– стремление сделать потребление в сфере гастрономии показателем своего социального положения – стремление ставить качество выше стоимости – высокая ценность определенных заведений и поставщиков продуктов – высокая ценность персонализированного обслуживания	– потребление в сфере гастрономии как часть стиля жизни – важность оптимального соотношения цены и качества – ценность определенных видов кухни – ценность качественного, но не обязательно персонализированного обслуживания	– считает потребление в сфере просто способом удовлетворения потребностей в еде – цена в большинстве случаев важнее качества – не считает важным потреблять товары именно определенных производителей или услуги определенных поставщиков – не придает большой важности качеству обслуживания – не рассматривает еду и посещение кафе/ресторанов как способ получения эмоций
Деятельностный компонент		– получение ярких эмоций и впечатлений от еды – грамотное планирование доходов и расходов, контроль важности и нужности покупок – стремление делиться позитивным опытом потребления в сфере гастрономии с окружением – посещение заведений, еда и обслуживание в которых субъективно оцениваются на высоком уровне	– получение эмоций и впечатлений от еды – контроль важности и нужности большинства покупок – отсутствует регулярное стремление делиться позитивным опытом потребления – избегание заведений, в которых стоимость еды слишком низкая	– склонность к импульсивному потреблению – отсутствие стремления делиться позитивным опытом потребления – стремление сэкономить на потреблении в сфере гастрономии

Источник: составлено авторами.

способом удовлетворения эстетических потребностей и частью своей потребительской идеологии. Когнитивный компонент данного типа потребительской культуры отличается тем, что представители этого сегмента потребителей стараются узнать как можно больше нового (о кухнях разных стран мира, практиках гастрономического потребления, тех заведениях, в которые они собираются пойти). Так, например, 27,7 % опрошенных, прежде чем пойти в новый для себя ресторан или кафе, читают о нем отзывы, узнают об особенностях кухни у тех, кто в нем уже был, ищут информацию об этом заведении (сети заведений) в интернете. Для 24,9 % респондентов важно пробовать новые блюда в любимых кафе и ресторанах, так как это дает возможность расширять свой кругозор и получать удовольствие. Также респонденты с высоким уровнем потребительской культуры считают важным знать, кто поставляет продукты на кухни того или иного гастрономического заведения, и стараются выбирать определенные кафе и рестораны, в качестве работы поставщиков которых они уверены (45,6 %).

Аксиологический компонент высокого типа потребительской культуры в сфере гастрономии проявляется в том, что потребители этого сегмента не просто ценят вкусовые и эстетические качества еды, но и считают посещение определенных кафе и ресторанов важной частью своего социального положения. Так, 23,9 % опрошенных согласны с утверждением, что уровень заведений, которые посещает человек, – это показатель его статуса и имиджа, 45,9 % готовы платить больше за высокое качество и достойный уровень сервиса. 28,3 % респондентов также ценят персонализированное обслуживание.

Деятельностный компонент высокого типа потребительской культуры проявляется в том, что представители данного сегмента потребителей внимательно относятся к планированию доходов и расходов и органично вписывают походы в кафе и рестораны в общую систему трат (38,2 %), а также считают важным делиться позитивным опытом потребления с окружением (55,8 %).

Если говорить о представленности высокого типа потребительской культуры, то по данным исследования видно, что носителями всех перечисленных признаков являются около четверти респондентов. Распределение выборки по полу не выявило значимых различий; по возрасту – выделяет более частую принадлежность к этому типу потребительской культуры 35–45-летних, а по субъективной оценке своего материального положения – примерно одинаковую представленность высокообеспеченных и среднеобеспеченных горожан.

Для носителей среднего типа потребительской культуры в сфере гастрономии посещение кафе и ресторанов не является частью потребительской идеологии, а представляет собой способ разнообразить повседневную жизнь и эмоции доступными средствами. Представители этого сегмента выборки знают о некоторых преимуществах еды и сервиса, однако они менее лояльны определенным брендам, заведениям, поставщикам. Ведущими критериями

выбора ресторана или кафе в данном случае являются вкусовые качества еды и общее качество сервиса (43,9 %). В свою очередь это влияет и на стратегию потребительского выбора: носители среднего типа потребительской культуры едят потому, что вкусно, поэтому реже обращают внимание на новинки меню (63,6 %). Они также не стремятся как можно больше узнать о новых заведениях: для выбора кафе или ресторана им достаточно прочитать несколько отзывов или узнать мнение друзей (53,5 %). В то же время носители этого типа потребительской культуры имеют определенные любимые блюда или кухню и считают важным знать, из продуктов какого качества эти блюда готовятся (43,1 %).

Аксиологический компонент среднего типа потребительской культуры выражается в следующих особенностях потребления в сфере гастрономии. Первое – они не стремятся сделать посещение ресторанов и кафе признаком социального статуса или принадлежности к определенному кругу людей. Заведения, которые они посещают, это скорее места для людей с определенным стилем жизни (24,3 %). Второе – эта группа потребителей далеко не всегда готова переплачивать, они стремятся к оптимальному соотношению качества еды и ее стоимости (53,6 %). Третье – персонифицированное обслуживание для них не является приоритетным (40,2 %).

Деятельностный компонент социальных практик носителей среднего типа потребительской культуры проявляется в контролировании важности и нужности большинства покупок (33,2 %), избегании заведений, в которых стоимость еды очень низкая (63,4 %). Эта группа потребителей иногда делится позитивным опытом потребления (41,5 %).

Представленность среднего типа потребительской культуры в общей структуре респондентов выше: носителями большинства перечисленных признаков являются около 40 % опрошенных. Распределение выборки по полу выявило несколько более высокую выраженность когнитивного компонента социальных практик у мужчин и аксиологического – у женщин. Если дифференцировать выборку по возрасту, то можно увидеть, что ярче всего выделенные признаки среднего типа потребительской культуры выражены у молодых людей 25–34 лет и горожан в возрасте 60 лет и старше. Интересно отметить, что анализ распределений ответов по субъективной оценке материального положения снова не выявил значимых различий, что еще раз подтверждает вывод: потребление в сфере гастрономии обусловлено в большей степени стилем жизни, нежели доходом.

Для носителей низкого типа потребительской культуры в сфере гастрономии посещение кафе и ресторанов это в первую очередь способ утолить голод. Они не задумываются об особенностях еды и сервиса посещаемых заведений (17,1 %), не отслеживают новинки (11,5 %), не считают важным искать информацию о заведениях (18,8 %). Их не интересует, кто поставляет

продукты в выбираемые ими заведения и каковы особенности кухни в них (11,3 %). Как правило, у этого сегмента потребителей нет любимой кухни, а выбор заведений прагматичен (17 %).

Аксиологический компонент потребительской культуры низкого типа имеет следующие особенности. Во-первых, посещение заведений общественного питания этой группой потребителей никак не связывается с собственным статусом, имиджем или стилем жизни (23,9 %). Во-вторых, если при соотношении стоимости и качества еды цена в некоторых случаях не является определяющим фактором (только 5,5 % опрошенных пойдут в заведение, стоимость еды в котором низкая), то качество обслуживания этими потребителями не считается важным критерием выбора заведения (18 %). При этом для некоторой части потребителей этого сегмента еда все же иногда может быть способом разнообразить свое свободное время (23,4 %) или отметить важное событие (22,2 %).

Деятельностный компонент низкой потребительской культуры характеризуется склонностью к импульсивным практикам потребления (28,6 %). Интересно отметить, что только 5,5 % опрошенных не делятся позитивным опытом потребления и всего 2,7 % стремятся максимально экономить при посещении заведений общественного питания.

Полученные данные показывают, что в чистом виде низкая потребительская культура представлена среди не более чем 5 % опрошенных. Около 20 % респондентов являются носителями большинства признаков низкой потребительской культуры, однако они не готовы максимально экономить на качестве потребляемой еды. Распределения ответов на вопрос в зависимости от пола респондента не выявили существенных различий. Что касается возрастных групп, то число носителей низкой потребительской культуры несколько больше среди молодежи 18–24 года. В разрезе выборки по субъективной оценке своего материального благосостояния носители низкого типа потребительской культуры чаще встречаются среди тех, кто относит себя к среднедоходным и низкодоходным категориям.

Возникает вопрос: насколько в сложившейся ситуации среди ростовчан распространены практики потребления домашней еды, характерные для городов с высоким темпом жизни (замена домашней еды доставкой готовых блюд, потребление фастфуда, перенос основных приемов пищи в заведения общественного питания). Данные позволяют сделать интересные выводы. Так, доставка еды на дом не является широко распространенной практикой: только 16,3 % делают это часто. При этом большинство респондентов не рассматривают такой способ питания как способ экономии денег (лишь 7,2 % однозначно согласились с соответствующим утверждением) и только 27 % опрошенных видят в этом возможность сэкономить время. 87,9 % однозначно или скорее предпочтут кафе/ресторан заказу еды на дом. Что касается фаст-

фуда, то здесь были получены похожие результаты: только каждый десятый респондент отметил, что часто покупает еду на улице; для большинства опрошенных фастфуд не является способом быстро и вкусно поесть (82,3 %) или сэкономить (92,5 %). Интересно отметить, что дифференциация выборки по субъективной оценке своего материального благосостояния не выявила значительных различий. Для большинства опрошенных поход в кафе/ресторан остается способом получения положительных эмоций (62,3 %), удовлетворения эстетических потребностей (72,3 %), возможностью оказаться в неповседневной атмосфере (67,2 %), провести время с друзьями (78 %).

Заключение

Таким образом, потребительская культура жителей Ростова-на-Дону в сфере гастрономии сохраняет функцию маркировки социальных различий для определенной части потребителей. Как правило, это носители высокого типа потребительской культуры, для которых посещение кафе/ресторанов остается способом идентификации, поддержания социальных связей. Это группа потребителей, которых, с одной стороны, можно назвать экспертами (высокий уровень знаний о потребляемых продуктах, особенностях кухни, заведений), а с другой – эстетам (ценность внешнего вида еды, избирательность, сформированный вкус). Они ценят качество еды и персонифицированное обслуживание. Данные исследования показывают, что доход является значимой детерминантой высокого типа потребительской культуры, но больше испытывает влияние габитуса. Эта группа потребителей, живя в городе-миллионнике, слабо испытывает на себе влияние тенденций унификации в области потребления еды не дома, характерные для крупных территориальных локаций.

Носители среднего типа потребительской культуры – это люди, для которых еда является не способом подчеркивания социальных различий, а отражает их стиль жизни. Их практики питания не дома уже больше зависят от темпа городской жизни, однако еда для них – это прежде всего способ получить яркие эмоции и провести время с близкими. Данная группа потребителей также ценит качество еды и сервиса, но старается достигать их оптимального соотношения со стоимостью. Основную часть носителей этого типа потребительской культуры составляют горожане, оценивающие свое материальное благосостояние как среднее, однако сюда входят потребители как из высокодоходных, так и менее обеспеченных групп.

Низкий тип потребительской культуры в чистом виде среди опрошенных встречаются редко. Большинство носителей ее основных признаков все же не готовы максимально экономить на качестве еды. Это люди, для которых еда это в первую очередь способ утолить голод. В связи с этим носители низкого типа потребительской культуры не стремятся разнообразить свою жизнь с помощью еды вне дома или сделать ее способом идентификации. Они в большей степени испытывают на себе влияние тенденций унификации по-

требления в сфере гастрономии. Сюда входят потребители из низкодоходных и среднедоходных групп.

В целом практики потребления недомашней еды остаются для ростовчан в первую очередь возможностью получения новых эмоций и впечатлений, а только потом способом экономии времени (или еще реже – денег). Потребление жителей города в сфере гастрономии при этом можно характеризовать как активное, но не гомогенное.

Список источников

Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – Москва: Республика, 2006. – 272 с. – ISBN 5-250-01894-7.

Бурдые П. Различение: социальная критика суждения / П. Бурдые // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6, № 3. – С. 25–48. – EDN OYOBXD.

Гриф М. Р. Культура потребительского поведения россиян / М. Р. Гриф // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 2. – С. 150–153. – EDN RWUFBT.

Долгова И. В. Методика социологического исследования потребительской культуры отдыхающих / И. В. Долгова // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 9. – С. 50–63. – EDN RXCHXH.

Казанский С. А. Социальная роль бренда в потребительской культуре россиян: социологический анализ: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Казанский Сергей Александрович. – Москва, 2007. – 24 с. – EDN ZNEWWN.

Лопатина Е. А. Потребительское поведение подростков в контексте социализации (на материалах Ростовской области): специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Лопатина Елена Андреевна. – Ростов-на-Дону, 2016. – 22 с. – EDN ZQHMBD.

Ростовцева Л. И. Потребительская культура как регулятор поведения потребителей: специальность 22.00.03 «Экономическая социология и демография»: автореферат

References

Baudrillard J. Consumer society: its myths and structures. *Moskva: Respublika = Moscow: Republic Publ.* 2006; 272 p. ISBN 5-250-01894-7 (In Russ.).

Bourdieu P. Distinction: social criticism of judgment. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic sociology.* 2005; 6 (3): 25-48 (In Russ.).

Grif M. R. Culture of consumer behavior of Russians. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development.* 2014; 2: 150-153 (In Russ.).

Dolgova I. V. Methodology of sociological research of consumer culture of vacationers. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya = Social and humanitarian knowledge.* 2013; 9: 50-63 (In Russ.).

Kazansky S. A. Social role of the brand in the consumer culture of Russians: sociological analysis: specialty 22.00.04 «Social structure, social institutions and processes»: author's abstract of the dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Kazansky Sergey Alexandrovich. *Moscow*, 2007. 24 p. (In Russ.).

Lopatina E. A. Consumer behavior of adolescents in the context of socialization (based on the materials of the Rostov region): specialty 22.00.04 «Social structure, social institutions and processes»: author's abstract of the dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Lopatina Elena Andreevna. *Rostov-on-Don*, 2016; 22 p. (In Russ.).

Rostovtseva L. I. Consumer culture as a regulator of consumer behavior: specialty 22.00.03 «Economic sociology and demography»: abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences.

диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Ростовцева Людмила Ивановна. – Москва, 2004. – 49 с. – EDN NJQXDP.

Степченко Т. А. Формирование потребительской культуры как средство социализации школьников: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Степченко Татьяна Александровна. – Москва, 2008. – 513 с. – EDN QDZOIN.

Толмачев Н. И. Менталитет потребителя / Н. И. Толмачев. – Ростов-на-Дону: СКИАПП, 2001. – 224 с.

Douglas M. The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption (orig. 1979) / M. Douglas, B. Isherwood. – London, 1996. – 228 p.

Lury S. Consumer Culture / S. Lury. – New Jersey: Rutgers University Press, New Brunswick, 1996. – 258 p.

Rostovtseva Lyudmila Ivanovna. Moscow, 2004; 49 p. (In Russ.).

Stepchenko T. A. Formation of consumer culture as a means of socialization of schoolchildren: specialty 13.00.01 «General pedagogy, history of pedagogy and education»: dissertation for the degree of Doctor of Pedagogical Sciences. Stepchenko Tatyana Aleksandrovna. Moscow, 2008; 513 p. (In Russ.).

Tolmachev N. I. Consumer mentality. Rostov-na-Donu: SKIAPP = Rostov-on-Don: North Caucasian Institute of Anthropology and Applied Psychology. 2001; 224 p. (In Russ.).

Douglas M., Isherwood B. The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption (orig. 1979). London, 1996; 228 p. (In Russ.).

Lury S. Consumer Culture. New Jersey: Rutgers University Press, New Brunswick. 1996; 258 p. (In Russ.).

Для цитирования: Попов А. В., Щекотин Д. А. Типология потребительской культуры в сфере гастрономии жителей города-миллионника (на примере г. Ростова-на-Дону) // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 1 (71). – С. 175–187. DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.12 EDN QJQSJO

История статьи:

Поступила в редакцию – 18.12.2024

Одобрена после рецензирования –
29.01.2025

Принята после публикации –
31.01.2025

Сведения об авторах

Попов Александр Васильевич

Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
SPIN-код: 8942-6160
AuthorID РИНЦ: 757284
alypopov@sfsedu.ru

Щекотин Денис Анатольевич

Аспирант Южного федерального университета
denis0806@yandex.ru

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Information about authors

Alexander V. Popov

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies and Eurasian Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
WoS. ResearcherID: GXZ-8728-2022
Scopus AuthorID: 56645529500
alypopov@sfsedu.ru

Denis A. Shchekotin

Postgraduate Student,
Southern Federal University
denis0806@yandex.ru

DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.13

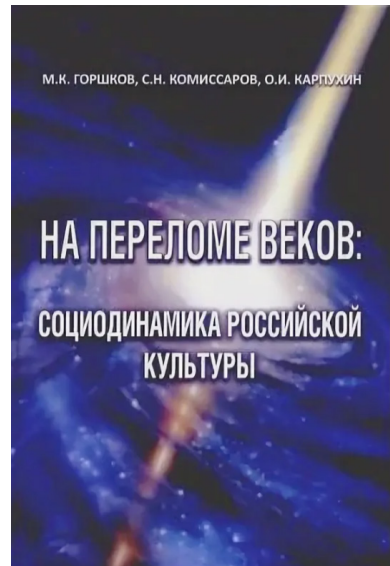
EDN QYFJKZ

*Г. Г. Силласте
А. С. Арутюнян*

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР:

размышления о книге коллег «На переломе веков: социодинамика российской культуры»: [монография] / М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров, О. И. Карпухин; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 703 с.

Данная рецензия – это размышление социологов о М. К. Горшкова, С. Н. Комиссарова и О. И. Карпухина. Размышления построены в форме семи социологических сюжетов, каждый из которых сконцентрирован на определенной проблемной ситуации или проблемном социальном факте: 1 – противоречия, имеющие тенденцию к накоплению; 2 – три вектора социологического познания культуры; 3 – феномен культуры бедности и эстетические девиации; 4 – культурный капитализм и его реализация в культурных практиках; 5 – феномены демократической революции и революционные ценности; 6 – конфликтогенность культур и культурной травмы общества; 7 – тезис о возрастающей власти медиаиндустрии в формировании культурных ценностей в эпоху формирования нового социального порядка. Поставлены вопросы об исследовании культуры как социального феномена, социального института, социальной сферы и многообразного пространства социальной деятельности разных социальных сообществ.

Сюжет 1. «О русской культуре замолвите слово»...

И наши коллеги из ФНИСЦ РАН М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров и О. И. Карпухин его замолвили, издав коллективную монографию «На переломе веков: социодинамика российской культуры»¹.

---

¹ На переломе веков: социодинамика российской культуры: [монография] / М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров, О. И. Карпухин; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 703 с. – DOI: 10.19181/monorg.978-5-89697-390-4.2022. – ISBN 978-5-89697-390-4.

Само название книги содержит скрытый авторами подтекст: тема дискуссионная, противоречивая и, как это бывает во время слома эпох, конфликтотенная, в которой ракурсы анализа и осмысления могут быть разные и даже противоположные. Как известно, самым распространенным аналитическим подходом в сравнительном анализе, в том числе и эволюции социальных процессов, является простейшее сравнение по оси «было – стало».

Мы же в своих размышлениях методологически будем опираться на парадигму модусов социального времени, которая позволяет оценить сложные социальные изменения и их последствия в трех модусах: модусе прошлого социального времени, в модусе настоящего и в модусе будущего социального времени. В нашем анализе это оценка эволюции социальных процессов в России от социалистической к рыночной экономике – во время ее транзаций и, как постфактум – оценка последствий этого сложного деструктивного перехода.

Предметом социологических размышлений мы выбрали два «пиковых» периода, которые особо остро поставили вопросы развития института культуры в неординарно изменяющемся обществе и, словами З. Баумана, их можно идентифицировать с обществом в состоянии «текущей современности» (Бауман, 2008).

Будем исходить из социологического посыла, что культура – *это и социальный институт, и социальный феномен; это социальная сфера и многообразное социальное пространство деятельности самых разных социальных сообществ, социальных групп и личностей*. Поэтому анализ положения института культуры в изменяющемся обществе, содержания самой культуры будем вести с позиций полипарадигмального подхода. И еще одна ремарка: культура как социальный феномен в своей основе – это триада: *мировоззрение – духовность – идеология*. Поэтому культура – это своего рода духовно-нравственный инструмент социальных преобразований, сохранения и передачи «социального настоящего» исторически сложившихся традиций и духовных ценностей нации в эпоху перемен. С этих позиций мы и подойдем к анализу результатов творческого осмысления нашими коллегами процесса социодинамики российской культуры на переломе XX и XXI веков.

С позиций модуса прошлого социального времени ответим на вопрос «Чем исторически это время отличается от социального настоящего?»

Сюжет 2. Противоречия имеют тенденцию к накоплению

Через все повествование монографии проходит анализ влияния «демократических реформ» 90-х годов на постсоветское развитие российского общества. Спустя три постсоветских десятилетия, в политических, научных и интеллигентских кругах оформилась твердая убежденность, что произошедшие реформы коренным образом изменили не только политику, экономику, но и саму культуру российского общества. Тем не менее, как справедливо

отмечают авторы, «...только четверть населения считает, что после 1991 года Россия пошла по “правильному пути”, а треть вообще воспринимает произошедшее как “трагедию”» (Горшков и др., 2022. С. 84).

Очевидно, что длительный переход России к рыночной, а точнее – ее насильственный возврат к капиталистической экономике, сопровождавшийся социальной неустойчивостью, противоречивостью, обожествлением либертарианства в экономике ведущим теоретическим законом того времени, стал своего рода живой иллюстрацией действия в социуме известного философского закона Гегеля «отрицание отрицания» – одного из основных законов диалектики. Как известно, он характеризует направление, форму и результат процесса развития. Согласно данному закону, развитие осуществляется циклами, каждый из которых отражает три стадии эволюции (трансформации) общества: исходное состояние, его превращение в свою противоположность, превращение этой противоположности в свою противоположность. Теперь России можно не искать чужие исторические примеры: слишком горько наглядным стал свой собственный.

Реверсивный возврат к социальному прошлому в форме отказа от социалистической модели развития экономики и перехода к капиталистической воплотил собой растянутый во времени и крайне болезненный для общества этап *транзитивной экономики*, длившийся до 2018 года, ознаменовавший в мировом масштабе переход к экономике инклюзивной. Транзитивная экономика продемонстрировала свой разрушительный характер: долгосрочные негативные последствия для жизнедеятельности абсолютного большинства россиян и насильственную смену духовно-ценностного кода российского общества.

С этой точки зрения авторы раскрывают влияние экономических факторов в условиях экстремального развития общества на институт культуры как на один из наиболее чувствительных социальных институтов общества. Не будет преувеличением сказать, что если институт экономики – это мощный драйвер кардинальных изменений в общественной системе, то институт культуры – это нерв общества как социального организма.

Авторы монографии на базе эмпирических социологических фактов приходят к обоснованному выводу о том, что, несмотря на огромный разрушительный экономический и мировоззренческий «эффект» реверсивного движения российского общества 1990-х – начала 2000-х годов, «...капитализм в России так и не стал всенародным делом. В общественном сознании присутствует огромный массив ценностей, которые определяют социалистический образ жизни, таких как социально-классовое, национальное и культурное равенство, представление о труде как важнейшей естественно-исторической и социальной ценности» (Горшков и др., 2022. С. 184). Вместе с тем тезис авторов о безусловной ценности труда можно считать весьма полемичным, особенно в молодежной среде, где весьма распространенным

является мнение о том, что вынуждены трудиться в нашей стране «далеко не самые умные и успешные люди». Это перекликается со своего рода народным афоризмом: «Если ты такой умный, то почему тогда такой бедный?»

Сюжет 3. Три вектора социологического познания культуры

Читая фундаментальный труд коллег, мы выделили три вектора их подхода к анализу социальных изменений в сфере культуры. С позиций *первого* – культура как определенная отрасль социологического познания. *Второй* – о транзитивности трансформаций института культуры в эпоху перемен. Вектор *третий* – анализ социальных «гримас» культуры в модусе настоящего социального времени. В этом контексте анализ авторов хорошо иллюстрирует эпиграф Франсуа де Ларошфуко «*Куда полезнее изучать не книги, а людей*».

Для такого изучения коллеги предложили разносторонний анализ богатой эмпирической базы многочисленных социологических исследований, как собственных, так и своих коллег из разных социологических центров, осуществленный с позиций «социологии культуры» как частной социологической теории, «теории культурологии», включая «философию культуры», а также развития методологических посылок российских и зарубежных исследователей.

Авторы правы, когда пишут о «*многомерных проявлениях культуры в массовом сознании и поведении*». Трудно не согласиться и в том, что культура – это одна из «вечных» и самых «мучительных» тем человеческого познания, далеко не всегда оперировавшего при этом культурологическими категориями. При этом справедливо отмечается, что «объект исследования у философии, социологии культуры и других наук, входящих в культурологический пантеон, один: культура со всеми ее магистральными направлениями и мельчайшими закоулками, яркими взлетами художественных гениев и, говоря словами И. Бунина, “темными аллеями”, человеческих взаимоотношений».

Именно с этих позиций монография и дает анализ социодинамики российской культуры на переломе веков. При этом авторы образно подчеркивают, что «социологию культуры интересует не конъюнктурная “рябь” океана на поверхности общественного настроения, а глубинные течения духовной жизни общества, определяющие путь, по которому будет оно будет жить дальше», уходя из социального прошлого в социальное настоящее. Проще говоря, с позиций авторов, предмет социологии культуры – это ее социальное бытие в синхроническом и диахроническом аспектах.

Мы поддерживаем позицию коллег в том, «социолог изучает не художественные достоинства или недостатки произведений искусства или творчества их авторов, а социально-экономическую детерминацию любых проявлений культуры с одной стороны, а с другой – социальный резонанс созданных художественных ценностей; не новизну художественных форм или

оригинальность творческих решений, а "социальные волны", исходящие от искусства и влияющие на художественное отражение реальности и специфику культурного поведения различных социальных групп».

Таким образом, методологически монография раскрывает культуру в нескольких теоретических ракурсах. Во-первых, как «творческую деятельность по освоению мира, в процессе которой производятся, сохраняются, распределяются и потребляются социальные ценности и нормы; а также совокупность самих этих ценностей и норм, опредмечивающих творческую деятельность людей». Этим теоретическим положением авторы развивают позиции советских социологов Уральской социологической школы – Ю. Р. Вишневского и Л. М. Когана, всестороннее анализировавших человеческую деятельность как один из феноменов культуры.

Во-вторых, культура рассматривается как один важнейших социальных институтов, развитие которого придает «социальное лицо» всему обществу на каждом этапе его эволюции, так как, говоря словами М. С. Кагана, «культура обнимает все, что творит субъект, осваивая мир объектов, очеловечивая окружающий мир и самого себя». Так всеобъемлюще интегрируется системный подход в анализ человеческой деятельности в изменяющихся социальных экономических и социокультурных условиях.

В-третьих, теоретический акцент подхода авторов к исследованию культуры и ее социодинамики опирается на теорию социальных изменений П. Штомпки, ибо исследуется социально-динамический процесс развития культуры и ее закономерностей, динамики и трансформаций на протяжении конца XX века – и начала XXI века.

С позиций такого методологического триединства авторы ведут социокультурный анализ того, как российское общество выросло «из "детских штанишек" экономического детерминизма, механического подчинения неповторимой человеческой индивидуальности диктату социальной и политической целесообразности».

Акцентируясь на положении, что «социология культуры» – одно из самых ярких направлений социологической мысли, авторы раскрывают сложность культуры как объекта для изучения всех наук культурологического цикла, т. к. социология культуры включает социологию всех видов искусства (театры, кино, музыки, литературы). В настоящее время в ареал анализа вошло и многообразие проявлений культуры в системе общественных и межличностных отношений, резко изменившихся в условиях нового социально-информационного мегапространства. Это пространство породило и продолжает привносить новые ценности, нормы и мотивы человеческих поступков, эстетические предпочтения и вкусы, формы культурного поведения развивающихся в России и ее регионах в социальных, возрастных и социогендерных группах.

Сюжет 4. «Культура бедности» и эстетические девиации

Культура в эпоху глобализации породила такое явление как «культура бедности». Это понятие было введено американским антропологом-социологом О. Льюисом в 60-е годы XX века. Культура бедности рассматривается им как субкультура и характеризуется противостоянием с «большой» общепринятой культурой. Надо заметить, что фундаментальной причиной культуры бедности О. Льюис считал «западный социальный порядок». Согласно интерпретации Льюиса, субкультура бедности – это способ адаптации к их маргинальному положению в классово-стратифицированном капиталистическом обществе с ярко индивидуализированной культурой¹. При этом Льюис неоднократно отмечал, что жизнь в бедности не равна принадлежности к культуре бедности.

Более того, культура бедности – понятие по своему содержанию шире, чем просто недостаток финансовых ресурсов и невозможность удовлетворить свои потребности. Речь идет о другом, что в ряде случаев люди, которые долго живут в бедности, усваивают определенный набор ценностей и установок, которые в значительной мере и определяют их поведенческие действия и могут передаваться новым поколениям. Не будем останавливаться на тех 70 характеристиках существования культуры бедности, о которых пишет Льюис, но проведем некоторые векторные связи между субкультурой бедности и эстетическими девиациями, имеющими место в нашем обществе и отражающими неполноценную жизнь в культурном плане.

Это может быть недоступность культуры, вдвойне усугубляемая бытовыми проблемами и сложностью жизни в регионах. В этом случае речь может идти о том, что *«в эстетическом сознании россиян часто доминирует сочетание несочетаемого. Например, интерес к советской эстраде и современным музыкальным шоу типа “Голос”, к русской классике и к детективам»* (Горшков и др., 2022. С. 183). Неравенства, сложившиеся в доступности населения к лучшим образцам национальной и мировой культуры в форме спектаклей, кинематографа, выставочных экспозиций, являются сегодня гордиевым узлом не только показателей социально-экономического развития страны, но и уровня всей российской культуры.

Сформировался специфический феномен, где доступность и ценностная составляющая культуры стали коррелировать напрямую с доходами. Не случайно, авторами проводится тщательный анализ состояния материально-технической базы культуры (библиотек, театров, кинотеатров и др.) не только с помощью количественно-качественных показателей, но и с позиции их доступности. *«Яркой иллюстрацией коммерциализации искусства является*

---

¹ Культура потребления и культура бедности (по О. Льюису). – URL: <https://pocolab.ru/science/education/sociology/tpost/83kxvtfde1-kultura-potrebleniya-i-kultura-bednosti> (дата обращения: 04.12.2024).

пример с продажей билетов на открытие новой сцены Большого Театра в 2011 году, когда билет на спектакль стоил... 2 млн руб.» (Горшков и др., 2022. С. 441).

Культура бедности как экономподруга феминизации бедности

Говоря о культуре бедности, считаем, что было бы полезно обратить внимание на прямую связь этого явления с феминизацией бедности в России. Именно на долю женщин в возрасте от 31–54 лет приходится 21 % малоимущего населения. Как неоднократно показывают результаты социогендерных социологических исследований, рождение ребенка в российской семье существенно снижает уровень жизни, особенно молодых семей. По данным социогендерных исследований научного коллектива «ГалСи» (Финансовый университет при правительстве РФ), процесс феминизации бедности в российском обществе является социальным фактом, требующим последовательных мер со стороны государства по преодолению этого явления (Силласте, Круглова, 2023. С. 190).

Объективные различия в уровне жизни населения страны определили расхождение образов жизни у разных социальных слоев, профессиональных, этнических и религиозных групп, нашедшее свое проявление не только в неравенстве жизненных шансов, но в самом характере культурно-творческой деятельности. *«Процесс поляризации российского общества приводит к тому, что у двух противостоящих “лагерей” не сопоставимы не только размеры состояний, метраж квартир и цена автомобилей, но и, что намного важнее, идеи, ценности, цели в жизни и образцовые “герои”, вкусы и формы поведения досуга» (Горшков и др., 2022. С. 435).*

Для россиян культурные мероприятия (выход в театр, посещение экспозиции в музее, поход в оперу) нередко остаются культурной и материальной привилегией, а одновременно и демонстрацией «псевдостатуса». Бедность ограничивает посещение многих престижных культурных мероприятий, билеты на которые недоступны абсолютному большинству россиян. Усиливает дифференциацию материальной возможности и тип градопроживания. Как известно, доступность посещения таких мероприятий в мегаполисах и даже в среднем городе далеко не одинаковая, не говоря уже о малых городах и сельской местности.

В нашем обществе есть целые группы, слои населения, которые не только в общем и в целом исключены из культурной жизни (походы в театр, музеев, выставочные экспозиции, оперы и т. п.), а потому им попросту уготована роль потребителей различных синтетических форм культурных симулякров (телевидение, желтая пресса, интернет). Очевидно, что, если 42 % бедного населения просто-напросто не удастся пользоваться никакими платными услугами в течение трех лет, то не понятно, о каком росте культурного уровня населения можно вести речь в таких условиях.

С другой стороны, лишь 6 % богатым уготована роль профильных пользователей. По сути, мы сегодня имеем дело с оформившейся в России элитарной культурой.

С культурой бедности, на наш взгляд, связана и мимикрия представителей различных деятелей культуры. *«Речь идет не только и не столько о количественных параметрах, сколько о качественном изменении основополагающих ценностей и критериев искусства, установок и ориентиров творческих устремлений художника»* (Горшков и др., 2022. С. 170).

Сюжет 5. «Культурный капитализм – «демократическая революция» и «революция ценностей»

Авторы книги, обращаясь к анализу глобализации массовых коммуникаций, апеллируют к работе Дж. Рифкина «The Age of Access» («Эра доступа»), который выдвинул понятие «культурный капитализм». В качестве основы этого понятия он рассматривает *«предпринимательскую инициативу, культуру умений, которая в условиях глобализации массовых коммуникаций распространяется от товара или услуги к сервису, т. е. к обслуживанию этого товара»* (Горшков и др., 2022. С. 209). При этом потребителей и производителей объединяют такие отношения, которые становятся условием эффективности бизнеса. Однако главными предметами продажи в капитализме являются стиль и образ жизни.

Это небезынтересная идея для ее анализа в контексте культуры и культурных практик. Культурные практики можно рассматривать как ценностные ориентации национальных меньшинств, этнических групп и сообществ. Контраст культурных практик особенно ощутим в этнических сообществах, что показывает развитие социокультурных контактов среди молодежи разной этнической принадлежности.

В 1990-е годы в истории развития нашей страны прошлого столетия ознаменовали собой, с одной стороны, развал социалистической экономики, а с другой – тяжелейший переход к развитию в условиях транзитивной экономики. По сути, это было начало нового исторического этапа «нового российского общества», в котором переход к транзитивной экономике и ее развитие сложно переплетались с транзитом культурных и гуманистических ценностей западных экономик, с последующей репликацией культурных практик в изменяющем свою социальную суть «новом обществе».

По нашему мнению, массовый отказ россиян от традиционных смыслов, социальной и духовной справедливости, культурных и моральных ценностей имел несколько измерений. В политике – это возврат к капиталистическому обществу; в экономике – отказ от социалистического хозяйствования и возврату к капиталистической экономике через ее транзитивное развитие; в культуре – это смена национального культурного кода.

В идеологическом контексте нередко этот период становления постсоветского общества идентифицируют с «соровским» периодом. И этим, надо признать, очень многое объясняется. Именно в этот период индивидуализм нового типа, ранее распространенный в отдельных кругах номенклатуры, интеллигенции, начал формироваться в свои «мини-идеологии». В дальнейшем это обеспечило условия для формирования особого типа элит в постсоветской России, которые можно определить как «сервисные элиты».

Их рекрутирование в постсоветской и современной России остается подчиненным интересам развития транснационального бизнеса. Если в случае с наиболее образованными группами населения в 1990-е годы выстраивание подобного диалога с корпоративными структурами в рыночной среде имело характер прагматического интереса, то в случае с «широкими народными массами» ситуация носила иной характер.

Ведь для «...для основной массы населения внедрение свободы по американским лекалам носило формально-демагогический характер. В сфере экономики она привела к бесконтрольному разграблению общенародной собственности, начиная с недр, а для обычных граждан свелась к возможности продавать собственные, так сказать, наличные ресурсы (интеллект, талант, даже тело) – преимущественно по демпинговым ценам» (Горшков др., 2022. С. 259).

Авторы книги правы, когда отражают весьма распространенную в России точку зрения очень большой части населения, что под контролем государства, а не бизнеса должны находиться «...все стратегические отрасли экономики, социальная сфера, призванная обеспечивать здоровье и благополучие нации, а культура в этом перечне предполагается, что называется, “по определению”. В отечественном “культурном коде” коренится и отношение россиян к частному предпринимательству и вообще к деньгам, которое существенно отличается от западного, восходящего к протестантской этике» (Горшков и др., 2022. С. 217).

Согласны с авторами в том, что «...становится все более массовой стандартизированная культура, нивелирующая не только национальную, региональную специфику, но и неповторимость личности, осваивающей культуру» (Горшков и др., 2022. С. 237).

Безусловно, политические реалии во многом определяют непосредственно бытие культуры и задают рамки социальной свободы как социального института, с одной стороны, а с другой, «...политика любого государства строится на основании менталитета, подчиняется критериям и оценкам, выработанным в культуре данного народа и народов» (Горшков и др., 2022. С. 255).

Авторы отмечают, что для «россиян демократия – это некий идеальный образ того, чего бы хотелось» (Горшков и др., 2022. С. 256). Однако «“де-

мократическая революция” не привела к “революции ценностей”, потому что вскоре выяснилось, что демократия сама по себе не гарантирует роста жизненного уровня населения, не спасает от административно-бюрократического произвола. И быстрое разочарование в ценностях не заставило себя ждать» (Горшков и др., 2022. С. 256).

**Сюжет 6. Коллективизм как духовный стержень русских людей:
проиграла ли Россия войну символов?**

Историческая «инновация», которая вошла в историю как смена политического строя в СССР и развал советского государства (причем со скоростью, которой не могли ожидать наши идеологические оппоненты), позволила госсекретарю США Хейгу произнести в начале 1990-х годов знаменитую цитату: *«Россия проиграла войну символов»* (Горшков и др., 2022. С. 204). *«Две супердержавы воевали – или противостояли, как хотите, – не только в корейском небе, в горах Афганистана, в глубинах Мирового океана, но и на киноэкранах, в музыкальном и телеэфире, на арт-выставках и на страницах печатных изданий – потому что любые символы – слова и краски, звуки музыки и архитектурные формы – несут не только эстетическую, но и огромную ценностно-смысловую нагрузку»* (Горшков и др., 2022. С. 204).

Глобализация и макдоналдизация, начавшие свое победоносное шествие в эпоху «нулевых», низвели до примитивизма творческую свободу, доведя ее смысловую и ценностную составляющую до провокационного эпатажа и радикального перформанса. «Культурные провокации» вошли в разряд отдельного ремесла в искусстве и стали возможными благодаря агрессивной коммерциализации культуры. Ведь основой всему стало возведение в ранг абсолюта критерия экономического успеха постановки, концерта, киноленты. Рынок как объективная реальность внес радикальные изменения в саму художественную-творческую сферу.

Изменилось и предназначение культуры. Под влиянием которой могла возникнуть цельная и гармоничная личность, измеряющая свои жизненные достижения не только экономическим аршином, но и способностью к рефлексии, желанием и умением развиваться для себя, а не под воздействием клишированных медийных образов.

В США и в странах ЕС на фоне СВО стала активна распространяться идеология русофобии, эффективным инструментом которой стало создание стереотипных образов и откровенных фейков. Такая тактика использовалась и задолго до начала СВО. Но если ранее ее «впрыски» в западное общественное сознание происходили микродозами (кинематограф, сериалы, компьютерные игры и др.), то на фоне укрепления позиции России произошла резкая интенсификация их ретрансляции через медиаиндустрию. Ведущим идеологическим лейтмотивом стала «демонизация» русских и России, ревизия так называемых универсальных ценностей.

Как отмечают авторы монографии, *«несопоставимый даже с недавним прошлым объем культурной информации порождает проблему выбора в нарастающем информационно-культурном хаосе, все в большей степени обретающем характер “дурной бесконечности” в культуре, способной нарушить целостность культуры не только определенного социума, но и личности»* (Горшков и др., 2022. С. 131).

Разовьем эту идею и признаем, что расчет на ослабление российской государственности должен был неизбежно усилить непредсказуемость дальнейшего социокультурного развития страны и спровоцировать борьбу разных подходов: от слепого копирования ценностей западного мира до апологии изоляционизма и замкнутости на неких «сверхценных идеях» русской культуры. Это в итоге должно было привести к мифологизации единой российской культуры. А это уже не просто риск. Это опасная угроза духовному единству российской культуры и ее многонациональной самобытности.

На наш взгляд, механизмом противодействия стал дискурс «русского мира», переживающий своеобразный ренессанс. Его ярким аккордом можно считать подхлестнувшую чувство патриотизма архипопулярную песню «Я – русский», которая звучит во всех национальных музыкальных чартах.

Проблема «русского вопроса» является не только притягательным электоральным лозунгом на протяжении трех десятилетий, но, по сути, центральной темой национального самоопределения. Речь идет не о принадлежности к какому-то конкретному этносу, а в первую очередь это касается языковой сферы культуры. Достаточно обратиться к термину «культура отмены».

Сюжет 7. Конфликтogenность столкновения культур как форма культурной травмы, которую нужно преодолеть

Заканчивая наши социологические «размышлизмы» над интересной и многогранной фундаментальной монографией коллег, отметим ключевой вывод из анализируемого научного труда: в России модуса настоящего социального времени продолжается реверсивный переход к агрессивной коммерциализации всех сфер социальной жизни.

Этот процесс сопровождается обострением столкновения двух ценностных систем и духовно-культурных парадигм: советской и западной. Парадоксальность ситуации заключается в том, что подавляющая часть взрослой, социально зрелой части населения пережив «культурную травму», все еще остается носителем и ретранслятором традиционных культурных и духовных ценностей, поддерживаемых их ближайшим социальным окружением (семьей, близкими людьми, родителями).

Неприятие частью россиян современных образцов культуры (особенно в медиасреде) резко контрастирует с их ценностными представлениями о «добре» и «зле». Авторы монографии выдвигают на передний фланг культурный код советских поколений. Если обратиться к теории К. Рапая,

«...основанной на теории импринтинга, то запечатленные в детстве образы влияют на то, как мы воспринимаем различные явления во взрослой жизни, какие у нас есть ассоциации с тем или иным предметом, событием и так далее» (Горшков и др., 2022. С. 82).

Если и далее использовать теорию К. Рапая для объяснения произошедшей культурной травмы российского общества 1990-х годов и смены культурного кода советского поколения, то мы имеем факт столкновения культур, их духовных основ и групповых интересов.

Для россиян 50+ культурные мероприятия, будь то выход в театр, посещение экспозиции в музее, поход в оперу, это – не привилегия и не демонстрация «псевдостатуса», а естественная возможность цивилизованного человека. Такая социокультурная жизнь возможна лишь благодаря целенаправленной политике государства в этой сфере. Ведь советская культура активно противостояла становлению «манкуртизма», духовной скудости и примитивному потребительству. Однако в условиях глобализации социальные пороки, с которыми так упорно боролась советская власть, в настоящее время являются драйверами развития целых индустрий на многие годы вперед.

Бесспорно, формирующаяся культура XXI века резко отличается от традиционной культуры XX в. Это различие будет, скорее всего, не сокращаться, а усиливаться в силу возрастающей власти медиаиндустрии и укоренения в массовом сознании клипового мышления и его технизации. Но – это же материал для обобщения нашими будущими коллегами.

Список источников

Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 240 с. – ISBN 978-5-469-00034-1.

Горшков М. К. На переломе веков: социодинамика российской культуры / М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров, О. И. Карпукхин. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. – 703 с. – ISBN 978-5-89697-390-4. – EDN ZNLAIZ.

Силласте Г. Г. Феминизация бедности и ее социальные риски в условиях транзитивной экономики и нового гендерного порядка: опыт странового измерения / Г. Г. Силласте, Е. Л. Круглова. – Москва: Прометей, 2023. – 364 с. – ISBN 978-5-00172-403-2. – EDN HFNC SG.

References

Bauman Z. Liquid Modernity. Trans. from English edited by Yu. V. Asochakov. *SPb.: Piter = St. Petersburg: Piter*. 2008; 240 p. ISBN 978-5-469-00034-1. (In Russ.)

Gorshkov M. K., Komissarov S. N., Karpukhin O. I. At the Turn of the Century: Socio-dynamics of Russian Culture. *Moskva: Federal'nyy nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskiiy tsentr Rossiyskoy akademii nauk = Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences*. 2022; 703 p. ISBN 978-5-89697-390-4 (In Russ.).

Sillaste G. G., Kruglova E. L. Feminization of Poverty and its Social Risks in the Context of a Transition Economy and a New Gender Order: Experience of Country Measurement. *Moskva: Prometey = Moscow: Prometheus Publ*. 2023; 364 p. ISBN 978-5-00172-403-2 (In Russ.).

История рецензии:

Поступила в редакцию – 28.11.2024

Одобрена после рецензирования – 25.12.2024

Принята к публикации – 26.12.2024

Силласте Галина Георгиевна

профессор социологии, доктор философских наук,

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,

профессор – исследователь и руководитель

Научной школы «Гендерная и экономическая социология»

Финансового университета при Правительстве РФ,

Председатель Исследовательского комитета «Гендерная социология»

Российского общества социологов

Арутюнян Армен Сергеевич

старший преподаватель кафедры социологии

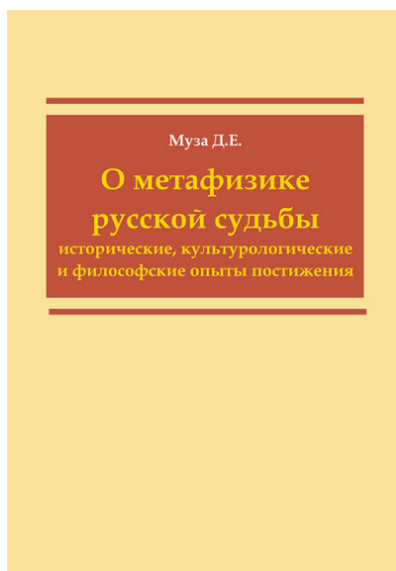
Финансового университета при Правительстве РФ

*Е. В. Золотухина-Аболина
Л. П. Пендюрина*

**КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫЙ ПОИСК –
ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФА
(Рефлексия на книгу Д. Музы «О метафизике русской судьбы:
исторические, культурологические и философские опыты
постижения» / Центр стратегической конъюнктуры. –
М.: Издатель Воробьев А. В., 2023. – 152 с.)**

В 2023 году вышла очередная книга Дмитрия Евгеньевича Музы, доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой мировой и отечественной культуры Донецкого государственного университета. Дмитрий Муза, некогда выпускник ростовского философского факультета, живет и преподает в Донецке, он проработал там все трудные годы уже давно идущей войны, но не покинул родной край и все это время продолжает активную профессиональную деятельность, неустанно размышляя над судьбами родины, над перспективами русской цивилизации. Его философская деятельность – это служение, служение России и служение философии.

Сегодня нам хотелось бы представить широкому кругу читателей и поразмышлять над книгой Д. Е. Музы «О метафизике русской судьбы: исторические, культурологические и философские опыты постижения». Это сборник философско-политологических и философско-культурологических эссе, посвященных разным, но связанным друг с другом темам, написанных в разные годы. Главные сюжеты, выделенные автором в оглавлении, таковы:

1. Русская цивилизация сквозь призму ее культурно-политического кода.
2. Русская цивилизация в мирополитическом процессе.
3. Русская военология.
4. Уроки истории.
5. Проектирование русского будущего.

В аннотации к книге сам автор отмечает: «“Открытия”, касающиеся линии русской судьбы, для автора имеют как теоретическое, так и личностное

измерение. Историческое, культурологическое и философское осмысление этой линии выступает важнейшим пунктом возвращения русского самосознания к самому себе в наступившую “эпоху перевоплощений”» (Муза, 2023. С. 2). То есть книга носит глубоко личный характер, она относится к жанру «пережитого», духовно-интимного анализа и одновременно ставит ряд вопросов, на которые нет однозначных ответов. Ни у кого в кармане не лежит истина, можно в чем-то не соглашаться до конца с позициями автора, но представляемый читателям текст – это живой поиск, и это поиск судьбинных путей нашего отечества.

Сам по себе феномен судьбы достаточно сложен и загадочен. Судьба связывает единой нитью прошлое, настоящее и будущее. Прошлого уже нет, есть его следы и его образ, который, как мы поняли за последние десятилетия, может быть истолкован по-разному. Будущего еще нет, оно существует как прогноз и как проект, но сама «фактология» будущего от нас закрыта: будущее находится лишь в зачаточном состоянии: оно еще не родилось и чревато неожиданностями. А настоящее – это наше сегодняшнее действие с его противоречиями и борениями, со столкновением интересов и всегда рискованным выбором. И тем не менее не говорить и не писать о судьбе, в данном случае о судьбе России, невозможно. Обратимся к тем идеям Д. Мусы, которые представляются нам наиболее примечательными.

Автор обсуждаемой книги не является мыслителем-одиначкой, он принадлежит к когорте «цивилизационщиков-евразийцев», к мощному интеллектуальному движению, существующему в России еще с XIX века и вновь расцветшему на рубеже XX и XXI веков. Свою позицию он возводит к концепции А. С. Панарина (Панарин, 2003) и идеям А. И. Уткина (Уткин, 2022), в тексте часто упоминаются взгляды Н. Я. Данилевского, Н. А. Бердяева, К. Н. Леонтьева, С. С. Хоружего. Он опирается также на мощную русскую философско-литературную традицию и отмечает: «В русской истории и культуре... сложилось особое профетическое видение судеб России и мира. Оно есть у русских писателей и мыслителей: А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь и Ф. И. Тютчев, Вл. Соловьев и Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и Л. П. Карсавин, отец Сергей Булгаков и митрополит Иоанн (Снычев)» (Муза, 2023. С. 6). Это сообщает размышлениям Д. Мусы серьезную методологическую основу:

- 1) представление о России как особой цивилизации, не обремененной следовать чужим социокультурным и политическим траекториям;
- 2) опора на аксиологическое прочтение сущности русской культуры, на убеждение в ее высокой духовности;
- 3) усмотрение определенного телеологизма в русской истории, фиксация внутренней цели развития, глубоко связанной с утверждением православия.

Вся книга пронизана двумя важными содержательными линиями: эмоционально – опытом сражения с фашизмом на Донбассе, интеллектуально –

усмотрением задачи философа в том, чтобы вести культурно-ценностную разработку ведущих идей русской цивилизации, таких идей, которые, воспроизводясь и расширяясь, позволят России и дальше сохранять свое неповторимое лицо и упрочивать свой суверенитет.

Первая важная тема, которая привлекла наше внимание, это заявленная автором тема аксиоцентрического смысловедения. На вопрос, каковы ресурсы русской цивилизации и других незападных культур, какова база для создания нового, не подчиненного Западу цивилизационного порядка, автор отвечает: «...Чтобы разобраться в общей экспозиции этих ресурсов (базы) позитивной исторической экзистенции, нужен особый аксиоцентрический взгляд, способный дать объемную картину цивилизационного устройства и соответствующего *modus'a vivendi*. Такую цивилизационную эпистемологию, состоящую из гуманитарного объяснения и гуманитарного понимания, нацеленную на каждую из пяти ныне существующих цивилизаций – восточно-христианскую, западную, мусульманскую, индо-буддийскую, конфуцианско-даосскую, предложено описывать как триединство “трех миров”: 1) мира ценностей; 2) “жизненного мира”; 3) мира истории. Но все они, тем не менее, объединены проективным принципом, т. е. “сознательно затребованного стихийно текущему” (!). Все это можно обозначить как метапозицию аксиоцентрического смысловедения» (Муза, 2023. С. 9).

Речь идет о том, как важно понять, на какие ценности ориентирована та или иная цивилизация. Прорыв в «ценностное измерение бытия» (А. Панарин) разных культур даст возможность понять перспективу взаимодействия каждой культуры с другой. Коротко осветив разные культурно-исторические модели российской цивилизации, автор дает три основных ключа для выстраивания ее сегодняшнего понимания: 1) учет условий жизни современной России в технизированном секуляризированном мире; 2) необходимость в этих условиях признания Сверхценности, которую Д. Муза усматривает в Православии; 3) взгляд на ценности, жизненный мир и историю с точки зрения Традиции как аутентичной для России формы.

Духовное ядро является главным в Традиции. Духовная общность «Мы» образуется через контакт с Иным, высшим, с Богом. Российский цивилизационный субъект, идущий по пути Православной традиции, полагает автор, призван ставить следующие задачи: создавать целостного человека, способного объединять в себе святость и праведность; стремиться возродить первоизданное всеединство во всеобщем духовно организованном Граде. Текст автора при этих размышлениях приобретает высокий пафос и метафорическую форму выражения.

В то же время автор осознает, что на духовном пути православную цивилизацию ждут трудности, важнейшая из которых – искажение самих ценностей. Он пишет: «Тем не менее сегодня при реализации этой аксиологической

сверхзадачи нам необходимо учесть специфику реальных условий, в которых она будет решаться “творческим меньшинством” цивилизации, а также цивилизационным большинством. Речь идет о том, что в реализации креатогенеза, смыслогенеза и морфо-цивилогенеза, точнее ретрадиционализации исторического бытия, России необходим учет расставленных “приманок”, ведущих к изменению цели, смысла экзистенции и возведению “универсальной империи”» (Муза, 2023. С. 15). Либерализм разного толка, не только экономический и политический, но и культурный в виде нравственных и ценностных предпочтений, а также западный образ жизни способны ослаблять русский культурный код. Автор решительно критически высказывается о позиции Ф. Фукуямы, объявляющего культуру Запада единственной и окончательной моделью для всех, и в этой критике его можно только поддерживать. России вовсе незачем «тестировать себя» на соответствие Западу: «... сегодня на повестке дня нешуточное противостояние с Западом (где Европа играет свою “законную” партию) чаще всего очерчивается и оценивается как фронтальное: от геополитических рубежей – до твердынь веры» (Муза, 2023. С. 20). И если Запад по многим пунктам принижает Россию, приписывая ей застой, варварство, необразованность и иррациональность, то тем важнее идти своим собственным путем, создавая собственные цивилизационно-ценностные планы от доктрины «Русского Донбасса» до доктрины «Русского мира», и на их базе объединять народ в «новую соборную целостность», строить автономную русскую культуру.

Вторая затронувшая нас тема автора – тема идеологии. Она, собственно, коррелятивна теме ценностей, а моментами практически сливается с ней. Идеология для автора выступает как «определяющий фактор конституирования национальной безопасности России и ее стратегических перспектив» (Муза, 2023. С. 25). Д. Муза отвергает «научную» идеологию, видя в ней момент карикатурности, так же как отвергает идеологию марксизма. Он связывает вопрос об идеологии с вопросом о безопасности, поставленный в такой плоскости: что именно нуждается в защите? Какие ценности и идеи нуждаются в отстаивании и продвижении? Автор показывает, что неолиберальная парадигма заиклена на защите индивидуализма, конструктивизм печется о все той же личной идентичности, неомарксизм интересуется лишь классовой солидарностью. Соответственно, перед Россией, странами Азии и Африки стоит задача отстаивания своих аутентичных коллективных ценностей, объединяющих цивилизационную целостность.

Исходя из идей А. С. Панарина, автор пишет, что русская цивилизационная альтернатива должна опираться на «1) экологическую идею, повышающую статус окружающего мира, приниженного модерном и превращенного им в простое средство; 2) идею культурного многообразия мира, которому модерн угрожает нивелировкой, достигшей крайней формы в образе массо-

вой потребительской культуры; 3) нравственно-религиозный фундаментализм, на основе которого будет выстраиваться идентичность и безопасность России. В таком виде, быть может, перед нами важная вариация “Русской идеи” для XXI века» (Муза, 2023. С. 29). Далее автор размышляет о необходимости внешнеполитической идеологии, объединяющей страны БРИКС и ШОС, а затем переходит к внутренним проблемам – ибо идеология должна не только спланировать страны, но – и прежде всего – народ внутри страны, внутри России.

Ставя вопрос об идеологии, Д. Муза апеллирует к позиции президента В. В. Путина, отметившего в качестве важнейшей идеологической идеи идею патриотизма, а также обращается, что вполне логично для евразийца и православного человека, к текстам патриарха Кирилла. Он отмечает: «Между прочим, в этом же направлении предлагает двигаться и Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Разрабатывая концепцию “Русского мира”, он предлагает идейный (идеологический) синтез, выстраиваемый на основе всего значимого и ценного из всех периодов бытия русской цивилизации. В итоге его формула гласит: “вера – справедливость – солидарность – достоинство – державность”. Но к этому аксиологическому ядру также присоединяется “оболочка” в виде такого набора ценностей: мир, единство, нравственность, честность, патриотизм, милосердие, семья, культура, национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность» (Муза, 2023. С. 34).

На наш взгляд, очень важно, что и в тексте патриарха Кирилла, и в главе книги Дмитрия Музы звучит тема справедливости.

И здесь, нам представляется, можно было бы и не отвергать марксизм, главный пафос которого – справедливость, возможность для всех людей свободно развиваться, воплощать свои лучшие жизненные силы. Тем более, что несколько выше, сославшись на позицию В. Н. Тростникова (Тростников, 2008. С. 182–184), автор отмечал, что «марксизм обладал:

- а) “отзвуком” ветхозаветной истории;
- б) “отзвуком” главного евангельского обетования;
- в) “отзвуком” святоотеческого наследия;
- г) имитацией научности.

И несмотря на то, что марксистский социальный эксперимент над Россией закончился крахом, нынешнее положение дел, а именно тотальная либерализация цивилизационного процесса, создала не меньше (на деле – гораздо больше) проблем, чем “великое учение” Маркса – Энгельса – Ленина» (Муза, 2023. С. 15).

Думается, марксизм был неправ прежде всего в том, что радикально отрицал веру, считая ее иллюзорным сознанием, но в то же время объединение марксистской идеи социальной справедливости с христианской идеократией и пафосом соборности могло бы дать России мощную идеологию, связыва-

ющую в единой концепции «небо и землю». Существуют же в Латинской Америке примеры христианского социализма! Если бы русская церковь могла преодолеть свою историческую обиду на советскую власть, единство ценностей земной и Божественной справедливости было бы необоримо.

Высоко ценя панаринскую идею «православной цивилизации», которую развивает Дмитрий Муза, мы, тем не менее, хотели бы, не вступая в полемику с автором, напомнить о том, что российский суперэтнос не только объединяет разные народы, но и разные веры. Кроме того, «Русский мир» включает в себя не только верующих, но и людей светских, не воцерковленных, а часто и не задумывающихся о высоких метафизических темах. И все это тоже «наши люди», органичные составные и Русского мира, и России. Наверное, размышляя об идеологии и аксиологии, стоит учесть «всех наших», составляющих современную Россию и создающих ее культуру, всех тех, кто готов ее защищать, отстаивать и развивать, хранить ее историю и ее ценности, находя в них смысловое и эмоциональное единство. Целостность России, ее историческая память, язык, культурное наследие, ее стремление к коллективности и солидарности, ее добросердечие, великодушие и щедрость создают единство как Русского мира, так и других культурных миров, живущих вместе в тесном союзе. И при этом, не преклоняясь перед Западом, но уважая его лучших представителей-гуманистов, стоит, думается, брать у него для себя самое полезное и значимое для развития, что Россия всегда и делала.

Книга Дмитрия Музы «О метафизике русской судьбы: исторические, культурологические и философские опыты постижения» интересна для чтения, будит мысль, заставляет задуматься. Пожелаем автору, который активно работает, новых книг, новых идей, новых философско-культурологических побед.

Список источников

Муза Д. Е. О метафизике русской судьбы: исторические, культурологические и философские опыты постижения / Центр стратегической конъюнктуры. – Москва: Издатель Воробьев А. В., 2023. – 152 с. – ISBN 978-5-93883-498-9.

Панарин А. С. Искушение глобализмом – Москва: ЭКСМО, Алгоритм, 2003. – 415 с. – ISBN 5-699-04747-6.

Тростников В. Н. Бог в русской истории. – Москва: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. – 210 с. – ISBN 978-5-94625-305-5.

Уткин А. И. Русские войны XX века. – Москва: Родина, 2022. – 528 с. – ISBN 978-5-00180-647-9.

References

Musa D. E. On the metaphysics of Russian fate: historical, cultural and philosophical experiments in comprehension. *Tsentr strategicheskoy kon'yunktury. Moskva: Izdatel'stvo Vorob'yeva A. V. Center for Strategic Conjunction. Moscow: Publisher Vorobiev A. V.* 2023; 152 p. (In Russ.).

Panarin A. S. Temptation by globalism. *Moskva: EKSMO, Algoritm = Moscow: EKSMO, Algorithm Publ.* 2003; 415 p. (In Russ.).

Trostenikov V. N. God in Russian history. *Moskva: Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi = Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church.* 2008; 210 p. (In Russ.).

Utkin A. I. Russian wars of the twentieth century. *Moskva: Rodina = Moscow: Homeland Publ.* 2022; 528 p. (In Russ.).

История рецензии:

Поступила в редакцию – 16.12.2024

Одобрена после рецензирования – 15.01.2025

Принята к публикации – 17.01.2025

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна

*доктор философских наук,
профессор кафедры истории зарубежной и
отечественной философии,
Южный федеральный университет*

Пендюрина Людмила Петровна

*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры «Философия и мировые религии»,
Донской государственный технический университет*

УДК 316.77
DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.15
EDN ZZIOBO

Информационное сообщение

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ЖИЗНЕННОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

О некоторых результатах XVII ВНК «Молодежь российских регионов: исследовательские практики и актуальные проблемы жизненной самореализации»

В период с 30 сентября по 1 октября 2023 года в Кабардино-Балкарской Республике состоялась XVII Всероссийская научно-практическая конференция «Молодежь российских регионов: исследовательские практики и актуальные проблемы жизненной самореализации». Организаторами выступили Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (ИСиР ЮФУ), Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова (КБГУ им. Х. М. Бербекова), Южно-российский филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН). Участниками конференции стали бакалавры, магистранты, аспиранты, молодые и опытные ученые из Москвы, Ростова-на-Дону, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Адыгея, Республики Крым, Краснодарского края, Ставропольского края и Республики Абхазия.

Открыл пленарное заседание Всероссийской конференции научный руководитель Института социологии и регионоведения ЮФУ, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, Заслуженный деятель науки РФ, д. филос. н., профессор Ю. Г. Волков. В своем выступлении Юрий Григорьевич сделал акцент на значимости роли наставника для молодых людей, которые выбрали науку в качестве будущей профессиональной деятельности, и заверил, что конференция является отличной площадкой для конструктивного диалога и формирования профессиональных связей опытных исследователей и молодежи.

Базовый пленарный доклад «Что мы знаем об обществе, в котором живем» представил научный руководитель ФНИСЦ РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН, академик, член Президиума РАН М. К. Горшков.

Михаил Константинович выступил с результатами мониторинговых исследований российского общества, которые на протяжении нескольких десятков лет осуществляет Институт социологии РАН. Данные иллюстрируют тренды социального самочувствия российского населения и характеристики его развития. Докладчик отметил, что наиболее сильными факторами, влияющими на мнение людей, являются место жительства, среднедушевой доход и здоровье. Характеризуя самочувствие россиян, спикер подчеркнул, что доля негативно настроенных граждан заметно снизилась, а позитивно – наоборот, повысилась. При этом академик заметил, что большинство участников мониторинговых исследований оценивают ситуацию в своем городе или селе как более позитивную, чем в общем в стране и в мире¹.

Далее на пленарном заседании выступил министр по делам молодежи КБР, к. соц. н. А. Х. Люев с докладом на тему «Социальный портрет современной молодежи», в котором приоритетной назвал задачу по формированию экосистемы региональной молодежной политики, способной создать необходимые условия для позитивного развития молодого человека независимо от выбранной траектории. Важными характеристиками такой системы должны стать гибкость, открытость и доступность.

Следующим прозвучал доклад директора Научно-исследовательского Института комплексных проблем Адыгейского государственного университета, профессора Р. Д. Хунагова «Этнокультурная идентичность современной молодежи: региональное измерение». Рашид Думаличевич представил данные исследования, согласно которым наибольшую консолидирующую роль в формировании национальной идентичности играют общая территория проживания, язык и традиции. При этом и ситуационные, и повседневные практики жизнедеятельности молодого человека оказывают влияние на формирование этнической идентичности, но с разной интенсивностью.

Завершающим пленарное заседание стал доклад М. А. Васькова, д. соц. н., профессора Института социологии и регионоведения ЮФУ, на тему «Перспективы развития просветительской работы со студенческой молодежью воссоединенных территорий». В своем выступлении Максим Александрович провел анализ влияния исторического опыта воссоединенных территорий и психоэмоционального состояния граждан на мироощущение молодых людей.

Далее обсудим основные тезисы научных докладов молодых ученых и исследовательских коллективов, в состав которых входят молодые ученые. Интерес присутствующих вызвало выступление «Социологический аспект гражданского патриотизма молодежи Крыма», представленное д. полит. н., доцентом, директором Крымского филиала ФНИСЦ РАН В. В. Узуновым,

---

¹ В парламенте КБР выступил академик РАН Михаил Горшков // Республиканское информационное агентство «Кабардино-Балкария» (2023). – URL: <https://kbrria.ru/obshchestvo/VParlamenteKBRvystupilakademikRANMikhailGorshkov> (дата обращения: 16.12.2024).

к. соц. н., доцентом, ст. н. с. Крымского филиала ФНИСЦ РАН Е. Г. Городецкой, к. соц. н., доцентом, н. с. Крымского филиала ФНИСЦ РАН Н. В. Чигриной. На основе социологических исследований, проведенных в Республике Крым, авторы проанализировали влияние социальных институтов на формирование гражданского патриотизма, отметив особое влияние семьи и образования. Основными элементами, характеризующими понятие «патриотизм», молодые крымчане называют любовь к «малой» Родине, готовность защищать ее, историческую память, желание трудиться на благо общества.

«Отношение молодежи Республики Адыгея к современным деструктивным течениям» – следующий доклад, вызвавший общественный резонанс у участников мероприятия. Выступление было подготовлено группой исследователей из Адыгейского государственного университета (АГУ), среди которых С. А. Ляужева, д. филос. н., профессор, руководитель лаборатории социологической диагностики, профессор кафедры философии и социологии АГУ; А. Н. Шаповаленко, к. соц. н., специалист лаборатории социологической диагностики АГУ; Д. А. Киринов, социолог лаборатории социологической диагностики АГУ; и М. А. Мельгош, лаборант лаборатории социологической диагностики АГУ. Авторы отмечают, что сетевая культура в значительной степени трансформирует социализацию современной молодежи, в том числе способствует распространению деструктивного контента. Исследователи проанализировали отношение молодежи к деструктивным течениям, «группам смерти», радикальным религиозным течениям и пришли к выводу, что подавляющее большинство молодых людей, проживающих на территории Адыгеи, относятся к ним резко отрицательно. Однако есть небольшой процент опрошенных, которые затруднились ответить, что говорит, о том, что молодые люди или не знают о данных явлениях, или не видят в них деструктивного содержания, что подтверждает актуальность системной работы с молодежью по профилактике негативных явлений в молодежной среде.

Доклад к. соц. н., ст. преподавателя кафедры прикладной конфликтологии и медиации ИСиР ЮФУ А. Э. Пилипенко был посвящен современным технологиям реализации патриотических проектов в молодежной среде. Спикер со ссылкой на проведенное авторское исследование зафиксировала, что среди студентов Ростовской области сформирован запрос на участие в социальных практиках, направленных на деятельностное развитие гражданственности и патриотизма. Однако реализация данных инициатив должна учитывать и запросы самой молодежи: интерактивный формат и активное участие целевой аудитории, неназидательную форму проведения, доступность участия для представителей различных муниципальных образований.

Предпочтениям и ценностным ориентациям молодежи Донского региона через призму кинофильмов был посвящен доклад научного сотрудника Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН В. Г. Пантелеева. Сопоставляя люби-

мые фильмы студентов (один студент называл только один фильм, который потом был идентифицирован как отечественный или зарубежный) и наиболее значимые ценности, автор выявил три группы ценностных ориентаций в зависимости от различий оценок групп кинопредпочтений. По результатам исследования «группы – отечественное кино и зарубежное кино демонстрируют разность оценок применительно к важности ценностей, во многом характеризующие отношения между индивидом и обществом по линии лояльности второму. Здесь большую ориентированность на такие ценности демонстрирует группа отечественного кино» (Дьяченко и др., 2023). В заключение автор подтверждает высокую значимость киноиндустрии в формировании ценностей современной молодежи

Доклад магистра регионоведения Е. А. Гринченко был посвящен анализу реализации государственной молодежной политики как фактору общественно-политической активизации молодежи в постсоветской России. Исследователь в своем докладе ссылается на исторический опыт реализации государственной молодежной политики в нашей стране и приходит к выводу, что во все времена ключевыми проблемами в отношениях власть – молодежь являлся идеологический разрыв между поколениями, а также разные ценностные ориентиры и мировоззрение.

Аспирант ИСиР ЮФУ Д. А. Киселев свое выступление посвятил влиянию цифровизации на формирование семейных ценностей и установок современной молодежи. В ходе исследования социолог пришел к выводу, что семья продолжает занимать одну из главных ролей в системе базовых ценностей молодежи, однако условия новой цифровой реальности затрудняют семейную идентификацию и осложняют выбор модели поведения в рамках семейных взаимоотношений молодых людей.

Ст. лаборант Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН Е. А. Полякова представила доклад, направленный на анализ рисков и социокультурных угроз эпохи цифровизации в оценках студенческой молодежи. В ходе авторского исследования автор пришла к выводам, что несмотря на общую позитивную оценку цифровизации как явления, молодые люди среди рисков называют информационный стресс, который является неотъемлемой частью цифровизации, а также страх стать жертвой киберпреступлений. Причем последний беспокоит молодых людей как на личном, так и на общественном уровнях. Выступление аспиранта ИСиР ЮФУ Д. А. Семененко явилось логическим продолжением предыдущего доклада. Автор поднял тему факторов, влияющих на отчуждение пользователей глобальной Сети от реальности и действительности. Среди примеров Даниил Алексеевич обращается к понятию дружбы в цифровом пространстве, которая принимает новую форму: друзьями становятся те, кто активно обменивается информацией. Те пользователи, которые всегда в сети и готовы откликнуться на любое обновление

в профиле, считаются друзьями. При этом отсутствие грамотной цифровой гигиены со стороны молодых людей ведет к вовлечению их в деструктивные практики. Так, данные международного исследования (McAfee), продемонстрированные в докладе, свидетельствуют о том, что каждый из 75 % молодых людей сталкивались с агрессивным поведением в интернете. Наиболее распространенными темами при киберзапугивании являлись внешность респондентов (72 %), их национальность (26 %) или пол (12 %). Результаты представленных докладов продолжают подтверждать социальную актуальность изучения влияния цифровизации на молодых людей.

Завершающим стал доклад В. С. Яковлева, аспиранта ИСиР ЮФУ, направленный на определение значимости гражданских ценностей в ценностной системе молодежи Ростовской области. В ходе исследования автор пришел к выводу, что гражданские ценности современной российской молодежи самым непосредственным образом связаны с ценностью патриотизма. При этом на данный момент гражданственность как ценность для реализации патриотических практик носит во многом фасадный характер, а потому и гражданский патриотизм, на который сформировался определенный запрос в молодежной среде, на данный момент представляет собой, скорее, перспективное будущее.

В завершение остановимся на тезисах приветственного адреса Главы Кабардино-Балкарской Республики К. В. Кокова, в котором точно подмечена важность научного и практического обсуждения тем, поднятых на конференции: «Социология – важный и необходимый инструмент для анализа, понимания общественных проблем и выработки правильных решений на различных уровнях. А для тех людей, которые занимаются этой наукой, – это еще и важный опыт приобретения знаний, необходимых для формирования гражданского сознания, активного участия в общественной жизни».

Список источников

Дьяченко А. Н., Месхи Б. Б., Пантеле-ев В. Г., Печкуров И. В. Любимый фильм: предпочтения и ценностные ориентации студенческой молодежи (на примере городов Ростова-на-Дону и Таганрога) // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 6(64). – С. 192–207. – DOI: 10.18522/2227-8656.2023.6.14. – EDN JSRJNH.

References

Dyachenko A. N., Meskhi B. B., Panteleev V. G., Pechkurov I. V. Favorite movie: preferences and value orientations of students (on the example of the cities of Rostov-on-Don and Taganrog). *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2023; 12; 6(64): 192–207. DOI: 10.18522/2227-8656.2023.6.14 (In Russ.).

Сведения об авторе

Пилипенко Анастасия Эдуардовна

Кандидат социологических наук, старший
преподаватель кафедры прикладной
конфликтологии и медиации Института
социологии и регионоведения Южного
федерального университета
SPIN-код: 1285-6770
AuthorID: 1085543
kalosha@sfedu.ru

Information about author

Anastasia E. Pilipenko

Candidate of Sociological Sciences,
Senior Lecturer, Department of Applied
Conflictology and Mediation, Institute
of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
kalosha@sfedu.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала. К публикации принимаются работы, ранее нигде не опубликованные.

Рекомендуемый объем статьи – 1 авторский лист (40 тыс. знаков с пробелами, или 18–20 страниц машинописного текста).

Текст статьи должен быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25. 40 % из них – иностранные источники.

Языки публикаций: русский, английский.

Информация на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью)
Научная степень, звание, должность
E-mail:
Тел.
Аффилиация
Название организации
Город
Страна
Аннотация (объем от 200 до 300 слов)
Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах, выводах и предположение о дальнейшей работе
Ключевые слова
Ключевые слова разделяются точкой с запятой
Основные положения
Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка

Информация на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке
Научная степень, звание, должность
E-mail:
Тел.

Аффилиация на английском языке <i>Название организации</i> <i>Город</i> <i>Страна</i>
Аннотация на английском языке (<i>объем от 200 до 300 слов</i>) <i>Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах, выводах и предположение о дальнейшей работе</i>
Ключевые слова на английском языке <i>Ключевые слова разделяются точкой с запятой</i>
Основные положения на английском языке <i>Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка</i>

Статья должна быть написана в соответствии с международным форматом **IMRaD** (Introduction, Methods, Results, and Discussion).

Каждый раздел статьи отвечает на определенные вопросы.

Введение (Introduction)	Какой проблеме посвящено исследование? Введение должно определять суть проблемы (о чем именно идет речь), указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования
Методы (теоретические основы) (Materials and Methods (Theoretical basis))	Как изучалась проблема?
Результаты (Results)	Каковы основные результаты? Результаты исследования, без интерпретаций
Обсуждение (Discussion)	Что означают полученные результаты? Интерпретация результатов исследования и других связанных с ним материалов. Значение наблюдаемого мнения для цели исследования
Заключение (Conclusion)	Обобщите результат и его значение, последствия и практическое применение исследования, рекомендации

Благодарности (Acknowledgments)	Не обязательно
Список использованных источников (References)	На русском и английском языках

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. P. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках – после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А. Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г. И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>.

ДИССЕРТАЦИЯ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в. : материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008. 224 с.

Оформление русскоязычной литературы в REFERENCES

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе транслитерационного стандарта **BGN**.

Рекомендуем авторам воспользоваться ресурсом [http:// www.translitteration.com/transliteration/en/russian/bgn-pcgn/](http://www.translitteration.com/transliteration/en/russian/bgn-pcgn/) для перевода русскоязычного текста на латиницу:

- авторы (транслитерация);
- год (в круглых скобках);
- перевод названия работы;
- название русскоязычного источника (транслитерация курсивом);
- выходные данные с обозначениями на английском языке (город, издательство).

Пример оформления списка – REFERENCES

КНИГИ

Автор (год издания). *Заглавие*. Место издания: Издательство.

Marshak, A. L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ. (in Russian).

СТАТЬИ

Автор (год издания). *Заглавие*. *Название журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G. I. (2005). Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 4, 84-96. (in Russian).

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие (год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (год издания). *Заглавие*. (Doctoral Dissertation, университет, город).

Lubsky, R. A. (2015). Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (год издания). *Заглавие*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство.

Belyaeva, L.A. (2005). Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (год издания). *Заглавие* // Название конференции: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). To the problem of marginality and culture in modern Russia // Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Свободная цена
Фотоматериалы из открытых источников

Сдано в набор 24.02.2025. Подписано в печать 27.02.2025
Дата выхода в свет 27.02.2025
Печать цифровая, гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 17,88
Формат 70×100 $\frac{1}{16}$. Тираж 500 экз. Заказ № 9898

Издатель ООО «ОМЕГА-ПРЕСС»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Мясникова, 54/34/41,
тел. 8 (863) 219-97-25

Отпечатано в Отделе полиграфической, корпоративной
и сувенирной продукции Издательско-полиграфического
комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1,
тел. (863) 243-41-66

